ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 16 АПРЕЛЬ 1991

РВАНЁМ?

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 16 (3326)

13 — 20 апреля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Льва Шерстенникова. (См. в номере материал «Хочу в акционеры».)

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 25.03.91. Подписано к печати 09.04.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 285. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

РАССТРЕЛЯННЫЙ

Анатолий ГОЛОВКОВ

Современник, за окнами весна, апрель 1991 года... Какими заботами живем? Муками дефицита? Восхищением перед ораторами, страхом за детей? Не горюй: цены не так уж высоки, не пройдет и года, как они станут вызывать улыбку. Депутаты наши не так уж наивны, парламенты вовсе не «консервативны» — они суть отражения общества, которое сегодня не может быть иным. Бастующие шахтеры — не враги народа: они на краю терпения. Бьющие нас по спинам резиновыми дубинками солдаты всего лишь выполняют приказ. Постарайся взглянуть на все это философски: лет через двести разберутся — как можно ложью спасать ложь, иллюзиями заменять правду, упрямо отстаивать идею, обреченную на провал в самом зародыше. Так что же, действительно от нас не останется ничего, кроме формулы в учебнике? Хочется надеяться, что память сохранит тех, кто возвышал голос разума и истины, добром противостоял злу, упорно искал свет в темноте туннеля. Кто оставил для будущего, может быть, самое главное: летопись нашего тревожного времени — в газетных строчках, фотоснимках, кадрах кинохроники...

И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...
Откровение, 21,1

Солдаты приходят ночью. Режим еще не научился убивать нас среди бела дня. На улице Шота Руставели саперные лопатки были занесены над головами людей, когда они опустились на землю. Танки ворвались в Баку, когда город спал. Литовцы, которые пришли защитить телевидение, до последней минуты верили, что если в них и начнут стрелять, то холостыми.

В Риге бойня была устроена в тихий воскресный вечер, когда безоружные защитники республики начали было разбирать баррикады, в храмах шла молитва, а матери укладывали детей. Больше двух месяцев прошло с тех пор, но все еще невольно замедляешь шаг в парке, где 20 января 1991 года стучали автоматы и в небе было светло от трассирующих пуль. Возле деревьев на местах гибели людей и сегодня лежат цветы, горят поминальные свечи. В числе жертв этой ночи — кинорепортеры Андрис Слапиньш и Гвидо Звайгзне.

* * *

Вильнюс, 11—20 января.
Саша Демченко.

— Когда мы закончили последнюю картину, «Крестный путь», я спросил нашего режиссера и продюсера Юриса Подниекса: что, дескать, будем делать дальше? «Хватит,— сказал Юрис,— никакой работы, все и так вымотались». Однако потом решили поехать в Вильнюс, показать коллегам новый фильм,

Гвидо Звайгзне, январь 1991 г. (последний снимок)

СЮЖЕТ

лышал от нее, было: «Саша, нет Андриса».

Рига, 19—20 января.
Юрис Подниекс

— В ночь на воскресенье мы с Андрисом и Гвидо доснимали костры у телевидения, кто-то сидел у телефона в студии. Нам всем казалось, что этот день, 20 января, ничего дурного не предвещал. Атмосфера на баррикадах сильно изменилась. Появились экскурсии, матери пришли к сидящим у костров отцам с детьми, фотографировались, да и сами баррикады казались чем-то вроде декораций. .

Вечером мы спокойно сидели в «Доме кошки», как его тут называют, в нашей студии в старой Риге, когда вдруг в десятом часу звонит Володя Меркулов, оператор телекомпании Эй-би-си-ньюс: «Юрис, по-моему, стреляют где-то в вашей стороне». Я сразу поду-

На рижских баррикадах. В центре А. Слапиньш, крайний справа Г. Звайгзне

а если удастся, и поснимать: слухи из Литвы доносились тревожные. По настроению Андриса и Гвидо я чувствовал, что они тоже не прочь поехать с нами, однако Юрис остановил выбор на мне и Анри Кренбергсе.

Тринадцатого услышали гул танков. Помчались на машине к парламенту, спрашиваем, куда пошла колонна. Говорят: в сторону телецентра. Там мы и столкнулись с ними нос к носу. Римас Шилинис, литовский режиссер, тут же выскочил из машины, за ним Юрис с кинокамерой. Света явно не хватало, и он крикнул мне: «Снимай на видео!»

Появились легкие десантные танки, и я пошел с камерой вслед за ними. Вокруг творилось что-то невероятное. Толпа напирала, солдаты кричали: «Отойдите!» — и били прикладами автоматов всех подряд. До входа в телецентр оставалось метра четыре. Десантники пытались достать меня, но удавалось уклоняться от ударов. Отступив, я уперся спиною во что-то жесткое, это была броня танка. Надо было уходить, чтобы спасти материал. А куда? Обежать танк? Слева в темноте маячили фигуры десантников. И тут я заметил того самого, который следил за каждым моим движением.

Наши взгляды встретились, и, кажется, мы мгновенно все друг про друга поняли: он — что мною все снято, я — что мне сейчас скорее всего будет конец, но кассету надо сохранить. И он занес надо мной автомат и ударил по спине. Я только успел напрячь мышцы и спрятать под живот камеру. Сразу же начал кашлять, так как выбило дыхание, отнялась правая рука. У меня хватило сил пройти еще несколько шагов. Потом опустился на колено и оглянулся. Десантник остался на том же месте, наблюдая, упаду я или нет.

Меня разобрало зло, я встал в полный рост и стал снимать его в упор, держа камеру левой рукой. Тогда он медленно поднял ствол автомата и выстрелил. Патрон был, к счастью, холостой, меня только оглушило. Долго думал после этого: зачем ему был нужен этот выстрел? Работал как в шоке, боли не чувствовал. Позже врачи сказали: «Тебя треснул по спине профессионал». Нашли две трещины в лопатке, несколько позвонков оказались сдвинутыми. В общем, отделался.

Утром Юрис уехал с отснятым материалом в Ригу, а мы с Анри остались. Снимали в морге. Лица некоторых убитых я узнал — всего несколько часов назад они стояли у телецентра и пели литовские песни. Других и родные опознать сразу не могли...

Целую неделю мы были здесь, и 21 января утром, еще ничего не зная про Ригу, я позвонил в студию. Трубку сняла Ингуна Горника, и первое, что я усмал: у парламента — и кинулся на улицу. А когда возвращался за камерой, навстречу мне пронеслись Гвидо с «Рефлексом» и Андрис с моим «Бетакамом», оба опрометью побежали на выстрелы. Я только успел им крикнуть: «Увидимся на Бастионке!» Пока искал другую камеру и кассету к ней, не заметил, как следом за ребятами выбежали звукооператор Нормундс Дейнатс и мой сын Давис.

Возле здания МВД, по ту сторону парка, шел настоящий бой. Я устроился на мостике через канал, но деревья заслоняли мне план, пришлось немного отступить. Снял стрельбу. Минут десять торчал там, видел, как омоновцы лезут в окна МВД на первом этаже. И тут заметил, что в кустах неподалеку появились люди в касках и направляются в мою сторону. В ту же секунду открывается жуткий перекрестный огонь. Осознаю, что палят по мне, перед гла-

зами все белое. Пули попадают по перилам и рикошетом летят в стороны.

Побежал назад и тут вижу, что на берегу, за деревом возле мостика стоит Андрис Слапиньш и снимает, как я к нему приближаюсь. «Спокойно!» — сказал я ему. А рядом Нормундс как ни в чем не бывало пишет звук на магнитофон. Мы с Андрисом поворачиваемся друг к другу, и в этот момент раздается одиночный выстрел. Падаем навзничь. Андрис лежа поворачивается ко мне, лицо залито кровью. «Снимай меня»,— сказал он. «Куда тебя ранили?» — «Прямо в сердце».

Он несколько раз приподнимался, пытаясь встать. А мы с Нормундсом старались перевернуть его на бок, чтобы не захлебнулся кровью. Андрис бормотал уже что-то несвязное, но одно слово можно было различить, он повторил его несколько раз: «Жаль...»

Я стал звать на помощь, матерясь в ту сторону, откуда только что стреляли. Вокруг было тихо. Мы сделали попытку ползком вытащить Андриса. Но тут снова началась такая пальба, что невозможно было поднять голову. Я посмотрел, как пули поднимают фонтанчики у самых ног, и сказал Нормундсу: «Давай переждем». В это время Андрис уже умирал, изо рта у него пошла розовая пена. Несколько минут спустя под прикрытием какой-то странной машины, которая двинулась прямо через мостик, появились санитары с носилками.

Он умер там, у дерева.

Рига, конец марта. Наталья Дюшин

— Муж работал как одержимый, снимая картину за картиной, будто боялся чего-то не успеть, и совсем не чувствовал опасности. Андрису просто в голову не приходило, как это с ним может что-то случиться. Кто его там ненавидит, кто хочет погубить? Ведь он сам никому не желает зла, он снимает фильм, делает свое дело, работает... Он еще учился во ВГИКе, в Москве, где мы и познакомились, когда однажды решил пройтись по кромке акведука у городка Моссовета с закрытыми глазами, «чтобы проверить равновесие».

Во Франции он подбирал материалы в архивах для нового фильма. Зашли мы как-то на Северный рынок в Париже, там есть магазинчик, где продают военную амуницию. Андрис купил рюкзак, израильский спальный мешок. Эти вещи действительно были ему нужны в странствиях по Северу. Потом заговорщицки сообщил мне: «Присмотрел я тут одну штуку, прямо не знаю, как быть...» Это было уже перед самым отлетом. «Ну, так давай вернемся?» — предложила я. Но мы уже не успевали.

Только потом я узнала от ребят из студии, что Андрис хотел купить бронежилет. Не только для себя, а главным образом для Юриса, который, как он считал, больше всех рискует собой.

После смерти Андриса и Гвидо трудно что-то доказать. Но я убеждена: группе мстили за литовские материалы. За то, что видеосюжет, снятый Юрисом и Сашей, увидели в мире. Ведь Подниексу анонимно звонили еще до 20 января, предупреждали, чтобы «не лез не в свои дела».

Когда Юрис вернулся из Лондона, он привез четыре бронежилета.

Вильнюс, 21 января. Саша Демченко

— Когда мы с Анри узнали, что убили Андриса, а Гвидо ранен, решили немедленно возвращаться в Ригу. Но я все-таки решил дозвониться до Юриса. Это было 21-го утром. А он, как-то выдавливая из себя слова, сказал: «Извини, Саша, что поступаю жестоко, но вам придется все же остаться и снять интервью с черными беретами. Другого выхода нет».

И вот пойми мое состояние... Я должен ехать и говорить с ними. О чем?! Спросить, за что его рижские коллеги убили моих друзей?! Анри сказал: «Сейчас ехать нельзя. С такими лицами нас просто не пропустят через КПП...» Тогда мы сели в машину и стали бесцельно ездить по городу. Надо было отойти. Плакали, пели какие-то песни, орали... Возможно, мы мало что изменили в своем настроении, но нас пропустили.

Первым делом береты спросили, что я думаю о вильнюсских событиях. Я соврал, что ничего не знаю, мол, только что прибыли в столицу Литвы. До белого каления меня чуть было не довел один усатый десантник, который влез в разговор. «Мы видели видеоматериал,— сказал я ему,— там ваши люди бьют прикладами литовцев». «Ну и что?» — искренне удивился он.— Как я мог иначе поступить: полторы сотни моих десантников против полутора тысяч пьяных демонстрантов?..»

Ты меня знаешь, я сам служил в морской пехоте. Нас учили защищать, а не убивать свой народ. Но, ей-богу, будь у меня в руках автомат, выпустил бы в него весь рожок... Сейчас вот, когда с тобой разговариваю, может, и не выпустил бы, а тогда...

Визит в Вецмилгравис

— Мы ездили на базу рижских омоновцев уже после 20 января,— рассказывал Подниекс.— Выглядели они как побитые собаки: мрачные, раздраженные. Божились, что никто из них не стрелял в сторону парка. Что у них «не было в этом никакой необходимости», поскольку «из парка не исходило опасности». А у нас есть свидетель, который утверждает, что видел среди деревьев как минимум двух людей в форме ОМОНа, которые вели перекрестный огонь.

Отряд рижского ОМОНа трансформировался из бывшего кооператива «Викинг» — что-то вроде частной охраны. Они хорошо зарабатывали как профессионалы и были настоящей грозой рэкетиров и местной мафии. С ними уголовщина предпочитала не связываться. А когда 15 мая прошлого года омоновцы защитили парламент от «Интерфронта», республика готова была носить их на руках. Их популярность была очень высока.

Настоящий конфликт произошел, когда министром внутренних дел стал Алоиз Вазнис. Он сказал: «Я подчиняюсь парламенту республики, а вы отныне будете подчиняться мне. Ваш «Викинг» придется закрыть — носите милицейскую форму, наше оружие, а деньги загребаете для себя». «Да пошел бы ты...— не совсем вежливо ответили береты.— Раз такое дело, мы вашему МВД подчиняться не будем!»

Тут же их приказом сняли с патрулирования по городу, несколько десятков до зубов вооруженных людей оказались в изоляции. База в Вецмилгрависе стала их крепостью. И тут на эту базу обратил свои взоры ЦК Компартии Латвии. Говорят, сам первый секретарь Рубикс приезжал к ним с тортами. Зачастили туда партаппаратчики: дескать, видите, ребята, все у вас шло хорошо, а «этот нахал» Вазнис, не желая выполнять приказы Москвы, пытается переподчинить вас себе. И постепенно добились своего — бывшие члены кооператива «Викинг» стали карательным отрядом партаппарата.

Но после захвата Дома прессы, а особенно после первой пролитой омоновцами крови — убийства водителя Р. Мурниекса,— партаппаратчики стали официально от ОМОНа открещиваться. Ничего удивительного, это в их духе. Зато незадолго до событий 20 января в отряде появились люди, тоже в форме ОМОНа, которых раньше никто не знал. Черные береты предполагают, что это сотрудники контрразведки. Я беседовал с Александром Кузьминым, старлеем, командиром взвода. Во время нашего разговора вел он себя загадочно: то и дело озирался на двери и, когда они приоткрывались, тут же менял тему. И это Кузьмин, который ничего и никого не боится! На прощание он сказал: «Я тебе все расскажу, только лет через десять».

Офицер черных беретов *

— *...Подскочили мы на машине в район МВД, смотрим — здание какое-то рядом, выбили все что можно и туда... Идет стрельба, понимаешь? Ну, и нам уже пришлось стрелять. Я лично стрелял!.. Взломали мы кабинеты Министерства архитектуры, потому что рядом были наши товарищи, машины наши стояли... Я стрелял прицельно. Может быть, я кого-то убил, может, я теперь убийца... Я смотрел, откуда огонь, и стрелял... Все-таки мои товарищи были у МВД, любого из них могли убить... Меня гражданские, министерские там не волновали, только наши. Живы ли? Ранены?*

— Значит, ты по гражданским не стрелял?

— *Конечно, нет! То есть я никогда по гражданским и не буду стрелять! Только человек с оружием может представлять опасность. Вот в него — да, если от него будет огонь... Очень сложно убить человека.*

— Скажи, ты лгал когда-нибудь?

— *Себе?*

— Ты старался обмануть себя?

— *Пытался обманывать... Других?.. Да, детские вещи... Но себя не обманешь. Никогда. Все равно осадок на душе остается.*

Юрис Подниекс (продолжение)

— Андрис Слапиньш... Он был талантлив, его заметили еще со вгиковской дипломной работы «Песни ливов». В Сибири он снял фильм о депортированных латышах «Ночь перед песней», за что имел большие неприятности с КГБ, мотался с камерой по Северу... Так мы и работали порознь, а сошлись, когда я начал «Созвездие стрелков». Я его тогда попросил, чтобы он поехал с нами, поснимал стариков, у него это здорово получалось.

Мы ездили на «Жигулях» нашего сценариста А. Плаудиса, я сидел с ним, а Слапиньш всегда сзади. В голове Андриса рождалось по несколько идей в секунду, и ему хотелось тут же поделиться с нами. Это были нескончаемые потоки сознания. Признаться, он здорово досаждал нам, но только потом, когда заканчивали картину, я понял, что без Слапиньша она просто бы не состоялась. К тому же он писал стихи. Он сочинял их ночью, а утром приходил в монтажную и декламировал, выбивая нас из колеи. Это был яркий, очень одаренный и столь же незащищенный человек.

После того как мы закончили «Крестный путь», Андрис вернулся к своему фильму «Балтийская сага»: действие происходит во время войны в Курляндском котле. Теперь монтировать эту картину придется мне. Но это будет не только его фильм, но фильм и о нем...

Андрис СЛАПИНЬШ

Еще оставшимся в живых охотникам за людьми *

Черная ночь. Он стоит на вахте.
И земля вращается после битв,
укрывается ночным одеялом
с утренними звездами,
цианистыми звездами.
Кто-то рядом роет могилу:
«Эй, мужики с автоматами!»
А они идут и идут,
не заканчивается поток,
толкающий кровь назад.
Я шел — за свободу латышского парня
и его златокудрой невесты,
внимая вороньему крику:
«Друг, не смотри назад!»

* По настоятельной просьбе офицера его имя не названо.

** Последнее стихотворение А. Слапиньша. Декабрь 1990 года.

Рига, 20 января. Зигис Видиньш

— Когда все это началось, мы с Гвидо Звайгзне и сыном Подниекса Дависом побежали в парк самым коротким путем. Стрельба уже шла вовсю. Давису я сказал: «Ради Бога, уходи отсюда!» — и он отбежал в сторону. Мы остались с Гвидо. Тут в нас и выпустили первую очередь.

Когда грохот прекратился, Гвидо сказал: «Слушай, я не успел заклеить лампочки на камере». Мы оба почувствовали, что это прицельный огонь и цель — мы. Грянула вторая автоматная очередь. Гвидо крикнул: «Зигис, я ранен!» «Куда?» — спрашиваю. «Надо выбираться отсюда»,— сказал он. Ну, а дальше... Понимаешь, я отчетливо помню, что мы как-то переползли за каменный барьерчик Бастионной горки, у самого ее подножия. Потом я включил камеру и стал снимать Гвидо...

Однажды

— Когда мы снимали в Чернобыле,— рассказывал Саша Демченко,— выпал снег. Стали играть в снежки. Да, мы дурачились и играли в снежки; Гвидо, Анри и Юрис почему-то выбрали меня в качестве мишени. Потом я схватил камеру, чтобы все это заснять. Они напали на Юриса, очень весело смеясь. А потом был момент, когда Гвидо оказался между Юрисом и Анри. Стало доставаться и ему, Гвидо Звайгзне, и вдруг он закричал: «Оператор неприкосновенен!» И это почему-то на всех подействовало. Пожали плечами. Даже настроение немного испортилось...

Рига, 20 января, около 22 часов. Фрагмент видеосъемки (отшифровка с монитора)

На экране шум, стрельба, крики. Зигис Видиньш ползет по земле и тащит за собой раненого Гвидо Звайгзне. За ними волочится включенная видеокамера Зигиса.

Голос Зигиса: *«Мужики, идите на помощь, Гвидо ранен!»*

Выстрелы.

Диалог за кадром.

Зигис: *— Может, мне одному пойти?*

Гвидо: *— Нет, почему ты один?*

Зигис: *— Ну, позову сестер, найду кого-нибудь...*

Гвидо: *— Не оставляй меня здесь. Ну, давай, пробуем...*

Ползут оба. Звуки царапающей о снег камеры.

Зигис: *— Надо бы добраться туда, повыше, там бы я тебя понес, а здесь еще нельзя...*

Гвидо: *— Как будто не так страшно. Пуля прошла насквозь или... Как будто крови немного... Вот к этому боку прикоснуться не могу.*

Скрежет камеры о снег.

Зигис: *— Эй, кто может, давайте на помощь! Здесь раненый!*

Гвидо: *—Где моя камера? А сумка?*

Зигис: *— Все взяли, не беспокойся.*

В кадре появляются люди в халатах, с носилками.

Голос санитара: «Давай ложись сюда!»

Гвидо: *— Нет, я сам пойду.*

Зигис Видиньш (продолжение)

— После этого я уже не выключал камеру. Гвидо положили в машину «Скорой помощи», но шофер ехать не пожелал, сказал, врач куда-то ушел, а без него он не сдвинется с места. Никакие уговоры не помогли. Пришлось поскандалить с шофером, Гвидо уже стал жаловаться, что ему трудно дышать, и мы потеряли минут пятнадцать, пока не подошла другая машина. До больницы он не терял сознание... Потом я снимал, как его готовят к операции, делают рентгеновские снимки. Между прочим, тот, где хорошо была видна пуля, застрявшая у позвоночника, позже загадочно пропал. После операции Гвидо, кажется, так и не пришел в себя...

Рига, конец марта.
Дайга Звайгзне

— 20 января утром я ему помыла голову и уложила волосы феном, муж обожал, когда я это делала. Гвидо спешил, и я сказала, что буду ждать его вечером. Ну, а вечером, как ты знаешь, все это началось... Каждый раз перед съемками я ему говорила: «Будь осторожнее, у нас маленькие дети!» Ну, так говорила, на всякий случай... 1 мая ему бы исполнилось 33 года...

Как только узнала, что его ранили, друзья отвезли меня в больницу, куда по ошибке еще раньше приехала Наташа Дюшин, жена Андриса, а Слапиньша уже не было в живых. С этого дня мы от Гвидо не отходили. Была одна операция, затем другая... Из Америки прислали медикаменты, из Швеции — дыхательный аппарат. Нужна была кровь первой группы, резус положительный, дали объявление по радио, к больнице пришло больше тысячи доноров. Но врачи меня не успокаивали.

Перед второй операцией пришел знакомый священник из лютеранской церкви, Марис, и прямо в операционной крестил Гвидо. На что было надеяться? Пуля прошла через мышцу руки, вошла в туловище, задела почку, легкие, диафрагму, печень и застряла возле позвоночника... И что у них там за пули такие, кувыркаются по всему телу?

Гвидо умер 5 февраля на рассвете. Когда республика узнала об этом, стали звонить. Предлагали устроить траурный митинг возле памятника Свободы, обещали какой-то роскошный катафалк, я от всего отказалась, потому что Гвидо не любил официоза и митингов. Правда, правительство выделило значительную сумму денег, я взяла. Мы с Гвидо только последние пару лет зажили по-человечески, кое-что даже скопили, но к моменту его гибели почти ничего не осталось. К тому же я пока не работаю, маленькому Кришьянису полтора годика, а Уне — шесть, и как там дальше сложится...

Понимаешь, я никого из близких до этого не хоронила. Ну, написала ему письмо, положила в гроб, а еще удостоверение кинооператора, нашу семейную фотографию, сигареты с зажигалкой, бутылочку виски — он любил виски, две кассеты с записью рок-опер Вебера, кусочек янтаря с побережья. Ведь Гвидо родился в Рое, на берегу моря.

Мимо Бастионной горки ходить не могу, плохо мне там...

Гвидо Звайгзне.
Из записей в дневнике

«Стать порогом. Выгнуть спину, когда переступают тебя, и тихой улыбкой порога улыбнуться, если кто-то споткнется... Только в брошенном доме порог обрастает травой».

Рига, конец марта.
Из беседы со Львом Вороновым, заместителем начальника управления по расследованию особо важных преступлений Прокуратуры Латвийской Республики

— Из какого оружия велась стрельба?

— Из автоматов, пулеметов Калашникова, калибр 7,62 мм. Пистолетных гильз нами не обнаружено. От пулеметных очередей, как мы установили, никто не пострадал. Все пули, извлеченные из тел, автоматные, калибр 5,45 мм. Военные хирурги, прошедшие Афганистан, говорят, что никакого «смещенного центра тяжести» у этих пуль нет. Просто такие пули длиннее обычных и они легкие, поэтому и «кувыркаются»...

— Прокуратура располагает какими-либо материалами, чтобы можно было подтвердить эти факты?

— Располагали... Было несколько томов дела, но все мы передали в Прокуратуру СССР. И теперь следствие затягивается... К тому же мы имели возможность допросить только гражданских свидетелей, врачей, журналистов. К ОМОНу нас не допускают. А поскольку береты проживают вместе, а не расформированы, как обычно поступают в таких случаях с воинскими частями, у них есть возможность выстроить любую версию.

Юрис Подниекс (продолжение)

— Видишь ли, нет более страшного суда, чем суд человека над самим собой. Норовим отмотать кассету назад и порассуждать на тему «Что было бы, если бы...». Меня всегда удивляло, когда Андрис, отвечая из студии на телефонные звонки, представлялся: «Здесь Андрис Слапиньш из группы Юриса Подниекса!» «Ну чего ты дурака валяешь? — говорил я ему.— Как будто тебя знают в республике хуже, чем меня!» Да, он работал со мной, но как сложившийся мастер авторского кино — оператор, режиссер, сценарист... К Гвидо Звайгзне я долго присматривался, взял его в группу, и он вырос. Когда мы закончили «Крестный путь», Гвидо стал уже хорошим оператором: мы снимали землетрясение в Армении, Чернобыль, Литву.

Я их берег, как мог. Я не разрешил Гвидо снимать четвертый блок Чернобыльской АЭС изнутри, полез туда сам... В парк к этому проклятому мостику я тоже не имел права их пускать. Но ты же понимаешь... К этому времени мы привезли отснятый материал о вильнюсских событиях; они, Гвидо и Андрис, смотрели в монитор горящими глазами. Я понимал, что оба искренне рады за нас, но их профессиональная гордость была уязвлена. И когда в парке началось, возможно, они оба подсознательно отметили: это шанс!

Скажи, что я мог сделать, когда они, чуть не сбив меня с ног в коридоре, рванулись к Бастионной горке, на звуки выстрелов?.. Я должен был, наверное, отобрать у Слапиньша «Бетакам» и сказать: «Андрис, я сам возьму эту камеру, а ты, если хочешь, бери «восьмерку» и подстрахуешь меня...» Я должен был убедить Гвидо: «Тебе с этой 35-миллиметровой кинокамерой и этой пленкой делать там не-че-го! Да, пленка «Кодак», но это всего лишь 200—400 АСА *, и в такой темноте ничего не получится. А ставить свет под пулями — это и вовсе самоубийство...» Но дело решали секунды, и я не среагировал, я ничего не успел им сказать.

* * *

...«Крестный путь» оказался этапным фильмом группы Подниекса при участии Андриса и Гвидо. Похоронив ребят, Юрис сжав зубы принялся за реквием по своим друзьям: он смонтировал вторую часть. «Постскриптум», куда вошли последние кадры Слапиньша и Звайгзне. Никто в студии эту кассету лишний раз смотреть не может: комок подступает к горлу, дрожит в пальцах сигарета...

Со съемочной группой Подниекса сводила меня судьба в разные годы. С Александром Демченко мы снимали сюжеты в 30-километровой зоне Чернобыля. С Гвидо Звайгзне познакомились в Армении, работая параллельно. Както курили на балконе, и Гвидо старался держаться подальше от перил: позже я узнал — он всю жизнь старался сломить в себе страх перед высотой...

За неделю до католической Пасхи поехали на кладбище, надо было прибрать могилу Гвидо. Оттуда побрели к захоронению, где среди цветов улыбался с фотографии Андрис... И вот о чем подумалось мне на этом смиренном, чистеньком погосте, под шум мелкого балтийского дождика: этих ребят вырвала из жизни не боязнь перед опасностью, а трусость тех, кто в них стрелял.

В этом заключен некий абсурд: допустим, генералам было чего бояться после Тбилиси — выводов парламентской комиссии во главе с А. Собчаком, фактов, доказательств. Казалось, вот-вот — и будут названы их имена. Однако ни за тбилисскую акцию, ни за «штурм» Баку, ни за вильнюсский террор никто не наказан. Знамена у полков, покрывших себя позором, не отобраны, и ни о каких громких трибуналах мы не слыхивали. Посыпаны песочком пятна на асфальте, отмыты от крови лопатки десантников, собраны гильзы, выстирано обмундирование, почищены и смазаны автоматы. Они снова готовы к бою. Против кого на сей раз? Какая очередная точка на карте будет выбрана теневыми штабами и комитетами? Кому еще предстоит стать жертвой имперской карательной машины — воркутинским шахтерам, московским избирателям или киевским студентам?

Убежден и в другом: не те, кто выполняет приказ — милиционер ли, десантник, омоновец или какой-нибудь прапорщик армейских спецподразделений,— а те, кто его отдает, подлежат уголовной ответственности. Если это утверждение кажется спорным, спросите любого рядового участника акций, что лично он ощущает, когда его в лицо называют «фашистом», «палачом», требуют снять маску и показать лицо... Поговорите с младшими офицерами частей, которые вынуждены были повернуть оружие против народа, довольны ли они отведенной им аппаратом ролью, готовы ли в будущем пополнить собою палаты психбольниц... Процитирую лишь одно высказывание десантника, «героя» Вильнюса: «СССР — едва ли не единственное место на земном шаре, где армия и вооруженные подразделения по охране правопорядка обретают статус бандитских формирований».

От пуль карателей гибнут не только обычные люди, виноватые лишь в том, что их угораздило родиться в стране «коммунистической перспективы». В перекрестие прицела все чаще попадают фоторепортеры, журналисты, кинооператоры — те, кто, выполняя профессиональный долг, собирает материал, который может стать документом обвинения. В Карабахе убита азербайджанская журналистка, погиб редактор областной газеты, несколько дюймов отделяли от верной смерти оператора «Взгляда» — пуля прошла между камерой и лицом, нанеся легкое ранение.

Я знаю журналистов, которых за «неугодные» статьи политическая мафия заочно приговорила к смерти. Мне известно, что в КГБ хранятся досье на наиболее опасных «для дела социализма» коллег. Знаю об этом и думаю: в какой стране мы живем? Сколько еще придется ездить в командировки под чужим именем, входить в учреждения, оклеенные листовками, в которых тебе грозят «оторвать голову»... У себя на родине собирать информацию нелегально, пересаживаясь из машины в машину, спасаясь от слежки, путая следы, не объясняя ни единой душе, из какого аэропорта, с какого вокзала собираешься возвращаться... Если твой телефон внаглую прослушивается днем и ночью, письма, адресованные тебе, приходят в измятых, надорванных конвертах и вся твоя жизнь — словно под увеличительным стеклом...

И до каких пор нам придется хоронить друзей, убитых лишь за то, что они хотели прокричать одну-единственную правду: никто из нас не может чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока государство в качестве официальной политики выбирает насилие и ложь.

Рига.

* * *

По просьбе автора гонорар перечисляется семьям погибших кинодокументалистов.

* АСА — единица чувствительности кинопленки.

Андрис Слапиньш на съемках. Лето 1990 г.

ЯПОНСКИЙ СИНДРОМ

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Визит М. С. Горбачева в Японию, несомненно, способствует обострению общественного интереса к отношениям двух стран. Мы публикуем отрывок из воспоминаний Н. С. Хрущева, посвященный истории этих отношений. Полный текст воспоминаний печатается в журнале «Вопросы истории».

Никита Сергеевич ХРУЩЕВ

никогда от Сталина не слышал, он не рассказывал при мне, как был оформлен договор о нашем участии в войне против Японии после разгрома гитлеровской Германии.

Когда этот момент наступил, наши войска перешли границу.

Мы разгромили Квантунскую армию, правда, после того, когда Япония уже была, собственно, разгромлена и на острова были сброшены две атомные бомбы. Тогда Япония металась в предсмертной агонии и искала возможности выйти из войны. Буквально в последние дни мы включились в войну. Я присутствовал однажды в Москве, когда Сталин торопил военных как можно скорее начать военные действия, иначе Япония капитулирует перед войсками Соединенных Штатов, а мы еще не включились в войну. У Сталина были тогда сомнения, станут ли американцы держать слово. Могут и не сдержать. Условия были таковы: мы получаем территории, которые были отторгнуты от России Японией в войне 1902—1904 гг., при условии, если мы будем участвовать в этой войне. А если мы не будем участвовать? Если до нашего вступления в войну Япония капитулирует, то другая ситуация складывается, и американцы могут пересмотреть обязательства, которые они нам дали. Скажут: вы не участвовали и мы не обязаны вам ничем.

Была создана комиссия, не знаю, как она называлась, которая наблюдала за положением дел в Японии после капитуляции японской армии. По-моему, только из американцев. Наших на первых порах в ней не было. Потом мы стали добиваться включения наших представителей, и нам это удалось. Мы занимали там незавидное место, как нищий на свадьбе у богача, нас игнорировали, с нами не считались, третировали. Третировал нас Трумэн, это вытекало из его характера и его умственных способностей. Умный президент не вел бы себя так вызывающе, не восстанавливал бы Советский Союз против Соединенных Штатов Америки.

Американцы, нужно отдать им должное, сдержали слово. Когда проект мирного договора с Японией был составлен, то мы там тоже имели свое место для подписи. Наши интересы были полностью предусмотрены, как и оговаривалось протоколом, подписанным Рузвельтом. Надо было подписывать.

Я не знаю, что тут сыграло главную роль: самолюбие, гордость или то, что Сталин переоценил свои возможности и влияние на Соединенные Штаты Америки, но только он закусил удила и отказался подписать этот договор.

Сталин был недоволен, и правильно недоволен, политикой Трумэна, но одно дело — быть недовольным, а другое — совершать неправильные действия, наносящие вред нашему государству. Нас пригласили подписать мирный договор с Японией, а мы не послали свою делегацию.

Совершенно непонятно. Тогда мне это было непонятно и сейчас непонятно. Сталин не советовался и не считался с другими, он был слишком самоуверен. Тем более после разгрома гитлеровской Германии. Тут, как говорится, он изображал из себя Кузьму Крючкова. Люди младшего поколения могут не знать этого газетного героя. Во время первой мировой войны был создан герой — донской казак Кузьма Крючков. Изображали в журналах, в газетах, как он по десять немцев на пику поднимал. Хуже, конечно, но вроде Василия Теркина, если искать аналогию.

Вот Сталин из себя изображал этого Кузьму Крючкова. Ему море по колено. Ему все нипочем. Что он захочет, то и получит. Но в это время война уже кончилась, главный враг, для разгрома которого мы Западу были нужны, был разбит. Теперь Запад мобилизовывал и сплачивал свои силы против Советского Союза, и когда мы отказались подписать мирный договор с Японией, это не только их не огорчило, но было им выгодно. Так оно потом и оказалось.

Наш представитель в комиссии по наблюдению за Японией никакого влияния на события не имел. Я сейчас конкретного подтверждения не могу вспомнить, потому что все из памяти выветрилось, но это факт. Это нас раздражало, и не только Сталина, но ничего не сделаешь, тут Соединенные Штаты господствовали. Не войну же объявлять из-за этого Соединенным Штатам Америки. Это немыслимое дело, да и возможности у нас не было, хотя из-за такого умные государственные деятели войн не объявляют.

После подписания мирного договора была ликвидирована комиссия, в которую мы входили, правда, на положении, не соответствующем великой державе, но все-таки номинально там присутствовали. В результате подписания мирного договора с Японией были установлены дипломатические отношения с Соединенными Штатами и другими странами, подписавшими договор. После ликвидации комиссии мы долгое время пребывали в Токио, не хотели уезжать, пользовались правом воюющей державы, которая потом тоже принимала капитуляцию Японии. Наконец американцы попросили, чтобы мы вышли вон. Мы сопротивлялись. В конце концов наши люди были буквально блокированы, им были созданы невыносимые, невозможные условия для жизни. При этом ничем они не занимались, никуда их не пускали, с ними не считались. В результате наши люди выехали домой.

Когда после подписания мирного договора нашего представителя, собственно, выдворили из Японии, то до самой смерти Сталина абсолютно никаких контактов с ней не было. Кому это было выгодно? А это произошло по нашей вине. Если бы мы подписали договор, то мы завели бы там свое посольство. Мы имели бы контакты с японской общественностью, налаживали бы торговые и деловые отношения с японскими торговыми фирмами и предприятиями. Мы же такой возможности лишились. Этого и хотели американцы.

Вот такое положение мы создали сами по своему недомыслию, в результате затемнения сознания и переоценки своих возможностей. Противник наш, по тому времени Соединенные Штаты, этим воспользовался.

Когда мы начали расчищать путь и убирать осколки, оставшиеся после второй мировой войны в Европе и в Азии, мы столкнулись с ненормализованными отношениями с Японией. У нас не было абсолютно никаких контактов с Японией, и это наносило ущерб нашей политике и экономике. Американцы были представлены там не только дипломатическим посольством, а они были хозяевами, вели себя нагло, строили базы, они проводили антисоветскую политику, настраивали против нас японцев. Одним словом, делали все, что диктовали самые оголтелые монополисты и милитаристы, дышавшие ненавистью к странам социализма и в первую голову к стране, первой поднявшей марксистско-ленинское знамя борьбы рабочего класса и добившейся больших успехов в этой области.

Теперь я бы хотел сказать, как же мы решили ликвидировать это наследие сталинских времен, убрать осколки ошибочной политики. Эту политику Сталин строил вместе с Молотовым, взгляды Сталина и Молотова — это взгляды Молотова и Сталина. Кто у них «первая скрипка»? Безусловно, Сталин, но Молотов вторил, как только мог, во весь голос. Между прочим, сам Молотов скрипач. Я не могу оценить, насколько он хорошо играл на скрипке, но я сам слышал, как он играл. Над этим Сталин другой раз трунил, а иногда просто издевался. Когда Молотов был в ссылке в Вологде или еще где-то (Молотов сам рассказывал, я был слушателем), то его пьяные купцы в ресторан зазывали. Он играл на скрипке, а они за игру платили. Молотов говорил:

— Вот заработок был.

Сталин, когда раздражался, то бросал Молотову:

— Ты играл перед пьяными купцами, тебе морду горчицей мазали.

Я тоже был, признаюсь, больше на стороне Сталина, чем Молотова. Я считал, что это унижало человека, особенно политического ссыльного. Он играет на скрипке и ублажает пьяных купцов. Можно было искать пути материального обеспечения другим трудом. Ну, это так, попутно.

Когда я поднял вопрос о Японии, я разговаривал с Микояном, с Булганиным, Маленковым и другими. Все мы в этом вопросе были едины: надо искать пути, как поставить свои подписи под мирным договором и, таким образом, ликвидировать состояние войны с Японией. Мы хотели иметь возможность послать в Токио посольство, которое бы проводило необходимую работу в Японии. Молотов же проявил непонимание, запальчивость и резкость такие же, как и в вопросе заключения мирного договора с Австрией:

— Как же так? Они того не сделали, они этого не сделали. Поэтому мы не можем...

Одним словом, повторял все аргументы, которыми руководствовался Сталин, когда отказался поставить свою подпись.

Мы ему говорили:

— Вячеслав, товарищ Молотов, пойми, что мы сейчас можем достигнуть при создавшемся положении? Какое наше влияние может быть в Японии? Поправить пройденный этап невозможно, старое ушло невозвратно. Единственное, что еще можно поправить, это добиться, чтобы приняли нашу подпись к протоколу мирного договора. Тогда все встанет на места. Мы, собственно, все получили, что предусмотрено протоколом. Наши интересы там учтены, и мы их реализовали. Единственно, мы все еще находимся в состоянии войны с Японией. Ни посольства японского нет в Москве, ни нашего в Токио. Кому выгодно наше отсутствие в Токио? Кому? Надо же понимать, что выгодно это Америке. Она господствовала и сейчас господствует в Японии.

Наше туда возвращение выгодно прогрессивным японцам и невыгодно американцам. Сразу же, как только наше посольство появится в Токио, то оно как магнит станет работать, притягивать силы, недовольные реакционной политикой Японии. Так мы бы начали оказывать влияние на политику Японии.

В Японии, естественно, было большое недовольство американцами. Хиросима и Нагасаки! Больные, которые остались живы. Мертвые уже недовольство выражать не могут. Больные, их родственники ничего не могли сделать, потому что они были обессилены. Соединенные Штаты вели себя нагло, их солдаты проявляли грубость, насилие над женщинами и прочие «художества». Да и сейчас еще проявляют.

Вот с такими трудностями мы столкнулись и такую оппозицию встретили со стороны Молотова. Она не вызывала у нас даже гнева, а мне было жалко Молотова.

Я недоумевал:

— Боже мой, как это можно? Этот человек при Сталине занимался вопросами дипломатии. Представлял столько лет нашу дипломатию в самых ответственных ситуациях. Он был министром иностранных дел, а до войны Председателем правительства. И такая ограниченность, непонимание простейших вещей!

У меня были хорошие, не просто доверительные, а дружеские отношения с Молотовым. Поэтому у меня не было никаких причин быть им недовольным. Но такие факты, столь разное понимание простых истин для каждого простого, даже не искушенного в политике человека, меня обескураживали. Казалось, другого выхода нет, другого решения найти нельзя, единственное разумное решение, но могут быть и компромиссы. В данном же случае заключение мирного договора не требовало никакого компромисса. Это просто затемнение мозгов и проявление тупоумия.

В конце концов мы стали предпринимать дипломатические шаги к установлению контактов с японским правительством. Нельзя было обойти Америку при этом, потому что протокол-то был в Америке и от нее зависела возможность подписания его. Когда мы сказали, что хотим подписать мирный договор, Америка отказалась. Ведь, как говорится, руками Америки был составлен протокол, и там наша подпись была, как говорят канцеляристы, «заделана». Только надо было расписаться. Нам в этом отказали.

Казалось бы, простое дело — поправить ошибку, которая была совершена Сталиным и Молотовым, проявить желание подписать мирный договор с Японией и подписать его. На деле оказалось, что нашего желания мало. И это было понятно. Почему? Им было выгодно, чтобы мы не имели советского посольства в Токио, не имели возможности оказывать влияние на японскую общественность и на японское правительство.

Америка развернула большую деятельность по закреплению своих позиций в Японии. Были подписаны договоры о военных базах. Тогда в резкой

Н. С. Хрущев и Мао Цзэдун. 1958 г.

форме обсуждалось пребывание американцев на территории Японии. После войны еще не остыли страсти, и Америка наслаждалась победой над Японией. Теперь уже Япония прикрывалась силами Соединенных Штатов Америки от угрозы со стороны Советского Союза. Главным врагом, главным противником Японии стал Советский Союз. Вот как обернулось.

Мы подписали Совместную декларацию о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Японией, и только. Но это можно толковать как перемирие.

Мы создали свое посольство и получили равные права с другими странами, которые находятся в состоянии мира с японским государством. Таким образом, мы восстановили нормальное положение. Стали хорошо развиваться контакты. Даже очень хорошо, я бы сказал. Я сейчас забыл фамилию премьер-министра, либеральный человек. Когда он пришел к власти, то приехал к нам в Советский Союз. Очень активный. У нас были переговоры относительно возможности все-таки подписать мирный договор с Японией. Я не твердо сейчас помню, был ли он премьер-министром или был министром. Но очень влиятельным.

Мы вели переговоры. Он очень проявлял внимание и прилагал все усилия к тому, чтобы нормализовать отношения с Советским Союзом. Он был сторонником подписания мирного договора, но внутренние силы Японии, а самое главное, сильное влияние Соединенных Штатов Америки, которые давили на общественность и на правительство Японии и держали японскую внешнюю и внутреннюю политику в шорах, не позволили это сделать.

Во время его визита японской стороной был поднят вопрос об уступке нами Японии двух небольших Курильских островов, непосредственно прилегающих к Японским островам. Мы тогда долго совещались в руководстве Советского Союза и пришли к выводу, что стоит пойти навстречу желаниям Японии и согласиться с передачей этих островов (я сейчас не помню их названий), но при условии подписания мирного договора Японии с Советским Союзом и выведения войск Соединенных Штатов с Японских островов. Иначе было бы просто глупо передавать эти острова Японии, которая сама фактически находится под оккупацией. Мы бы эти острова передали японцам, а Соединенные Штаты превратили бы их в свои военные базы. Что же это? Мы хотели одного, а получили бы другое.

Поэтому мы сказали:

— Поймите нас, мы выполнить вашу просьбу не можем. Когда будут выведены войска, прекратится действие военного союза Японии с Соединенными Штатами, направленного против Советского Союза, тогда можно говорить о передаче этих островов.

О том, что была допущена грубая ошибка, когда мы не подписали этот договор, свидетельствует многое. Когда вконец были испорчены отношения с Китаем — я тогда работал, был в руководстве,— я прочел, что Мао Цзэдун принимал какую-то японскую делегацию. В беседе с ним японцы подняли вопрос о претензиях к Советскому Союзу, в том числе о Южном Сахалине и Курильских островах.

Мао Цзэдун поддержал их претензии:

— Да, мы поддерживаем вас. Ваши претензии имеют силу, имеют законные основания.

Вот вам и конкретные плоды. Конечно, возмутительный поступок со стороны Мао Цзэдуна. Он не только не поддержал Советский Союз, но натравливал общественность Японии на Советский Союз и поддерживал их стремления отторгнуть от нас Курильские острова и Южный Сахалин. Япония никаких исторических оснований к этому не имела. В свое время, когда Россия была слаба, это был военный захват, осуществленный японскими империалистами.

Сейчас я читаю газеты и слушаю радио. По-моему, нормально развиваются дипломатические отношения с Японией, экономические и торговые связи.

Мы долго вели переговоры о прямом воздушном сообщении из Европы в Японию по самому краткому маршруту через Советский Союз. Нам не удавалось. Уже в самом конце моей деятельности мы согласились на какой-то суррогат. Но все-таки мы пришли к тому, что полеты будут, но, кажется, на наших самолетах и под нашим контролем. Соединенные Штаты не хотели этого. Но было и другое: нас сдерживали навязанная Сталиным практика и неправильное понимание.

Скажут:

— На Сталина все валят.

Нет! Я не валю. Нужно признать: мы столько лет воспитывались в духе, когда даже малейшее послабление казалось недопустимым. Как это: иностранец поднимется в воздух, пролетит через Советский Союз из Японии в Москву? Надо будет пролететь через Советский Союз буквально от восточной границы до границы западной. Мы считали, что тут уж разведчики ну буквально вывернут нам нутро, все будут знать. Конечно, мы смотрели тогда на вещи упрощенно. Сами осуждали Сталина, а смотрели его глазами, руководствовались его практикой и его ложным, неправильным, больным пониманием. Надо беречь суверенитет, не давать возможности работать разведчикам империалистических держав, этот призыв всегда свеж и всегда правилен. Но нужно все-таки иметь чувство меры. Разведчики будут всегда, пока существуют разные социально-политические устройства государств, пока будет делиться мир, пока он будет, как и сейчас, разделен на социалистический и капиталистический. Пока существуют антагонистические социально-политические и государственные устройства, всегда будет борьба, всегда разведки будут стремиться делать свое дело. Здесь, как говорится, надо держать ухо востро, но это не значит, что мы должны пойти на самоизоляцию, которая выгодна только крупным империалистическим державам, лидерам капиталистического мира, таким, как Соединенные Штаты Америки. Вот что я хотел записать. Я думаю, что эта тема представляет интерес как значительная веха в развитии Советского Союза и в развитии наших дипломатических отношений с Японией.

Япония сейчас третья страна в мире по выработке продукции. Она стоит сейчас же за Советским Союзом и довольно быстро развивает свою экономику. Так что с Японией надо считаться и надо прилагать усилия к созданию нормальных отношений, насколько их возможно создать при различном социально-политическом устройстве. Японии выгодно укреплять экономические и дипломатические связи с нами — это бесспорно, потому что мы самая близкая страна к Японским островам, мы страна, богатая природными ресурсами, и в значительной степени можем удовлетворять запросы промышленности Японии в сырье.

Япония — очень интересная страна. Очень развитая промышленность. Я это повторяю с осадком горечи. И это понятно, если принять во внимание, что Япония была разбита, разрушена войной, не имеет своего сырья, у нее в два с лишним раза меньше населения, чем у нас, и она так шагнула вперед не только в объеме производства промышленных товаров, но и в технической науке, в производстве самых тончайших и точнейших приборов. Все говорит о том, как техническая мысль шагнула в Японии. А транзисторные приемники? Японские пока считаются самыми лучшими. Говорят, с ними конкурирует Западная Германия. Тоже абсолютно разрушенной была страна. Это заставляет нас подумать об организационных формах, о работе наших научно-исследовательских институтов. Видимо, здесь есть какой-то большой дефект.

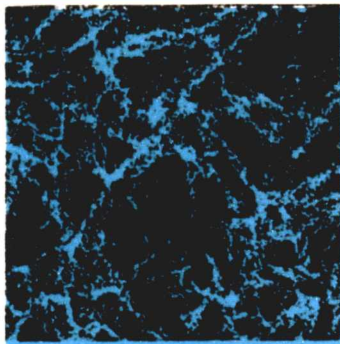
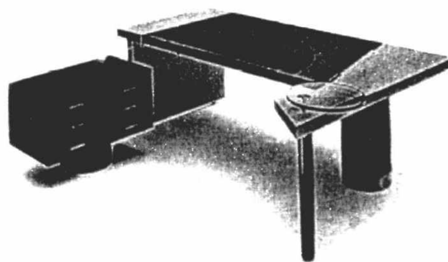
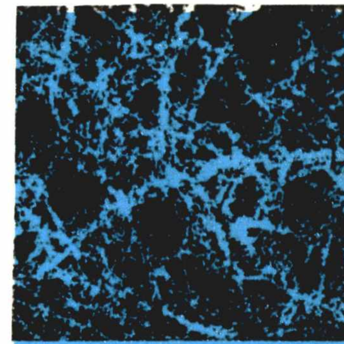
Количество инженеров, количество ученых, если арифметически подходить, у нас, видимо, не меньше, чем в Западной Германии и Японии. Статистика говорит, что мы во столько-то раз больше выпускаем инженеров и техников. Сколько у нас докторов, кандидатов наук, а результаты технической и научной мысли, на основе которой создаются прогрессивные машины и приборы, приходится покупать за границей.

Победа будет за тем строем, который может лучше использовать возможности научно-исследовательской мысли и конструкторских усилий. Кто обеспечит наивысший уровень производства и самую высокую производительность, тот строй и победит.

Я не скрываю, я говорю с завистью, мне завидно и обидно, что мы прожили уже 52 года после Октябрьской революции, и хотя мы достигли огромных успехов и преобразили свою страну, но мы не можем похвастать передовыми позициями, занимаемыми в технике и науке. Наша техника и наука сделали невероятно большой шаг. Но все же ученые, наверное, лучше меня знают и чувствуют, как нас подпирают ученые капиталистических стран. Это не свойство социализма или капитализма. Никак невозможно согласиться с тем, что капиталистические условия вроде лучше создают условия для развития науки. Какие-то есть у нас организационные дефекты, которые нужно нащупать и их устранить, чтобы развязать руки и мысли ученых.

Я хочу несколько слов сказать, чтобы было понятно, почему мы решили пойти на уступку Японии, а точнее, именно этому премьеру, который к нам приехал и проводил политику сближения и дружбы с Советским Союзом. Мы считали, что такая уступка особого значения для Советского Союза не представляла. Это пустынные острова. Ими пользовались только рыбаки и наши военные. Оборонного значения при современной военной технике эти острова тоже не представляют. Когда мы получили ракеты, которыми можно поражать на тысячи километров, острова утратили значение, которое они имели для береговой артиллерии. Экономического значения они никакого не имели. По-моему, никаких ископаемых там не было открыто. Дружба, которую мы хотели завоевать со стороны японского народа к Советскому Союзу, взаимная дружба имела бы колоссальное значение. Поэтому территориальные уступки с лихвой перекрывались бы дружескими отношениями, которые бы сложились между народами Советского Союза и Японии.

Ну, вот на этом, я думаю, можно закончить свои воспоминания о Японии.

Фирма "Лизинг" СП "Колумб"

Рубль теряет свою силу с каждым днем! Торопитесь реализовать свои желания!

Наши товары за рубли – Ваш шанс не проиграть борьбу с инфляцией!

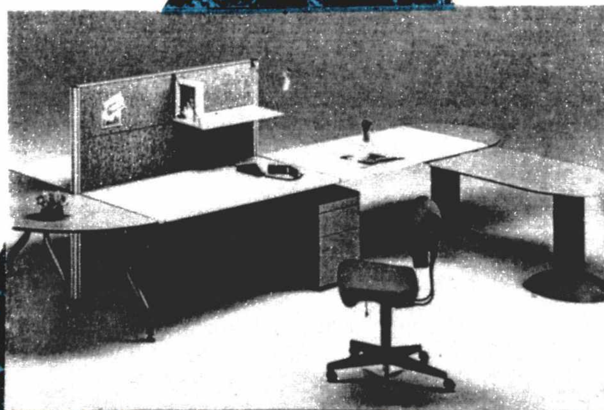
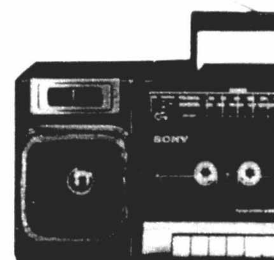
Телефонные аппараты для офисов известнейшей марки «Панасоник»;
калькуляторы с распечатывающим устройством для Вашего бухгалтера фирм «Шарп» и «Канон»,
а также автоответчики с программой (никогда не ошибающиеся и хранящие
для Вас всю информацию на магнитной ленте).

Для тех , кто обладает конвертируемой валютой , выбор товаров значительно шире:

мебель для офисов (Италия и США) , оргтехника и средства связи, теле–видеотехника,
бытовая аудиоаппаратура и многое другое.

Ждем Ваших предложений по телефонам в Москве:
963 24 22
963 23 13
факс 963 27 66

Наша фирма предлагает Вам
также складские помещения недалеко от центра Москвы
и ответственное хранение Ваших грузов, их доставку и погрузку.
Оплата за валюту и рубли.

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел.450-67-88 412-95-06

СУД ДОЛЖЕН СОСТОЯТЬСЯ! ●
НАСКОЛЬКО УМЕНЬШАТСЯ НАШИ СБЕРЕЖЕНИЯ? ●
ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН — ЭТО НЕ РЫНОК ●

■

Я, человек и гражданин, готов подать в суд на КПСС за вред, нанесенный мне лично и моим близким, но как это сделать, если нет правового органа, куда бы я мог обратиться с подобным иском...

Но дело, конечно, не в иске одного человека, все гораздо серьезнее и глубже. Должен быть начат процесс расследования деятельности КПСС с самого начала существования этой партии. Должны быть вынесены справедливые судебные приговоры конкретным виновникам развала страны. Сделать это сможет только специальный правовой орган, защищенный международными законами.

Это нужно для страны, для народа, который, как в хлебе насущном, нуждается сегодня в уверенности, что время абсолютной безответственности и безнаказанности высокопоставленных государственных лиц, включая и первое, наконец-то заканчивается. Это необходимо и для функционирующих деятелей, все чаще обнаруживающих тенденцию списывать все сегодняшние беды на ошибки предыдущих правителей. Наконец, это необходимо и тем, кто идет им на смену. Они должны править страной, зная, что за свои деяния, могущие привести к пагубным для страны последствиям, будут привлечены к ответственности. На пути к правовому государству такой шаг должен быть сделан в первую очередь.

И. РОВНЯГИН,
подполковник запаса,
кандидат технических наук
Болшево Московской области

■

Скажите, пожалуйста, как вам нравятся такие шуточки? А если это не шуточки?

«По сообщениям Латвийского радио, американские спутники-шпионы зафиксировали небывалое оживление в забытых Богом и людьми уголках Якутии и Сибири.

На снимках, сделанных из космоса, видно, как тысячи солдат-строителей, срочно переброшенных в полусгнившие с конца 50-х годов сталинские лагеря... обновляют крыши бараков» («Голос Украины», 30 января 1991 г., № 20).

Хотелось бы, чтобы «компетентные органы» подтвердили или опровергли данную информацию.

Н. ЗАБОЛОТНИЙ
Днепропетровск

■

Во всем цивилизованном мире принято долги возвращать. Но странное дело. Задолженность некоторых государств нам составляет 85 миллиардов 800 миллионов рублей, и пока о возвращении этих долгов речи нет.

Взглянем на официальные данные: Ирак нам должен 3,8 миллиарда, Афганистан — 3. Даже богатая Ливия задолжала нам 1,7 миллиарда, Сирия — 6,7, Куба — 15 миллиардов 490 миллионов, Вьетнам — 9,1, КНДР — 2,2, Монголия — 9,5, Польша — 4,955, Алжир — 2,5. Миллиарды, миллиарды, которые привели нашу экономику к развалу, снижению жизненного уровня. Какой экономике по силам изъять из оборота 85,8 миллиарда? А мы удивляемся, что наш Президент вводит 5-процентный налог с продажи, отнимает последние крохи от нашей пенсии, которой и так не хватает на жизнь.

Политика цен, налогов сдерживает развитие экономики. Разве справедливо устанавливать кооператорам такие высокие цены на сырье, аренду помещения и другие услуги? Кооператоры вынуждены повышать цены, а государство этого и ждет, облагая их налогами и фактически изымая наши деньги с их помощью. Повышение цен — это не рынок. При монополии государства никакого рынка не может быть. Нет свободы экономических отношений — нет рынка. Нас просто обманывают, выдавая рост цен за результат перехода к рынку. Рынок — это свобода, где каждый может производить, продавать, менять, покупать. Искажая суть рынка, затрачивая миллиарды на финансирование социалистического выбора, правительство обрекает народ на нищету. Приоритет развития тяжелой промышленности, агропромышленного госкомплекса, высокие цены, инфляция — все говорит о том, что нам не выбраться из кризиса без изменения политики.

Б. ДУХНЕВИЧ
Москва

■

Я сомневаюсь, что даже «Огонек» напечатает мое письмо о том, как, фигурально выражаясь, финансовые доходы и сбережения, наверное, каждой семьи у нас в стране продолжают коротко «подстригаться» бывшим министром финансов, ныне премьер-министром.

Сначала нас приманили предложением положить под повышенный процент деньги в сбербанки, где немедленно началась сдаточная давка: многие хотели или сохранить свои сбережения, или немножко «обогатиться», хотя бы через несколько лет.

Но с введением новых цен вклады населения, а их более 300 миллиардов рублей, даже при 40-процентной компенсации сразу похудеют примерно вполовину, хотя физически к ним никто не притронется. Плюс сбережения, вложенные в 3-процентный заем...

Идет беззастенчивый грабеж, и никакие 5, 7, 9 процентов по вкладам не возместят потери от изъятия десятков миллиардов. Возникает вопрос: а не мыслилось ли увеличение процентов по срочным вкладам как маневр, чтобы отвлечь наше внимание от тотального ограбления наших сбервкладов?

А. МАКАРОВ
Москва

■

Стало очень популярным проводить опросы, может, потому, что «изголодались» — раньше этого не велено было делать. Увлеклись так, что в спешке упускаем кое-какие «мелочи». Вот пример. В журнале «АПК: экономика, управление» № 1 за 1991 год авторы статьи «Социально-экономические проблемы земельной реформы» один из вопросов сформулировали так: «Допускаете ли вы ликвидацию колхозов и совхозов и раздачу (продажу) их земли?»

Но как уважаемые авторы представляют себе «ликвидацию колхозов и совхозов»? Их ответ подразумевается в их же вопросе: решили — ликвидировали, порассуждали — создали, то есть как делали всегда. Но если мы и впредь так будем поступать, то не видать нам правового государства еще очень долго.

Не знаю, как относительно совхоза, а с колхозом так поступать нельзя. Колхоз — это коллективное хозяйство, созданное на основе добровольного объединения крестьян с принадлежавшими им земельными наделами. Если это еще признается, то каждый конкретный колхоз может быть ликвидирован только по решению всех входящих в него колхозников. Принимая вышеуказанное условие, советским колхозам не грозит полная ликвидация не только в обозримом будущем, но практически никогда.

Зачем же, спрашивается, такие вопросы? Дело здесь в другом. Любое предприятие, промышленное и сельскохозяйственное, может быть ликвидировано, но совсем по иным, чем результаты опроса, причинам — экономическим. По ним, даже если все до единого колхозника проголосуют за сохранение колхоза, он тем не менее может быть ликвидирован. Ибо экономические законы объективны и вряд ли они (законы) «уступят» большинству. Если предприятие работает неэффективно, то есть ниже определенного спросом уровня, то в условиях рынка оно неизбежно обанкротится, уступит неоправданно занятое им экономическое пространство более эффективно работающему. И не печалиться по этому поводу надо, а скорее наоборот.

Отсюда вывод: вопрос о ликвидации предприятий — это не что иное, как прочно укоренившееся субъективное представление, что все можно решать большинством голосов вопреки требованиям экономических законов.

Может быть, и не стоило писать об этом, если бы не упорное навязывание приверженцами колхозно-совхозно-стародубцевской системы мысли, что тайное коварство радикалов-перестройщиков заключается в стремлении распустить колхозы и совхозы, немедленно и вне связи с их эффективностью. Однако те таких «диверсий» не вынашивают.

Д. ДЯДЧЕНКО
Мичуринск Тамбовской области

■

Выступая по телевидению в программе «Время», наш премьер однозначно и четко заявил бастующим шахтерам, что денег на повышение их зарплаты у державы нет.

А я вспомнила начало перестройки и один из первых ее шагов — повышение зарплаты в два с лишним раза работникам управления и партаппарата. За какие такие заслуги? Да ни за какие. Просто знали уже тогда наши руководители, что в ближайшем будущем страну ждет разруха и нищета. Только нести и разделять вместе со своим народом эти лишения не входило в их планы.

Р. ОСТРОВСКАЯ
Москва

■

У нас, в Таллиннском высшем военно-политическом строительном училище, сложилось неудовлетворительное положение с обеспечением личного состава положенными нормами вещевого довольствия.

И через три месяца после выхода приказа о переходе на зимнюю форму одежды мы так и не получили новые шинели. После двух лет учебы-службы, еще в начале учебного года, нам должны были выдать новенькие «парадки», рубашки, ботинки и т. п. К сожалению, ничего этого мы не получили, не видели и вряд ли увидим в ближайшее время. Выдали только новые сапоги, и то с опозданием на два месяца.

Памятна статья в окружной газете, опубликованная летом прошлого года. Это было интервью с заместителем командующего округом по тылу, где сообщалось, что склады «затарены» старым обмундированием, х/б, п/ш и прочим. Наш тогда еще второй курс изнывал в п/ш, так как летнее хлопчатобумажное обмундирование мы получили лишь совсем незадолго до летнего отпуска. А интервью врезалось в память, так как повлекло за собой немало возмущения и вопросов в адрес училищного начальства.

Вызывают скептическую усмешку частые призывы нашего начальства к культуре поведения в жизни и быту. Слава Богу, к третьему курсу большинство курсантов хорошо усвоило, что «бытие определяет сознание». Не будет ни культуры, ни высокого сознания, ни любви к военной форме, если курсанты всю зиму ходят в драном, старом, застиранном х/б, поддевая под него, когда становится особенно холодно, всевозможные спортивные костюмы, свитеры и прочее.

Р. СИЛАЕВ
Таллинн

■

С небольшими перерывами выписываю «Огонек» с 1952 года. Несмотря на повышение цены, из своей пенсии инвалида II группы — 132 рубля — при прожиточном минимуме 156 рублей в городе Сыктывкаре (по сообщению печати) и на первое полугодие 1991 года выписал «Огонек». Выкроил деньги на подписку и на второе полугодие. Но 21 февраля с. г. в «Союзпечати» меня предупредили, что за подписку я должен буду дополнительно уплатить налог в размере 5 процентов от суммы подписки, и ознакомили с телеграммой Минсвязи РСФСР № 746 от 15 февраля с. г., где и предписывается брать налог. От подписки на второе полугодие пришлось отказаться. Так же поступили и другие подписчики. В связи с этим возникает вопрос: правомочно ли государство устанавливать такой налог, уже получая более 20 коп. с каждого рубля суммы подписки?

Э. ПИХОР
Сыктывкар

Журналистский коллектив и редакционная коллегия «Огонька» признали лучшим из материалов на экономические темы, опубликованных в первом квартале, статью Юрия Черниченко «Красный остров» (№ 10, 1991). Ей присуждена премия (600 рублей и ценный приз), учрежденная норильским центром научно-технического творчества молодежи «Резонанс».

«ТАМ, У ОКНА, В КОБУРГСКОМ ЗАМКЕ...»

Эдвард
РАДЗИНСКИЙ

Из книги
«ЦАРСКИЕ ДНЕВНИКИ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
НИКОЛАЯ II»

Я получил множество писем с вопросами о судьбе книги. Книга закончена, ее сокращенный, журнальный вариант будет опубликован в «Дружбе народов».

Почти два года назад «Огонек» начал печатать отрывки из этой книги под общим названием «Расстрел в Екатеринбурге». И самый первый материал, где я впервые решил опубликовать «Записку» коменданта Ипатьевского дома Я. Юровского о расстреле царской семьи, был на некоторое время задержан цензурой. Мистическая усмешка судьбы: благодаря этой цензурной проволочке «Расстрел в Екатеринбурге» появился в журнале, вышедшем 19 мая (6 мая по старому стилю!). Да, в день Иова Многострадального — в день рождения Николая II — впервые увидел свет отчет Юровского о гибели последнего царя и его семьи.

...Сейчас весна, но наша жизнь так беспросветна. И я решил на этот раз выбрать из книги нечто светлое, уйти из проклятого екатеринбургского подвала... И вот, когда я передал материал в «Огонек», выяснилось, что и он тоже появится в журнале в дни своего юбилея... Когда-то, также в апрельские дни и также в самом конце века, двое молодых людей были безмерно счастливы...

«АЛИКС Г.»

— так он называл ее в своем юношеском дневнике.

Я сижу в архиве. Передо мной груда бумаг — все, что осталось от жизни Аликс Г. И они проделали путешествие, и на них пыль страшного Ипатьевского дома.

...Бесконечные письма от Николая, сотни писем...

Ее дневники — точнее, то, что от них осталось: свои дневники она, видимо, сожгла в начале марта 17-го года, когда погибла империя.

Сохранились лишь краткие записи за 17-й и 18-й годы — последние два года ее жизни... тетради с выписками из сочинений богословов и философов, строки любимых стихов, выписанные ею: Майков, Фет, Лермонтов, Пушкин, великий князь Константин Романов, знаменитый поэт начала века, писавший под псевдонимом «К. Р.», некая Броницкая, и опять Пушкин, и опять Фет, и опять К. Р. — круг ее поэтов. Но вот еще одна особая тетрадь — это тоже сборник изречений, правда, несколько неожиданного философа. Это полуграмотный русский мужик Григорий Распутин...

Дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Эрнеста Людвига IV и Алисы Английской, она родилась в Дармштадте в 1872 году.

Я видел этот край осенью. Холмы, поросшие лесом, спускаются в туманную долину Рейна — места, любимые Гете. Здесь лежит Дармштадт — крохотная столица крохотного немецкого государства — великого герцогства Гессенского. Тогда, в 1872 году, город утопал в цветах, и во дворцовом музее таинственно глядела нежная Мадонна Ганса Гольбейна.

Отец Аликс Людвиг IV, гессенский государь, был женат на Алисе, дочери английской королевы Виктории. Экзальтированная Алиса Английская прославилась своей фанатичной (впрочем, вполне платонической) страстью к знаменитому немецкому философу и богослову Давиду Штраусу. Это было обожествление, столь напоминавшее... да-да, будущее обожествление ее дочерью Григория Распутина. И нервность, и ужасающие головные боли — все, что так рано свело в могилу Алису Английскую,— напоминает портрет ее дочери Алисы Гессенской. Мать передала ей не только свое имя.

К этой семейной экзальтации примешивалась темная память столетий. В жилах Аликс Г.— кровь романтической королевы Марии Стюарт.

Мать Аликс умерла в 35 лет. Осталась большая семья. Аликс — младшая. Ее старшая сестра Виктория вышла замуж за принца Баттенбергского, главнокомандующего английским флотом, вторая сестра, Элла, готовилась выйти замуж за великого князя Сергея Александровича. И, наконец, Ирен, третья сестра, стала женой принца Генриха, брата императора Вильгельма. Так эти гессенские принцессы соединили родственными узами русский, английский и немецкий императорские дома... После смерти матери Аликс забирает бабка..

Ее бабка — королева Виктория... Викторианская эпоха — нравы, стиль мебели и стиль жизни.

В 1837 году 18-летней девушкой Виктория становится королевой. Великие сражения ораторов в английском парламенте между знаменитым тори лордом Дизраэли и великолепным вигом лордом Гладстоном восхищали тогда всю образованную Европу. Королева Виктория безукоризненно соблюдает конституцию, власть принадлежит парламенту, мудрые советы — королеве.

Аликс Г.— любимая внучка либеральной королевы. Белокурая красавица девочка. За светлый характер английский двор зовет ее «солнечный лучик», впрочем, немецкий двор за озорство и непокорность звал ее «спицбуб» (озорница, забияка.— нем.). Была ли сирота, увезенная от сестер, брата и отца, действительно столь легкой и веселой или... или такой ее хотела видеть бабушка Виктория? И Аликс с хитроумием ребенка пошла навстречу ее желаниям?

Но «спицбуб» она была.

...Королева Виктория не жалует немецких принцев, и особенно императора Вильгельма. И Аликс, говорившая и думавшая по-английски, должна с улыбкой выслушивать язвительные шутки старой королевы... Но разве может она не тосковать: отец, брат Эрни, дядя Вильгельм и цветущая гессенская земля... И ее семья. Та большая семья, которая рухнула, когда ей было 6 лет.

Выйдя замуж, она будет стремиться создать семью, какая осталась в детских грезах-воспоминаниях. Четыре дочери и сын — в семье Аликс Английской. Четыре дочери и сын будут в семье Аликс Гессенской — императрицы Александры Федоровны.

Одинокая девочка путешествует по королевским дворам своих многочисленных родственников.

В 1884 году двенадцатилетнюю Аликс привозят в Россию.

Ее сестра Элла выходит замуж за великого князя Сергея Александровича. Внимательно следит «дядя Вилли» — прусский император Вильгельм — за появлением маленькой белокурой красавицы Аликс при русском дворе. Свадьба Сергея Александровича, брата русского царя, с немецкой принцессой может иметь и продолжение. Наследнику русского престола уже 16 лет. И гессенский род — особый в истории романовского семейства. Первая жена императора Павла, умершая при родах Наталья Алексеевна, была из этого рода. И императрица Мария Александровна, бабка Николая, тоже гессен-дармштадтская принцесса.

Так они впервые встретились, Аликс и Ники. Идиллия: он влюбился в нее с первого взгляда. И был день, когда они оказались в Петергофе, на маленькой императорской даче — Александрии.

Уже потом — через год после женитьбы — Николай и Аликс приедут в ту же Александрию. И Николай запишет в дневнике: «Дождь лил целый день, после кофе пошли наверх... видели окно, на котором мы оба вырезали свои имена в 1884 году». (Она любила чертить кольцом с драгоценным камнем на стекле. В Зимнем дворце на великолепных его окнах можно встретить ее автографы.)

И впоследствии они будут любить старую Александрию, хранившую некое дорогое воспоминание.

...Окно — и двое глядят в тот день 1884 года. Они стоят у окна и у начала своей судьбы.

Именно после этого Николай поговорил со своей сестрой Ксенией, единственной, с кем подружилась не очень общительная англо-гессенская принцесса. И Ксения посоветовала. Он попросил у матери брошь с бриллиантами. И подарил Аликс Г. Аликс взяла.

Николай был счастлив, но он плохо ее знал. Ее сознание формировалось при пуританском английском дворе: неуступчивость, воинственная суровость и надменность — таковы должны быть качества английской принцессы. Аликс решает, что вела себя неподобающе. На следующий день на детском балу в Аничковом дворце, танцуя с ним, она больно всунула ему в руку брошь. Молча, не сказав ни слова. И так же молча Николай отдал эту брошь сестре Ксении. Чтобы забрать назад через 10 лет.

Аликс уехала. В Виндзор, к королеве Виктории. Только через 5 лет семнадцатилетняя Аликс Г. вновь появляется при русском дворе. Она приезжает к сестре Элле. На самом деле это смотрины. Все эти годы он сохранял воспоминание о юной красавице. И вот добился своего...

«Необаятельная, деревянная, холодные глаза, держится, будто аршин проглотила» — таков услужливый приговор двора. Было объявлено: принцесса не понравилась императрице-матери. Голос императрицы-матери всегда громко звучал, когда император-отец не желал, чтобы был слышен его голос.

Все было просто: политика. Политика Александра — союз России с Францией. И принцесса из Орлеанского дома, дочь графа Парижского,— вот сейчас желанная партия...

Никто в стране и в семье не смеет перечить властному императору. Тем более мягкий Ники, который ненавидит вступать в конфликты. В Петергофе состоялось решительное объяснение между отцом и сыном. Ники покорно соглашается не настаивать на браке с Аликс, но... Но от орлеанской принцессы решительно отказывается. Он выбирает третий путь: ждать. Молча, безропотно и безнадежно. Ждать, когда Бог соединит его с Аликс. Это был единственно возможный стиль поведения: тишайший, покорный, но бунт.

Его дневник 1889 года открывается

фотографией юной Аликс, он вклеил ее уже после ее отъезда. Он начинает ждать.

Сестра Элла (после перехода в православие великая княгиня Елизавета Федоровна) помогла выйти из неприятной ситуации отвергнутой Аликс. Объявлено: ни о каком предполагаемом браке речь не шла и идти не могла: Аликс не намерена менять свою религию.

Аликс возвращается в Англию. Но самое удивительное — возвращается с каким-то странным облегчением. Она объясняет себе: сестра права — она не может так просто сменить религию. Слишком большое место вера занимает в ее жизни.

В следующий приезд белокурой принцессы — через год — несчастному Николаю не разрешают с ней увидеться.

Аликс Г. остановилась у сестры Эллы в подмосковном имении Ильинское...

«20 августа 1890 года. Боже! Как мне хочется поехать в Ильинское. Теперь там гостят Виктория (вторая сестра) с Аликс. Иначе если я не увижу ее теперь, то еще придется ждать целый год, а это тяжело!!!» (В отчаянии он ставит три восклицательных знака!)

Оно и сейчас существует — Ильинское под Москвой. Несколько недель живет Аликс в имении и с изумлением наблюдает... Слишком тесны связи между Дармштадтом, Лондоном и Петербургом, чтобы не знать подробностей друг о друге: брак Эллы фактически фиктивен из-за наклонностей мужа, и никогда сестре не суждено иметь ребенка... Сергей Александрович измучил ее кутежами и беспричинной ревностью... Но Аликс с изумлением видит: ее сестра счастлива, и светятся ее глаза. И все это дала ей религия. Она дала иное счастье, иной смысл жизни, Элла любит мужа, потому что так велит Бог. В любви к несчастному мужу — исполнение заповедей Господних. И Елизавета Федоровна говорит ей о беспредельной любви к Сергею Александровичу. Проходящие радости жизни и вечная радость служения Богу... До сих пор стоит в Ильинском церковь... Тогда там горели свечи, голоса певчих звучали, и две сестры стояли в храме.

Николай продолжает свой покорный бунт. Итак, он исполнил приказание папа́, но... Можно запретить сыну с ней видеться, но нельзя запретить ему ждать ее.

Дневник Николая:

«21 декабря 1890 года. Вечером у мама́ рассуждали о семейной жизни теперешней молодежи из общества. Невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души. Затронул ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года пролетело с тех пор, как я говорил об этом с папа́ в Петергофе, и ничего не изменилось ни в дурном, ни в хорошем смысле. Моя мечта когда-нибудь жениться на Аликс Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она зимой провела 6 недель в Петербурге. Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты... Единственное препятствие или пропасть между ею и мною — это вопрос религии. Кроме этой преграды нет другой, я почти убежден, что наши чувства взаимны. Все в воле Божьей, уповая на его милосердие, я спокойно и покорно смотрю в будущее».

«ОДНОМУ БОГУ ИЗВЕСТНО, ЧТО ПРОИЗОШЛО СО МНОЙ»

В начале 1894 года стало ясно: Александр III умрет. Видимо, это было следствием ужасного крушения поезда в Борках — он получил тогда ушиб, который развился в смертельную болезнь почек. Надо было срочно готовить брак наследника.

Заработали дипломаты — пошли непрерывные сношения между Петербургом и Дармштадтом.

В апреле в Кобурге должно было быть бракосочетание брата Аликс Эрни с Саксон-Кобургской принцессой Викторией-Мелитой (в семье ее звали Даки). Император Вильгельм II, английская королева, бесчисленные принцы съезжались в Кобург. На пороге грозного XX века разворачивался один из последних блестящих балов королевской Европы.

Россию представлял мощный десант великих князей. Прибыли братья умиравшего царя. Приехал и священник отец Иоанн Янышев — духовник царской семьи.

Его присутствие ясно говорило о самых серьезных намерениях прибывших. В случае удачного исхода отец Иоанн должен был преподать Аликс основы православного учения. Прибыла в Кобург и Екатерина Адольфовна Шнейдер — она обучила русскому языку

Эллу, родную сестру Аликс. В случае успеха дела она должна была учить русскому языку Гессенскую принцессу. И, конечно же, приехала любимая сестра Элла — великая княжна Елизавета Федоровна. Итак, на свадьбе брата Аликс Эрни должна была произойти помолвка. Это знали все.

Дневник Николая:

«5 апреля ...Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустной. Нас оставили вдвоем, и тогда начался меж нами тот разговор, которого я давно очень желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно: она все противилась перемене религии, она, бедная, много плакала, расстались более спокойно... Лил дождь до 3 часов, прогулялся с дядей Владимиром к старому замку, в 4 с половиной приехала королева Виктория, весьма торжественно: по полуэскадрона ея гвардейских драгун впереди и сзади коляски, и целый эскадрон в почетном карауле... Мы все в полной форме смотрели на это из окон ее же комнаты».

Весна, все утопало в сирени. Холодная прекрасная весна. Так начались эти дни... Несмотря на ее отказ, он был радостно-спокоен, он знал, что все их родные за этот брак, и, главное, он знал, что она его любит. Было правило, которое он открыл для себя, дважды оказавшись на краю гибели: во всем положиться на Бога. Этим он будет руководствоваться во всей дальнейшей жизни. Но в те кобургские дни, нарушая это правило, он был очень настойчив. Девушка, которую он хотел в жены, была глубоко религиозна. И он щемяще жалел ее, понимая, что́ для нее перемена религии. И, любя ее за это отчаяние и слезы, он своей ласковой настойчивостью помогал переложить на него ответственность за решение. А она... она много плакала в эти дни. Впоследствии она будет писать, как трудно ей было принять это решение — поменять религию. Конечно, религия играла огромную роль в ее жизни. Но ведь не раз ее прапра-гессенские принцессы, отправлявшиеся в далекую Россию, меняли религию. И ее сестра Элла, принявшая православие, была счастлива в новой религии. Нет, нет, было еще что-то, отчего она плакала все эти дни. И это «что-то» она не могла выразить словами... Натурам экзальтированным, нервным и оттого наделенным даром предвидения в решающие минуты судьбы дано чувствовать будущее... Не оттого ли она так плакала и почти с ужасом из последних сил пыталась говорить ему «нет»?

«7 апреля. День свадьбы Даки и Эрни. Началось с того, что я опоздал на завтрак, и мне пришлось идти петухом перед толпой на площади. В 12 часов все собрались наверху и после подписания акта гражданского брака пошли в церковь. Эрни и Даки, хорошая пара. Пастор сказал хорошую проповедь, содержание которой удивительно подходило к существу переживаемого мной вопроса. Мне в эту минуту страшно захотелось посмотреть в душу Аликс. После свадьбы был фамильный обед... Молодые уехали в Дармштадт. Пошли гулять с дядей Владимиром, доползли, наконец, до замка... Подробно осмотрели музей оружия. Обедали у тети Мари, в мундирах, из-за императора (Вильгельма.— **Э. Р.**), который штатского не одевает. И затем пошли, скорее перебежали, под ливнем в театр. Давали первый акт «Паяцев».

Как весело ему было карабкаться на гору в этот замок, а потом вечером перебегать улицу и в мокром мундире сидеть в театре! Ему все было тогда весело, потому что он знал: все должно случиться и уже завтра обязательно случится! И он любил их всех: милый Эрни, милая Даки, милый дядя Вилли, так смешно обожавший мундиры, и милый дядя Владимир...

«8 апреля (число трижды подчеркнуто им в дневнике). Чудный, незабвенный день в моей жизни! День моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс. После разговора с ней мы объяснились между собой... Какой радостью удалось обрадовать дорогих папа и мама. Я целый день ходил как в дурмане, не сознавая, что, собственно, со мной приключилось. Потом был устроен бал. Мне было не до танцев, ходил и сидел в саду с моей невестой. Даже не верится, что у меня — невеста».

В письме к матери он описал все более подробно: и странное отчаяние, и слезы Аликс.

«Она плакала все время и только от времени до времени произносила шепотом: «Нет, я не могу...» Я, однако, продолжал настаивать и повторять свои доводы, и хотя этот разговор длился 2 часа, он не привел ни к чему... Я передал ей ваше письмо (письмо датской принцессы, счастливо сменившей свою религию), и после того она не могла уже спорить».

...«Она вышла к нам в гостиную, где мы сидели с Эллой и Вильгельмом (ах, как ждал дядя Вилли этого брака! — **Э. Р.**), и тут, с первого слова, она согласилась. Одному Богу известно, что произошло со мной. Я плакал, как ребенок, и он тоже. Нет, дорогая мама, я не могу выразить, как я счастлив. Весь мир сразу изменился для меня: природа, люди — все мне кажутся добрыми, милыми и счастливыми. Я не могу даже писать, до того дрожат мои руки... Она совершенно переменилась, стала веселой, забавной, разговорчивой».

Он подарил ей кольцо с рубином и вернул ту самую брошь, когда-то подаренную на балу.

Из ее письма в 21-ю годовщину их помолвки... «8 апреля 1915 года. Мои молитвы витают вокруг тебя в нашу годовщину. Ты знаешь, я сохранила серое платье принцессы, которое я носила в то утро. И я буду носить твою дорогую брошку».

В 22-ю годовщину: «8 апреля 1916 года. Я хотела бы крепко обнять тебя и вновь пережить наши чудные дни жениховства. Сегодня я буду носить твою дорогую брошку... Я все еще чувствую ... серую одежду и слышу ее запах — там, у окна, в Кобургском замке...»

Но тогда — как он был счастлив тогда! И она тоже старалась быть счастливой. Но все-таки продолжала плакать и в эти дни. Окружающие ничего не понимали. Наблюдая ее бесконечные слезы, простодушная фрейлина записа-

ла в дневник то, что должна была записать: Аликс не любит своего будущего супруга. Да она и сама не понимала своих слез, ведь она так любила его...

«Те сладкие поцелуи, о которых я грезила и тосковала столько лет и которые уже не надеялась получить... Если на что-то я решаюсь — то уже навсегда. То же самое в моей любви и привязанности — слишком большое сердце, оно пожирает меня...» (Письмо 8 апреля 1916 года.)

...А он — он был безоглядно счастлив. Всю жизнь он весело будет вспоминать, как играл оркестр в Кобургском замке и как во время брачной церемонии, утомленный обедом, засыпал дядя Альфред (герцог Эдинбургский) и с грохотом ронял свою палку.

Как он верил тогда в будущее! И все эти дяди и тети (королева, императоры, герцоги, принцы, князья), еще решавшие тогда судьбы народов, толпились в залах Кобургского замка и тоже верили — верили в будущее. О, если бы они могли увидеть тогда будущее!

Молодожены Эрни и Даки, «хорошая пара», уже вскоре разойдутся, сестра Элла погибнет на дне шахты, а ее веселящийся муж Сергей Александрович будет на куски разорван бомбой. Дядя Вилли, столь любящий военные мундиры и ожидающий военного союза с Россией (залог которого — этот готовящийся брак), начнет войну с Россией, и война низвергнет его с престола. И дядя Павел, танцующий сейчас мазурку, будет лежать с простреленным сердцем, и сам Ники... И Аликс... «Аликс и Ники — чудесная пара». Но пока они все счастливы под небом 1894 года и в Кобурге шумное торжество: расшитые мундиры, мишура орденов, поток драгоценностей — и все это кружится в бальной зале...

«Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко, и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя»,— говорит Господь».

9 апреля слуга Александр Волков был отправлен своим хозяином, великим князем Павлом, передать подарок по случаю помолвки. Он застал Николая и Александру в гостиной: они сидели на диване, держась за руки (о вечная поза влюбленных!), они были поглощены друг другом, и Николай не сразу заметил Волкова:

— А, это ты, милый друг Волков!

И Волков был тоже милый. Все были «милые» (любимое слово Николая).

В это время Екатерина Адольфовна Шнейдер уже занималась с Аликс русским языком. Они спрягали глаголы, и Аликс аккуратно записывает их в тетради. Она любила учиться. Для Аликс эти тетради очень много значили, как и все, что было связано с теми днями. И она сохранит эти тетради до последних дней.

...Я листаю эти учебные тетради.

Аликс училась языку, спрягая три глагола: «забыть», «петь» и «верить».

Тайны подсознания: забыть! Забыть — все, что она необъяснимо предчувствует. И верить. И петь!

Ее учительница Екатерина Шнейдер станет гоф-лектрисой при императорском дворе и в 1917 году добровольно отправится в ссылку со своей ученицей. В 1918 году за тысячу километров от Петербурга по пути к ассенизационным ямам расстреляют старую гоф-лектрису.

Но сейчас 1894 год.

Наступают эти 12 счастливейших дней. Поэтическая любовь в стиле Гете: они ездят с Аликс в шарабане, собирают цветы по окрестностям... было много сирени в ту холодную весну, и были розовые цветы в поле...

Наступает Пасха... В Страстную субботу приехавшие из Петербурга певчие открывают немецко-английской принцессе всю торжественную благость православного богослужения. С певчими приехал фельдъегерь из Петербурга, он привез подарки, письма царя и царицы и орден — для Аликс...

12 дней прошли. «20 апреля... Поехал с Аликс на станцию и там простился с нею. Как пусто мне показалось, когда я вернулся домой... Итак, придется провести полтора месяца в разлуке. Я бродил один по знакомым и дорогим мне теперь местам и собирал ею любимые цветы, которые отправил ей в письме вечером...»

«21 апреля. Завтракали... у моего прибора стояла прежняя карточка Аликс, окруженная знакомыми розовыми цветами...»

Аликс уехала в Виндзор к королеве Виктории, он — в Россию, к больному отцу.

Но уже через полтора месяца яхта «Полярная звезда» подошла к английскому берегу. Это была любимая яхта Николая, она станет любимой яхтой Аликс и их детей. Белая яхта вошла в Темзу.

«...Проводили целые дни вместе, катались на лодке, устраивая на берегу пикники,— настоящая идиллия»... Но затем мы должны были отправиться в Виндзор (к королеве Виктории). Впрочем, не могу пожаловаться — бабушка была очень любезна и разрешила нам выезжать без всяких компаньонов... Признаюсь, я никак не ожидал от нее этого». Даже пуританский этикет чопорного двора королевы Виктории уступил этой любви.

Простим им эту приторную идиллию и невозможное счастье. Они расплатятся за него, и щедро, в грядущем веке. Но сейчас...

«10 июля. Все утро сидел с моей Аликс в саду, на старой дорожке под каштанами, она работала, а я ей читал».

Все это время она вписывала ему в дневник свои любимые изречения: «Счастье и нужду переживают они вместе — и от первого поцелуя до последнего вздоха они о любви лишь поют друг другу». «Всегда верная и любящая, преданная и чистая, и сильная, как смерть».

Так слово «смерть», записанное ее рукою, появилось в его дневнике.

«11 июля. Грустный день расставанья, разлуки после более месяца райского блаженного житья. На «Полярной звезде» получил письмо от Аликс. Совсем устал и грустен».

Расставаясь, они договорились писать друг другу. Сказка братьев Гримм: уходящая яхта, башни королевского замка — принцесса и наследник...

Отголосок этой сказки сохранился в загаженной охраной, испещренной похабными изображениями уборной их последнего дома в Екатеринбурге. ...В 1918 году после их гибели в этой уборной, за трубами, была найдена маленькая книжечка с шифром и надписью: «Для моего собственного любимого Ники полезно употреблять, когда он вдали от своего «спицбуб». От любящей Алисы. Осборн, июль 1894».

Это был шифр для их будущей переписки (она обожала таинственность), который дала ему «любящая Алиса» тогда, в дни счастья в Осборне.

«Ники и Аликс — чудесная пара». Расставшись, они ежедневно пишут друг другу письма.

...Я листаю эти пожелтевшие листочки — их письма... Он пишет ей из замка в Спале, где он охотится, из императорского поезда, который везет его в Ливадию, где лежит умирающий отец. Сотни его писем. И сотни ее ответов. Бесконечные заклинания любви.

5 октября в Дармштадте она получила телеграмму, срочно вызывавшую ее в Крым: Александр умирал. В Берлине на вокзале ее провожал дядя Вилли (какие у него были надежды!), он знает твердый, неумолимый характер прелестной Аликс и мягкость милого Ники. Он не сомневается, кто будет руководить в этом союзе. И верит: она не забудет свою маленькую родину и своего дядю Вилли.

Но дядя Вилли плохо знает Гессенскую принцессу.

«Мой народ стал твоим народом, и мой Бог стал твоим Богом».

Так учило прошлое ее прапра — прекрасных гессенских принцесс, уезжавших в далекие земли.

Александр III умирал. В зале, рядом со спальней, собрались его братья.

В спальню к умирающему медленно идет знаменитый доктор Захарьин. Доктор страдает одышкой, он не может пройти нескольких шагов, чтобы не присесть. Поэтому вся зала по пути в спальню уставлена креслами.

В спальне императора знаменитый священник Иоанн Кронштадтский и духовник царя отец Иоанн Янышев. И доктора. Они встретились около умирающего: бессильная медицина и всесильная молитва, облегчившая ему последние страдания.

Все кончено. Двери спальни отворились. Оба священника стоят у кресла. И в огромном вольтеровском кресле тонет тело мертвого императора. Императрица обнимает его. Чуть поодаль стоит бледный Ники.

Император скончался, сидя в кресле.

«ГОЛОВА КРУГОМ, ВЕРИТЬ НЕ ХОЧЕТСЯ...»

«...20 октября! 1894. Боже мой! Боже мой! Что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого, горячо любимого папа. Голова кругом, верить не хочется, кажется до того неправдоподобно, ужасная действительность! Все утро мы провели около него. Около половины третьего он причастился святых тайн. О, Господь! Больше часа стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого...

21 октября. И в глубокой печали Господь дает нам радость тихую и светлую. В десять часов моя Аликс была миропомазана. Была отслужена панихида, потом другая... Выражение лица у дорогого папа чудное, будто хочет засмеяться. Было холодно, и ревело море.

Было брожение: где устроить мою свадьбу,— мама и я, что все-таки лучше это сделать здесь, пока дорогой папа под крышей дома, а все дяди против, говорят, что мне надо сделать это в Питере».

И дяди победили. Как только умер Александр, сразу становится слышен их голос.

Как всегда, восшествию на престол сопутствовали слухи. По одной версии, вдовствующая императрица хотела заменить Николая своим любимым сыном Михаилом и пыталась заставить Николая отречься.

Но это лишь слух. Знаменитый министр ее мужа и сына — С. Ю. Витте — в своих «Воспоминаниях» пересказывает беседу с нею о Николае.

«— Вы хотите сказать, что государь не имеет характера императора?

— Это верно,— отвечает Мария Федоровна,— но ведь в случае чего его должен заменить Миша, а ведь он имеет еще меньше воли и характера...»

Так что скорее справедлив был другой слух, также вышедший из стен ливадийского дворца. Александру не было и 50, когда он умер. Этот гигант казался вечен, и, когда Николай вдруг узнал о смертельной болезни отца, им овладела паника. Николай умолял позволить ему отречься от престола... Но Александр был непреклонен: закон о престолонаследии обязан соблюдаться. Николай должен принять трон — такова была воля отца. И в ответ на покорное согласие наследника — в утешение ему и чтоб дух укрепить — ему и разрешили взять в жены Гессенскую принцессу.

А потом был Петербург, хмурый осенний день. На перрон Николаевского вокзала прибыл траурный поезд.

Среди встречавших гроб Александра был все тот же Витте...

«Новый император прибыл в Петербург со своей невестой, будущей императрицей, в которую, как говорят, он влюблен»,— записал Витте.

Рядом с новым императором на перрон вышли две белокурые женщины. Одна из них — его невеста, другая — ее родственница,— королева Англии Александра.

Через 24 года, в страшном 1918 году, королева Александра пошлет английский крейсер к берегам Крыма. И все, кто останется от большой семьи Александра III — дочери Ксения и Ольга и старая императрица Мария Федоровна, взойдут на борт английского корабля.

Похороны Александра III продолжались долго. Когда митрополит говорил свою длинную речь, вдовствующая императрица не выдержала, с ней начался истерический припадок, и она все кричала: «Довольно! Довольно! Довольно!»

Предчувствия Аликс начали сбываться: она въехала в Петербург вслед за гробом.

7 ноября императора похоронили в Петропавловском соборе. В стране был объявлен годичный траур. Но их свадьба должна была состояться через неделю — в день рождения его матери.

До свадьбы они жили раздельно: она — у сестры Эллы, во дворце великого князя Сергея Александровича, а он — в «милом Аничковом» дворце вместе с матерью.

«Моя свадьба была продолжением похорон, только меня одели в белое»,— расскажет потом Аликс своей подруге Вырубовой.

«13 ноября 1894 года. Аничков. В одиннадцать пошли к обедне в нашу милую церковь. Грустно и больно было стоять... зная, что одно место останется навсегда пустое. Словами не выразить, как тяжело, как жаль дорогую маму!.. Виделся с милой Аликс за чаем. Затем простился с ней в восемь часов, больше нельзя видеться! До свадьбы! Мне все кажется, что дело идет к чужой свадьбе, странно при таких обстоятельствах думать о своей собственной женитьбе...»

«14 ноября. День моей свадьбы. После общего кофе пошел одеваться. Я надел гусарскую форму и в одиннадцать с половиной поехал с Мишей в Зимний. По всему Невскому войска. Мама с Аликс. Пока свершали туалет в Малахитовой зале, мы все ждали...»

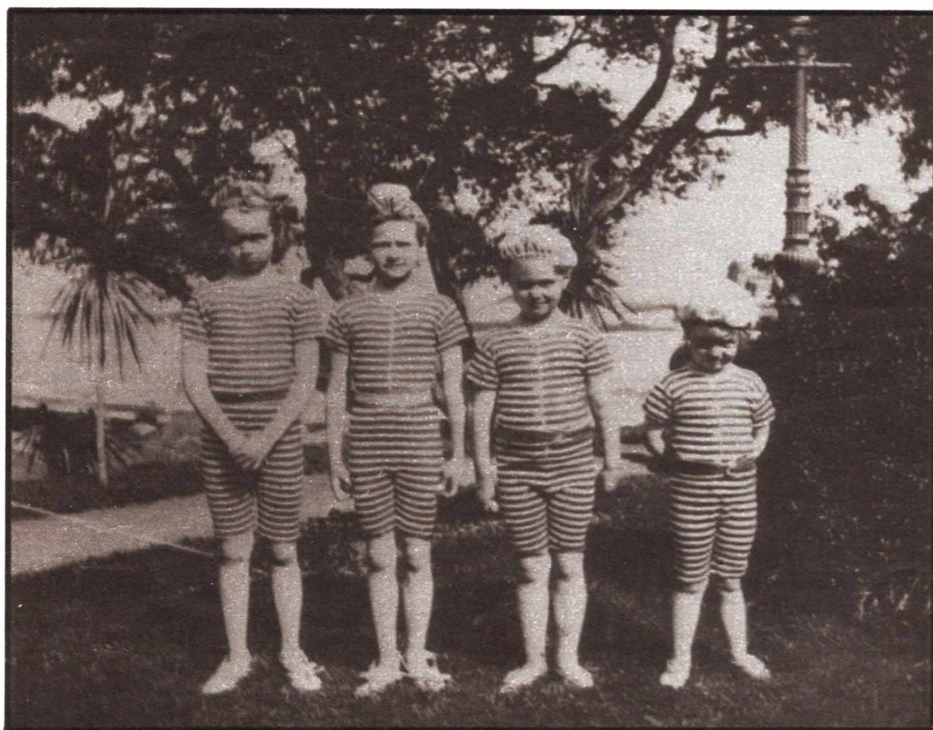
И, наконец, она появилась: серебряное платье с бриллиантовым ожерельем, сверху наброшена золотая парчовая мантия, подбитая горностаем, с длинным шлейфом. И на голове в огне бриллиантов сквозная корона. Новая императрица.

«В десять минут первого начался выход в Большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком... Нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мной в карету с русской упряжью, и мы поехали в Казанский собор. Народу на улицах было пропасть... По приезде в Аничков во дворе почетный караул от лейб-гвардии уланского полка. Мама ждала нас хлебом-солью... Весь вечер отвечали на телеграммы... Завалились спать рано, так как у нее разболелась голова».

Это грубоватое гвардейское «завалились спать» скрывало его смущение, страх перед таинством ее девства.

А она? Он не зря отмечает ее головную боль. И ее фрейлина отметила в этот день: она была бесконечно грустна и бледна. Ее мучили та же беспричинная тоска и странный ужас. Молодая императрица пыталась объяснить это недавними траурными церемониями — свадьбой вместе с печалью...

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

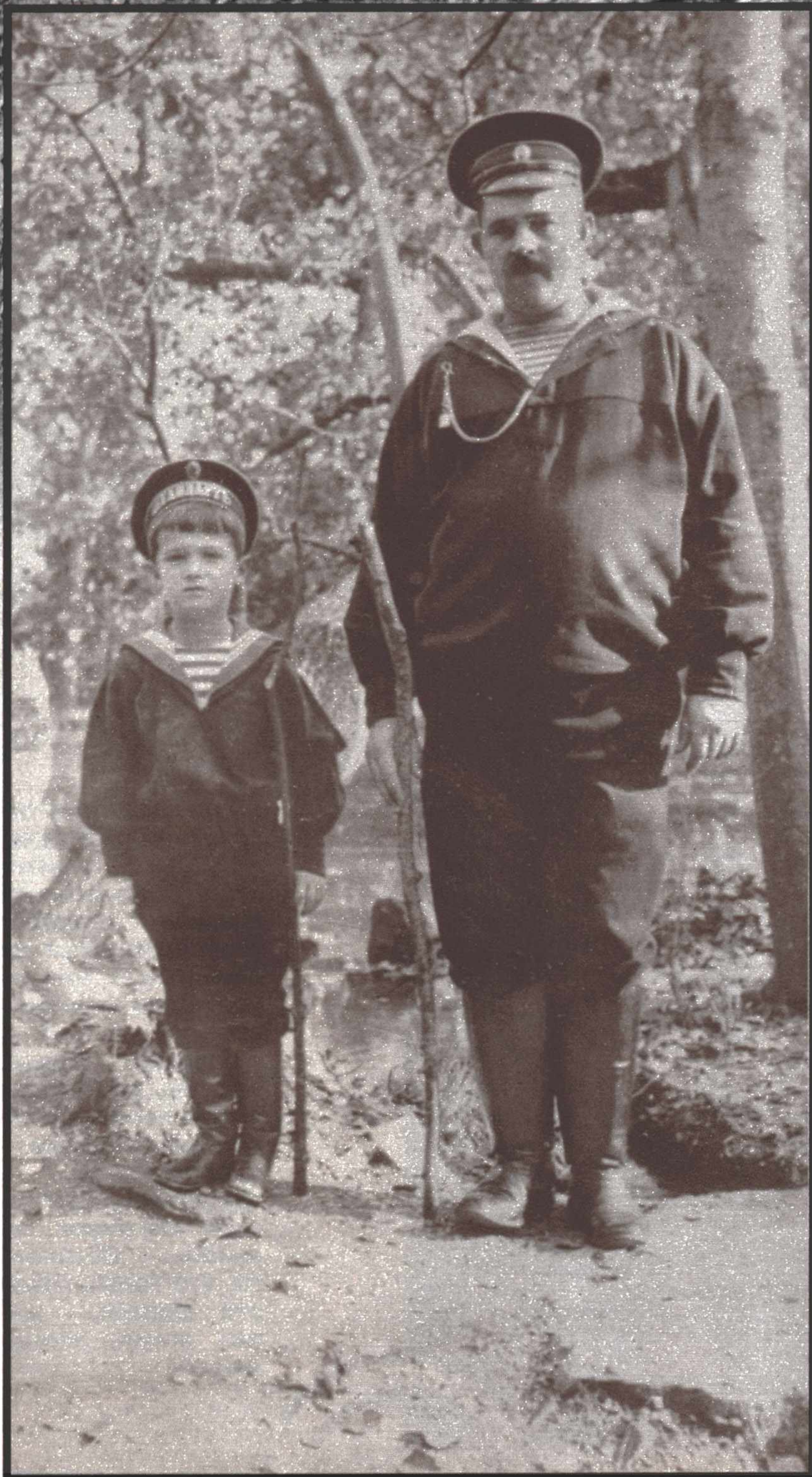

...Эти фотографии, сохраняющие вплоть до солнечных бликов прелесть и обаяние тех воистину СЕМЕЙНЫХ дней...

Придет время, и новые самодержцы загородят свой домашний мир ширмой знамен, лозунгов, юбилеев и парадов. Но каким бы ни был вариант этой спрятанной жизни — лагерным или падишахски роскошным,— нам он все равно неинтересен...

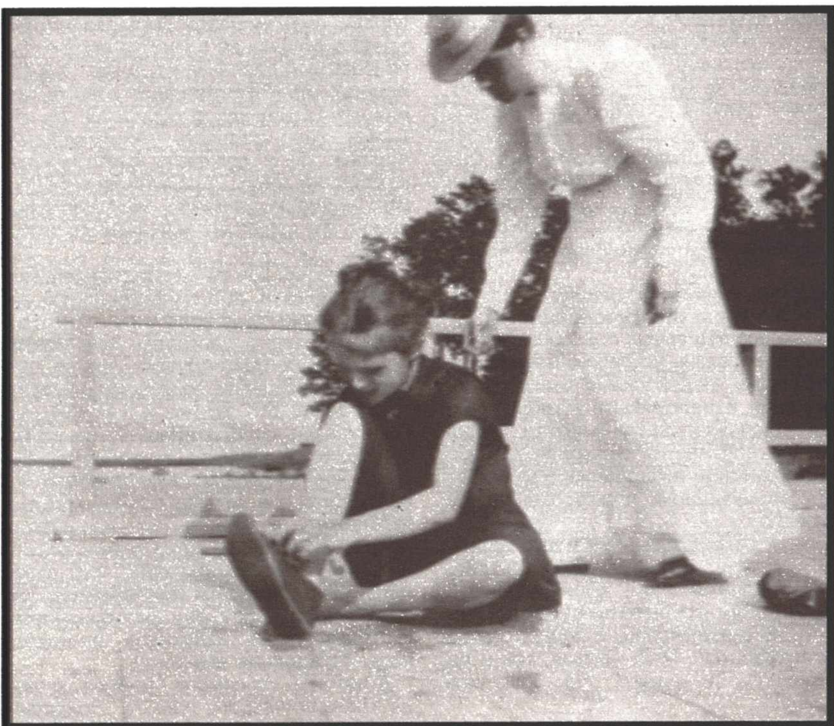
Царская семья, как бы венчающая собой пирамиду семейной России — крестьянской и фабричной, купеческой, служивой, военной... Осталось то, что запечатлели эти снимки,— живая жизнь живых людей.

Мы благодарим организаторов выставки «Последние годы дома Романовых. Семейная хроника» за предоставленные фотоматериалы.

Замира ИБРАГИМОВА

ТРАВМА

ПОКАЗАНИЯ ПОТЕРПЕВШЕЙ

При слове «гололедица» мне хочется негромко, но долго и тоскливо подвывать. Только ли мне? Увы, «нас всех подстерегает случай». Отваживаюсь предложить читателям описание случившегося со мной только потому, что от такого несчастья не застрахован никто.

ПАДЕНИЕ

Впервые в жизни заключила контракт — и краткосрочный! Впервые за тридцать лет журналистики растерянно получила весомую зарплату. И тут же, через три дня, едва примчавшись из Москвы домой с тщеславными намерениями показать себя наконец в свободном полете, исполнила на ледовом тычке в центре города танец падающего пингвина и...

Прости, контракт? Прощай, зарплата? Пропадите вы пропадом, планы и намерения?

Это все потом. А тогда надо было идти. Как мы с дочерью двигались, не объясню. Только возле самого дома села я в снег и заплакала — не могу! Автомата рядом нет, на улице никого (нынче одиннадцать — глухая ночь), морозец градусов под двадцать — не засидишься. Доползли. Ногу — в тепло и покой, от боли — снотворное, утро вечера мудренее.

Утром с запоздалой укоризной бранила себя за дурной неугомон. Все надо куда-то, все побыстрей, везде отметиться, нет, чтобы дома посидеть как человеку степенному. Нашла время увечиться! Кому ты нужна со своей ногой в хаосе безвластия, гражданских беспорядков, рыночных вожделений?! Что там нынче, в родимой бесплатной медицине,— ленат? Бастуют? Все ушли в кооператив? И почем у них гипс, не говоря уж о наркозе? До чего же это, оказывается, больно,— нарушение природного лада.

Тянула, надеялась на чудо. Друзья советовали по телефону: повыше, холодный компресс, нет, синяя лампа, перетяни эластичным бинтом. Доступное «повыше» не помогало. Нога навязывала номер «ноль-три». Приехала «Скорая» через час после вызова (нормально, даже, может, слишком много чести для лодыжки — в стихии сердечно-сосудистых отказов и дорожно-транспортных раздроблений). Приладили шину, дали непомерно высокие костыли и повезли в травмпункт центральной поликлиники. Воскресенье, но там дежурят.

Поддерживаемая в четыре руки, обливаясь холодным потом, докостыляла в конец коридора — к дежурному травматологу. «Скорая» забрала костыли и шину, уехала. Травматолог глянул, сказал — на рентген. А рентген — в противоположном конце коридора, разделенного каменной площадкой в холле со ступеньками с двух сторон. Униженно спросила: нет ли каталки? Нет, говорит, да и на каталке по нашим переходам не проедешь.

На каталке не проедешь, а без ноги, значит... А куда ты денешься? Спасибо, есть в дежурке костыли. Сколько там шагов до рентгена? Тогда показалось: плелись с дочерью по пустыне полдня. Туда — полдня и обратно со снимком — полдня.

Сколько же людей и до меня, и после меня подвергалось и будет подвергаться тому же нелепому и жестокому испытанию — ковылять из конца в конец за снимком и со снимком только для того, чтобы услышать: перелом, в больницу?!

Час мы ждали на лавочке в коридоре «транспортировку» — машину «Скорой помощи» для переезда в больницу. Это была умиляющая неожиданность: возят, не гонят родственников на улицу ловить неуловимое такси или торговаться с надменным частником. Но умиление сил не прибавило.

В шестом часу вечера я оказалась в гипсовой Второй больницы «Скорой помощи». Почему здесь? По «месту жительства». Ключевой признак при рассортировке больных, обратившихся в «Скорую». (Потом узнала: даже если разбился далеко от дома, собирать повезут по «месту жительства», мимо инорайонных больниц.)

Вошел врач — огромный, в очках, молодой, но с невозмутимостью не нашего взбаламученного времени. Нога моя перед ним, снимок в руках — лицо его бесстрастно. И ко мне — никакого интереса. Хоть бы удивился, как это меня угораздило. Ни досады, ни сочувствия. Сердито буркнула: как же я... без ноги? Меланхолично отозвался: почему без ноги? Разговора не выходило, а мне вдруг понадобилось говорить — узнать, зачем я здесь, к чему готовиться. Вместо этого спросила: кричать буду? С достоинством сообщил: вы не в гестапо попали, в больницу. И ногу мою изучает, а я вроде ненужного приложения к травме, отвлекающая нагрузка. Ему вроде и поговорить со мной не о чем. Или лень. Или скучно. Или... лучше не говорить? Черт его знает, почему он молчит. Там, в травмпункте, я транзитом, а здесь — приехали, конечная станция. Имею я право на информацию?

Для меня молчание явно невыносимо. Делаю важное заявление: Москва вот бурлит... Мне и самой непонятно, зачем я выступила и что именно хотела сказать. Но молчун спокойно уточнил: она всегда бурлит. Исчерпывающий комментарий ко всему, что я, видимо, собиралась еще поведать. Не на того напала. Травма, ничего, кроме травмы. Бездушный... Молчун забирает мою опухшую, бесчувственную от новокаина конечность в свои огромные ручищи — и поток моего устремленного к бранным эпитетам сознания течет вспять. Что-то очень нужное происходит, очень доброе и обнадеживающее. Конечность не чувствует боли, но благодарно воспринимает тепло умных ручищ, осторожно-уверенно манипулирующих ступней,— ею, как... рулем, что ли, врач производит тончайшую работу по совмещению сломанных костей. Сравнение негодное, но другого нет. Я вижу: лицо врача преобразилось — зеркало колоссального напряжения, момент высочайшей собранности, глазами он помогает рукам, хотя перелом закрытый, и работа идет вслепую. Вслепую? При такой озаряющей сосредоточенности? Такими зрячими пальцами?

Вот оно, искомое утешение,— и травма, и я учуяли **профессионала**. Изнурявшая все это время подсознательная тревога — боязнь встречи с неумехами, недоучками, недоносками высшего образования и недоумками низкой практики — исчезла. Он так работал, что не нужны стали мне ни дежурная улыбка, ни бодряческое воркование. Что может быть милосерднее профессиональной помощи?

Потом узнала: фамилия моего молчуна — Михеев. Владимир Константинович. Тридцать лет. «Прирожденный травматолог». И улыбаться умеет — нечасто, но с подкупающей подростковой застенчивостью. Мне, правда, так и не улыбнулся ни разу — не общались больше.

«БОГАДЕЛЬНЯ»

Везут и везут... Нагляделась. И если бы только гололед! С утра до вечера и с вечера до утра с нами что-то чрезвычайное происходит. Дома, в школе, в цехе, на дорогах и улицах, в темном подъезде и на освещенной снежной горке, от пылких чувств и холодных размышлений, по течению жизни и стечению обстоятельств. Несчастные случаи, несчастные отношения, несчастные перекрестки. Полежишь пару недель в «травме», и покажется, что бытие — это гигантская артель по производству несчастья, стандартно-удручающего и штучно-неповторимого. Индраскрой из одного материала. Кому ожог, кому пролом, кому выстрел в спину, кому молоток в лицо... Ох, горе-гореваньице, нет на тебя управы, и никто не защищен от безжалостного твоего «невзначай». Знал бы, где упадешь...

Но вот про гололед знаем, а толку? «Травма нижних конечностей остается ведущей...» Налюбовавшись досыта в больничном коридоре на бесконечных костыльников, захотела обратиться к согражданам с парламентской трибуны: «Товарищи, не спешите, не обгоняйте никого, у нас нет безопасных дорог, пути наши скользки, а кости так хрупки...»

Про парламент, впрочем, сочиняю. Ничто, похоже, так не деполитизирует, как собственное увечье. Полежала в двух палатах — хоть бы словечко меж больными о Союзном договоре, референдуме или счастье многопартийности. Куда, оказывается, важнее, что на четырех лежачих — два судна и комфорт (!) неимущих зависит от великодушия имущих и благородства единственной ходячей. И то, что «травма» не имеет костылей — пока их не принесут домашние или сослуживцы, больной принужден лежа мечтать о туалете, восстанавливающем человеческое достоинство. И то, что единственный туалет расположен, как водится, в одном конце коридора, а послеоперационная палата — в противоположном и жизненно важные походы требуют от бессильных ошеломляющих усилий.

Питание... Стоит ли о нем? Одиноким, без подкормки извне, питание не даст умереть от голода. Все-таки три раза в день, все-таки горячее, и в хлебе пока не ограничивают, и капуста в щах попадается, и пряничек дневной можно ночью погрызть, если не спится. Справедливости ради замечу, что по нынешним временам питание могло бы быть хуже, а тут и по кусочку сыра раза три на завтрак перепало, и по апельсину однажды разнесли. От врачей узнала, что отданный в 85-м году приказ Минздрава предписывает организацию питания в больницах с учетом продуктов, приносимых больным из дома. Оно бы ладно — крутятся близкие-родные, из-под земли добывают, собирают кто что может, зная щедрость бесплатной медицины. Но и добывать все тяжелей, и одиноких много, и само питание больного — оно же требует... Чего? Но главное — от кого? От кого бы потребовать...

Простыни цвета непростирываемой безысходности, долгой и отчаянной нищеты. А вместо наволочки в пик гололедного завоза досталась мне как-то на ночь солдатская рубаха. Уж не конверсия ли занесла ее в богадельню?

Словечко это тут же я и услышала. Сначала от сопалатницы — горько-тихой пожилой женщины с переломом бедра. Она попросила санитарку все же найти для нее второе одеяло, потому что лежала у окна, за которым стояли добрые морозцы со злым ветерком. Санитарка, конечно, сказала, что взять негде, но одеяло меж тем появилось, не вдруг, часа через два, но появилось. И горько-тихая вздохнула благодарно — богадельня все-таки!

А потом — от самого Дремова, хозяина травматического приюта. Пришлось

Юрию Ивановичу убеждать меня в необходимости операции. Я все надеялась, что так обойдется, срастусь без «вскрытия» и крепежа. Дремов набросал схемку моего перелома (он оказался тройным — ломаться так ломаться!) и убедил, что «так» не обойдется: нужно зафиксировать «неплохо» сложенные Михеевым кости. Убедить-то убедил, но легче не стало. Своими частыми «о боже» я, видимо, опять напрашивалась на утешение. И Дремов утешил: ничего, все надо в жизни испытать. Бессмысленно усомнилась: и это тоже? Усмехнулся: будете знать богадельню.

Знать так знать. Приходя помаленьку в себя от шока и наркоза, начала вытряхивать из врачей информацию — уже не про собственную лодыжку, в которую вогнали пару металлических гвоздей. Попросила годовые отчеты, навязалась на беседы. Представление о богадельне от личных впечатлений восходило к объемному знанию.

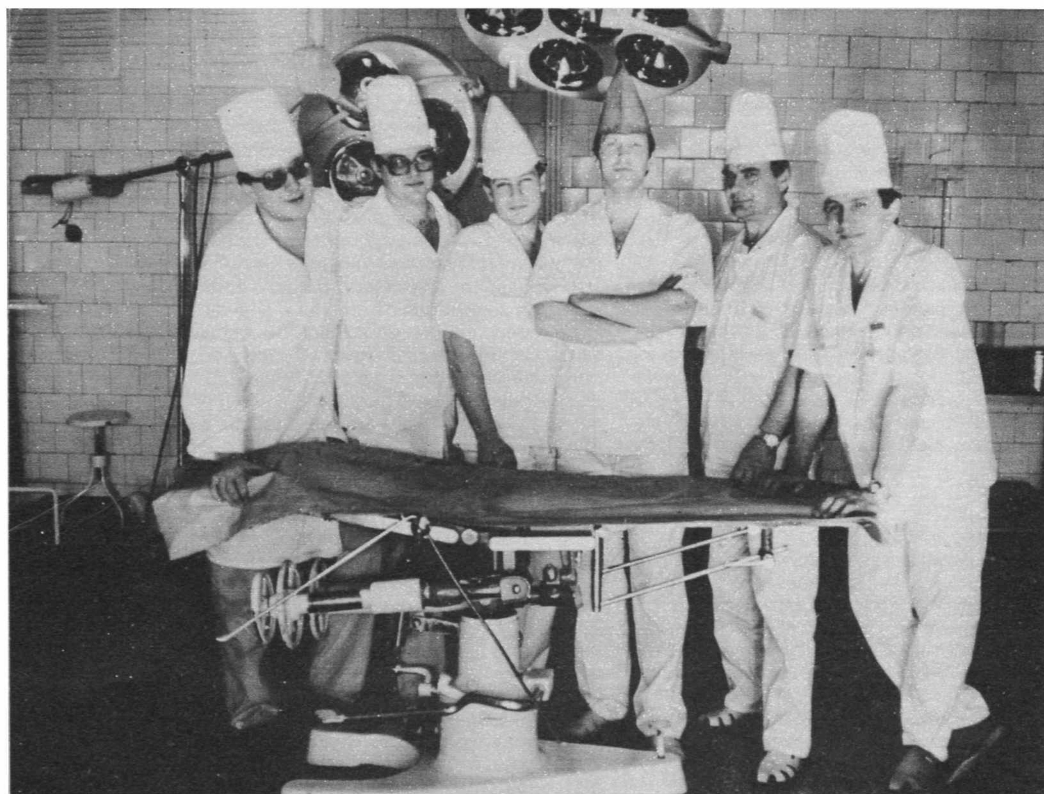
Больница на 360 «коек» (до чего же унылое словечко!) обслуживает чуть ли не весь наш «индустриальный гигант на Оби». За год здесь делается около четырех с половиной тысяч операций, в диапазоне «от пятки до макушки», ибо ничего неуязвимого в нас, бедных, к сожалению, нет.

Укомплектованность врачами наиболее высокая — почти 87%, далее — по нисходящей: средний медперсонал — около 66%, младший — около 30%. Худо, конечно, с импортным диагностическим оборудованием, нет резервной аппаратуры «на случай массового поступления пострадавших». На питание больного отпускается в сутки 1 рубль 41 копейка, на медикаменты — 91. (Эта щемящая «одна копейка» не символ ли побирушной нашей медицины?) Нормативный срок службы постельного белья четыре года, при том, что «оборот койки» из года в год увеличивается.

Типовая богадельня? Ведерко воды из общего запущенного колодца? Не стоит напрягаться в поисках «образа» для ситуации сколь стандартной, столь и зримой. Полезнее узнать, как влияют на застарелую ситуацию новые ветры.

Анатолий Николаевич ЛАЙВИН, главный врач больницы:

— С 85-го года бюджет больницы вырос на 35%, но что это значит нынче? Во-первых, дают нам только деньги, на которые мы сами должны все приобретать — от медикаментов до известки. Во-вторых, что с ним сегодня делать, со вчерашним пятаком? Еще года три назад ремонт отделения стоил 10 тысяч рублей, в прошлом году — уже 20. При том же объеме работ: вдруг резко повысили коэффициент строителям. А нам в этом году на ремонт выделили на 20 тысяч меньше прошлогоднего. О медицинском оборудовании лучше и не говорить. Наркозный аппарат стоил 600 рублей — стоит 1,5 тысячи. На импортное вообще цены заоблачные, да еще и в валюте. Но и на оборудование нам дали вдвое меньше, чем в прошлом году. Почти втрое сократили и такую статью расхода, как «мягкий инвентарь» — постельное белье, матрацы. На питание — все те же 1.41, хоть за килограмм лука мы платим теперь не полтинник, а два рубля, как и за многое другое. Вата несчастная подорожала чуть ли не в десять раз! Все, за что ни возьмись, самое необходимое становится недоступным. Знаете, чего у нас много? Проверяльщиков! По три-четыре комиссии в день случается: КРУ, КНК, райСЭС, горСЭС, райздрав, горздрав, комитет ветеранов войны и труда... Неусыпный контроль не приносит нам ни дезинфицирующих растворов, ни инструментов. Но драма-то, знаете, на самом деле в чем? В том, что вопиющую нищету медицины многие воспринимают как должное: так было, так есть, так будет. Я депутат райсовета, участвую в дебатах своего «парламента» и с горьким изумлением слушаю, как народные избранники возражают, например, против того, чтобы поискать дополнительные средства для больниц или подумать о льготных квартирных очередях для медиков. Чем мне удержать санитарку, медсестру, хорошего врача? Работаем-то не по плану, а по жестокому «факту», и «факт» не считается с тем, тепло в больнице или холодно, есть вода или нет, хватает медсестер или не очень. Ладно, студенты мединститута выручают, а в августе без них нам совсем тяжко. В целом же — все труднее, никто ничего не решает, а больные... не иссякают!

Позируют... Не умеют, не привыкли, сопротивлялись... Поэтому такая бесхитростная карточка. Слева направо: Олег Тофанюк, Владимир Михеев, Евгений Базаров, Вадим Кутепов, Юрий Дремов, Сергей Терентьев.

Фото Владимира ДАВЫДОВА

Откуда же силы черпаете, хирурги?!

Лежим мы на растяжках и в спицах, под гипсом и с гвоздями. Требуем, капризничаем, подозреваем, обвиняем, любим-не любим, плюнем-поцелуем... Им-то из какого материала быть надобно? Мужики у Дремова один к одному — не скособочены цинизмом, не окривлены злобой, не сгорблены отчаянием. Здоровые такие... Дремов смеется: средний возраст — 33, средний рост — 1.80, в среднем по полтора раза женаты. (Пожалела — эти могли бы и по два, для улучшения генофонда.) Вот тебе и «богадельня».

Что все же за понятие? Даль объясняет: «заведение для призора дряхлых, увечных и неисцелимых нищих; божий дом, божий приют». И так, да и не так. В нашей для исцеления делают все, что могут, но закрепить «койку» за хроником или дотлевающим не могут никак, потому что «койка» принадлежит народу, который увечится без передышки.

И как это хирурги не разучились улыбаться?

ЦЕЛИТЕЛИ

Им-то если и улыбаться, то разве что саркастически. Попадаем мы к ним хорошенькими — не стану живописать, дабы поберечь нервы читателей да и свои лишний раз не дергать. И никто нам, кроме них, в «судьбоносном» нашем костоломстве не нужен. Райздрав, горздрав, минздрав — экие, право, пустые звуки для мамы с «ожоговым» малышом, для старухи со сломанными ребрами, для водителей с множественными повреждениями. Вот мы, страждущие, и вот они, Целители, с боговой ответственностью за все, что с нами теперь будет.

Но разве нужные люди работают в таких условиях? Слушаю Дремова, и хоть вставай и беги куда глаза глядят. Костыли мешают. Слушаю, записываю:

— Нет хлорамина, заменяем хлоркой. Металлом обеспечены на 30%. Гвоздь для синтеза бедра стоил 18 рублей, сейчас — не меньше 50, спица — 18 копеек, теперь — не меньше рубля. А качество? Стул такими железками ремонтировать не станешь, а мы их в людей вгоняем. Летом ниток не было. Совсем. Пошел на швейную фабрику, тоже, говорят, нет. Уговаривал, улыбался — дали немного... Больные с костными травмами и ожогами несовместимы. Мы совмещаем. А что делать? Новосибирск — единственный миллионник в Союзе, не имеющий ожогового центра. Детей у нас по смете нет, а на деле же — около двухсот пятидесяти за год. Что такое шестнадцать грудничков в этом отделении?.. Наша операционная — это читальный зал общежития. Выходит на главную больничную лестницу, то есть практически в проходную. От чего тут могут спасти одноразовые шприцы? Вся реальность нашего здравоохранения если и не «гарантирует» СПИД, то уж никак и не противостоит ему. У нас хирург работает примитивнейшим молотком, в выношенном рванье, а ТАМ врачи оперируют в специальных скафандрах, чтобы себя СПИДом не заразить. Да что сравнивать...

Тем не менее сравниваем. Кладет передо мной две железки: отечественную и импортную — те самые, которыми скрепляют сломанные кости. Что скажешь? Одна — легкая, блестящая, изящная, другая — тяжелая, грубая, тусклая... Ведет в операционную: демонстрирует набор инструментов. Меньше всего они похожи на хирургические, скорее — слесарные, из тех, с которыми гордый жэковский сантехник ходит по домам прочищать забитые отходами «колена» старых труб. Дремов дает мне подержать кусачки — то ли я ослабела, то ли кусачки непомерно тяжелы, но тут же кладу их на место. (Нелепо, но с чувством обозвав про себя «кувалдой».) А ими откусывают кусок хирургического гвоздя, торчащего из кости оперируемого.

Какие же мы все тут лишние для великого нашего государства — и больные, и целители! Ничего-то у него для нас не припасено на экстренный случай — ни йода, ни горшка, ни нитки, ни гвоздя! Экая беспросветность. А Дремов... улыбается. Чему? «Сестры спросили: кого привел? Говорю — корреспондента. Разочаровались. Думали: может, инструментов подкинет!»

Впервые, кажется, в жизни остро пожалела о том, что ничего у меня нет, кроме разбитой пишущей машинки. Ни опоры в материальном производстве, ни валюты, ни покровителя-«теневика», имеющего и то, и другое. Уж я бы его потрясла на предмет импортных железок или отечественных простыней для богадельни, про которую, может, и сказано: всякое дарение — благо. Поздновато спохватилась, голубушка. Гляди теперь виноватыми глазами немощи на хирургов, все умеющих и ничего не имеющих, кроме самих себя и «нас», неиссякаемых.

А они «богорадствуют», бесплатные наши стоики, взвалившие на себя бремя попечительства: ходят с протянутой рукой по предприятиям, по «здравам» разного калибра, по сессиям и Советам — подайте, ради Бога, кто что может. Или надевает Дремов свой лучший галстук, покупает цветочки понаряднее и «по бабам»: к тетушкам со швейной фабрики, к девонькам из «медтехники», к дамам в распределяющих кабинетах. Благо «мужчина в расцвете лет», да обаятельный, да с добрым юмором — как такому откажешь? И нет, да найдут. Не совсем то, но хоть что-то. Нитка толстовата? Но нитка же. Йод нужен? Зеленка не хуже. Гвоздик? Поищем у мебельщиков.

Подают, подают... Нечасто, но заносит несчастный случай в богадельню начальника (тоже ведь не без костей!). И тут по исцелении может последовать поток сказочных благодеяний. Видим однажды из своей послеоперационной, как проносятся по коридору каталки с огромными рулонами цветного линолеума. Бегают с каталками наши хирурги, веселые, как мальчишки из победившей хоккейной команды. Спросила потом Дремова: откуда эта роскошь? Да

вот, говорит, разбился на машине Н., мы его три месяца собирали, теперь он нам 500 квадратов линолеума пожаловал, обещал еще и костюмы хирургические, да и обычные ребятам посулил, купить-то негде, все оборванцы. А кто такой Н.? Большой человек в одной из ведущих отраслей области. (Не стала уточнять: коли сама ничего не могу, так хоть не спугнуть нечаянного благодетеля.)

Дремов и такой пример поведал: «Завод «Электросигнал», с которым мы в одном районе, выделил телевизоры для наших работников. И старшая сестра Александра Афанасьевна сделала самую дорогую покупку за всю свою трудовую жизнь. Ей до пенсии пару лет, а у нее ставка — 145, работает на полторы, три субботы в месяц заняты. Премии ей за месяц начисляются могучие — 15, 18, 23 рубля. Со всеми доплатами выходит то чуть меньше, то чуть больше двухсот».

Да, самый высокооплачиваемый в отделении — Дремов. Работает двадцать лет, десятый год заведует «травмой». Врач высшей категории. Репутация высококлассного профессионала. «Если бы вы видели, что он делает в операционной!» — обронил анестезиолог.

И этот наш высокооплачиваемый получает «на руки» в пределах четырехсот пятидесяти. За все про все. Тут и заведование, и те же полторы ставки, и обыденная ненормированная экстренность. И еженедельный «чистый» четверг: оперирует. От скверны снабженческой суеты, от административной мороки, от душеспасительной терапии — в хирургию, ради которой, очевидно, и выносит все остальное как неизбежность в служении «призванию». Зарплате все равно, сколько он операций сделает за год — восемьдесят или сто восемьдесят. Ему не все равно. Делает сто восемьдесят.

Не заработать, а поработать. Такая вот несовременная ориентация. Хорошо это или плохо — упоенно вкалывать без денег?

Прочла однажды монолог бывшего, ныне прозревшего «энтузиаста»: мы, дескать, своей честностью и бескорыстной увлеченностью делом поддерживали «систему», а ей надо было противостоять сачкованием, цинизмом, хитростью. Что ж... В таком противостоянии мы, кажется, преуспели, но от самих себя поташнивает, если не выворачивает. Ни накормить себя, ни одеть — только колотить друг друга в злой нищете.

Опыт богадельни убеждает: не единой «системой» жив человек, поболе вложено в него Богом ли, природой, и бесчеловечным обстоятельствам способен он противостоять человечностью. Не разменивать совесть и профессиональную честь на высокие заработки низкого происхождения, не клевать на соблазны дымной мессианской славы, уважая в себе Мастера и уповая на труд и умение.

Я спросила Дремова: кто вас, Юрий Иванович, учил работать?

— Фронтовички. Получил отделение от «бабушки» — Нины Федоровны Тяжкун. Она в сорок первом ушла добровольцем и всю войну, до победы, в медсанбате переднего края. Хирурги сутками не размывались — по шестнадцать операций на одного! О себе забывали. Так и нас учили. И я иначе не могу.

Он не может, а другие? На кой ляд молодым это подвижническое пекло? Беседую со своим лечащим врачом, тридцатилетним Вадимом Кутеповым,— может, хоть этот попроклинает судьбу? Не тут-то было! Вадим похож на восторженного малолетку, одаренного дружбой дворового вождя.

— Попал сюда студентом, на втором курсе, Юрий Иванович меня покорил. Покрутился я возле него — понял, что буду травматологом. Но по окончании института распределили в поселковую больничку. Отделение на 15 коек. Оперировал все подряд. И роды принимал. И по «Скорой» дежурил. И травматизма хватало. Все, чему учили, перепробовал. А думал о Дремове. Отработали с женой четыре года — и сюда. Юрий Иванович помог: дали комнату в общежитии. Первые полгода работать было очень тяжело: знаний не хватало. Тот мой универсализм боком вышел: травмой-то я занимался от случая к случаю. Но лучшей школы, чем здесь, не выдумать. Зарабатываю? Триста, наверное, получается. Несправедливо? А к кому наше общество справедливо?! Но нельзя же руки опускать. Мечтаю стать профессионалом. Как Дремов.

Тут я и онемела. Так давно не слышала ничего подобного... Мечтают купить, продать, поделить, отнять, перекричать, победить — и не себя, другого... И вдруг — о самосовершенствовании. В подражание образцу...

Дремов, как Тяжкун. Кутепов, как Дремов. Не промотано нравственное наследство, передается по возрастной цепочке!

Богадельни наши успешно уходят за черту бедности, которая и нас, небогатеньких, потрясает беспросветностью. Опубликован недавно проект Закона о страховой медицине. Вот уж кто у нас абстракционисты, так это творцы законов — жизнь, видимо, внушает им такой ужас, что они бегут от нее в туман тяжелого и скучного пустословия. Помучилась я с проектом (сорок четыре статьи!) и отложила это занятие на другое свое рождение. Когда и граждане, и предприятия, и государство будут знать, что такое «здоровье», и будут так богаты, что «медицинской помощи» придется отбиваться от «источников финансирования».

А в нынешней моей жизни, когда час работы Дремова стоит полтора рубля (75 копеек — операция, подобная моей), поклонюсь Юрию Ивановичу и его команде за то, что «везут и везут» тыловой свой горемычный возок с фронтовой безотказностью. Бастовать? Дремов, похоже, относится к забастовкам как к шуму дождя за окном. Отмахивается — не дело для серьезных людей. Консерватор? Может, я бы и порассуждала на эту тему, когда бы не собственная нога. Представляю: «везут и везут» нас, сломанных, раненых, разбившихся, обожженных или обмороженных, в богадельню, а там — никого, все ушли на митинг. ОНИ выступают, голодают, мечут лозунги и призывы, а МЫ стонем, кричим, теряем сознание, истекаем кровью, отходим поодиночке в мир иной или непоправимую увечность.

...Спросила Юрия Ивановича: почему идут в травматологию? Такое несладкое дело!

И опять улыбнулся, отвечая: мужское начало, специальность не для женщин.

Хотела возразить: а как же фронтовички, «бабушка», которая учила? Но себя же и окоротила — война, другой счет.

Другой-то другой, да спасибо «мужскому началу» и женским урокам самоотверженности. Без этих «источников», полагаю, богадельня быстро превратилась бы в морг.

P. S. С ногой еще будет морока, но дух мне в богадельне изрядно подлечили. Держится народная «районка» умением, добротой, юмором.

А народным избранникам, которым еще предстоит заниматься здравоохранением, хочу привести слова одного нашего грубоватого медицинского академика. Укрощая однажды раздираемую всеобщим несогласием аудиторию, медик заметил примирительно: «Не пузырьтесь, ребята, рано или поздно все к нам попадете!» Может, подумать об этом заранее — и о койке, и о горшке, и о нитках для себя? Никто не застрахован...

г. Новосибирск.

ТРАВМА

НАЦИОНАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ. ВАШИНГТОН

Вашингтонская Национальная художественная галерея — один из самых значительных и в то же время молодых музеев мира. Она открылась для публики пятьдесят лет назад — 17 марта 1941 года.

В декабре 1936 года Эндрю Меллон, известный коллекционер и меценат, один из крупных американских финансистов, предложил в дар государству 115 картин и 25 скульптур, а также средства для строительства специального здания. Произведения великих мастеров XIII—XIX веков составляли ядро собрания. Ценнейшей его частью были 21 картина из коллекции ленинградского Эрмитажа, приобретенные Меллоном (спасибо Советскому правительству!) в начале 30-х годов, — всемирно известные творения Рафаэля, Тициана, Ван Дейка, Рембрандта, Веласкеса...

Примеру Меллона еще до открытия галереи последовал Сэмюель Кресс, а затем и другие собиратели. Богатейшая коллекция Кресса, включавшая произведения итальянской школы XIII—XVIII веков, в 1943 и в 1946 годах была дополнена собранием французской живописи. Из коллекции Кресса пришли в галерею и превосходные образцы раннего немецкого искусства, работы Эль Греко и Гойи.

В 1942 году Джозеф Уайднер передал музею знаменитое собрание картин, скульптур и прикладного искусства, в том числе Рафаэля и Тициана, семь портретов Ван Дейка, четырнадцать картин Рембрандта, полотна Тернера, Ренуара, Дега...

Активной собирательской деятельности Честера Дейла обязан своим богатством раздел французской живописи XIX—XX веков.

В фонды Национальной галереи поступило много единичных даров; некоторые из них, например, шедевр Фрагонара «Читающая девушка», подаренный дочерью Меллона в память об отце, или «Железная дорога» Э. Мане, составляют гордость музейного собрания.

Можно сказать, что лицо Национальной художественной галереи в Вашингтоне определили дары и пожертвования как весьма богатых финансистов и промышленников, обладавших огромными коллекциями, так и скромных собирателей, чьи имена достойны уважения.

...«Мадонна Альба» принадлежит к началу «римского периода» творчества Рафаэля (около 1509 года), когда он испытал увлечение Микеланджело. Но в изображении лика Мадонны художник остался верен себе. Она прелестна особой рафаэлевской нежностью. Влияние Микеланджело сказывается прежде всего в композиции картины, чувствуется в расстановке фигур, которые с изумительным мастерством включены в круглую форму — тондо.

Картина в конце XVII века попала в Испанию и более ста лет находилась в собрании герцогов Альба — отсюда и ее название. В 1836 году была приобретена для Эрмитажа за 70 тысяч долларов, а в 1931 году продана Меллону за 1 миллион 166 тысяч 400 долларов (самая высокая цена, отданная до этого за одну картину).

Как и «Мадонна Альба», «Венера перед зеркалом» Тициана была одним из главных сокровищ Эрмитажа. «Тициан, — писал про картину А. Бенуа, — всю жизнь славил женскую красоту... Эту Венеру можно назвать апофеозом венецианской женщины».

Но, кому бы ни отдавать предпочтение, невозможно не остановиться перед портретом Джиневры де Бенчи кисти Леонардо да Винчи. Кажется, вот-вот мелькнет едва уловимая загадочная улыбка знаменитой луврской «Джоконды». Портрет Джиневры де Бенчи — единственное произведение Леонардо в Америке, и покупка его в 1967 году у княжества Лихтенштейн за рекордно высокую сумму, что-то между пятью и шестью миллионами долларов, стала большим событием для музея.

Женские портреты Томаса Гейнсборо, одного из самых пленительных художников всего XVIII века, пожалуй, лучшая часть его художественного наследия. Среди них и портрет миссис Шеридан — признанной красавицы того времени. Английскую пейзажную живопись XIX века представляет ранняя картина Констебла «Уайвенхоу Парк» — пронизанный светом и красотой лета своеобразный портрет аристократического поместья в графстве Эссекс.

Сокровища Национальной художественной галереи — 1600 картин и 250 скульптур — разместились почти в девяноста залах великолепного здания. Автором архитектурного проекта Национальной галереи был Джон Рассел Поуп, создавший Мемориал Джефферсона и многие другие общественные здания в Вашингтоне. Построенное в духе неоклассики, из бело-розового теннессийского мрамора, огромное здание (длина фасада 235 метров, а площадь — более 46 тысяч квадратных метров) само по себе является замечательным по красоте сооружением.

Борис КУДРЯВЦЕВ

РАФАЭЛЬ.
МАДОННА АЛЬБА.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. ДЖИНЕВРА ДЕ БЕНЧИ.

ФРАНСИСКО ГОЙЯ. ДОН БАРТОЛОМЕ СУРЕДА.

КАМИЛЬ КОРО. АГОСТИНА.

ОНОРЕ ФРАГОНАР. ЧИТАЮЩАЯ ДЕВУШКА.

ТОМАС ГЕЙНСБОРО. МИССИС РИЧАРД БРИНСЛИ ШЕРИДАН.

ТИЦИАН.
ВЕНЕРА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ.

ФРАНСУА БУШЕ.
ВЕНЕРА, УТЕШАЮЩАЯ АМУРА.

ДЖОН КОНСТЕБЛ.
УАЙВЕНХОУ ПАРК.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ОКНО НАДЕЖДЫ

ХОЧУ В АКЦИОНЕРЫ!

Приватизация, акционерные общества, обретение частной собственности. Предприимчивость и предпринимательство... Еще несколько лет назад не привычные для нашего уха словосочетания воспринимались многими как кощунственные, присущие проклятому империализму. Но прошло всего каких-нибудь два года — и один из новых русских предпринимателей, Михаил Бочаров, делится опытом концерна «Бутэк» по достижению коммерческой свободы. Прошел еще год — и началась фантастически ажиотажная распродажа акций «Менатепа»: за месяц на миллиард. И уже в этом, 1991 году столицу облетела новая сенсация: создано акционерное общество ГУМ, и владельцем половины его акций стал сам... Моссовет! Что же касается частных магазинов, мастерских, парикмахерских, то им сегодня несть числа. Да что мастерские — кое-где приватизируются целые заводы. В Москве первым таким предприятием стал «МОВЕН» — Московский вентиляторный завод.

ШЛИ НА РИСК

Едем в Перово, бывшее владение князей Голицыных, что в дачном Подмосковье, давшее ныне имя целому району столицы. Шоссе Энтузиастов, улица Плеханова, 17. Вот тут он и есть, Московский вентиляторный завод, который теперь, как гласит подстрочная вывеска, Акционерное народное предприятие. Итак, здесь делают приборы (по Ожегову) для проветривания, по техническому словарю — лопаточные насосы. Без них не могут обойтись ни зерносушилка, ни шахта, ни аудитория, ни аэробус, ни вагон... Вентиляторы нужны везде и всем (в Советском Союзе спрос на вентиляторы удовлетворяется на тридцать процентов). Перовский завод самый большой среди себе подобных.

Череда обычных, видавших виды корпусов — заводу за полвека,— однако есть среди них и поновее. Все, что в них — конвейеры и печи, станки и прессы, вычислительные машины, приборы, компьютеры,— все до последнего стола и шкафа отныне принадлежит им, акционерам, по своей доброй воле заплатившим за все своими кровными и ставшим совладельцами, собственниками. Все началось с того, что в июле 1989 года завод стал кооперативом, который и арендовал производственное имущество. Основные фонды оценивались в три с половиной миллиона. Сначала было двести добровольцев и пай каждого невелик — всего триста рублей, не считая безвозмездного взноса за членство — полсотни. Но тут подкосили зверский налог (четверть от общего дохода) и жестокие поборы за аренду основных производственных фондов. Администрация кооператива предприняла демарш: решила выкупить все, хотя для этого пришлось залезть в колоссальные долги — взять в кредит семь миллионов. У кого? У потребителей своей же продукции в счет поставки вентиляторов, пользующихся огромным спросом.

Расчет был верен: улучшилось качество изделий, повысилась производительность труда, вырос объем продукции, а вместе с ним и заработки. Но люди все еще оставались, как говорил председатель кооператива Александр Сергеевич Миронов, «промышленными колхозниками», только формальными собственниками. Имущество было общее, неподеленное. Вот если каждый станет владеть его частью!.. Так пришла мысль о выпуске акций на сумму взятого кредита: 6500 акций, по тысяче рублей каждая, то есть на 6,5 миллиона. Акции можно было покупать в кредит, его покроют доходы от прибыли — дивиденды, которые будут начисляться по этим акциям. Вскоре набралось 250 желающих. В бухгалтерии прикинули, что в среднем от каждого потребуется по 3200 рублей. Не много? Но какими цифрами измерить риск, на который решились будущие акционеры, и ту ответственность за фонды, за производство, за все, что может непредвиденно случиться, что брали на себя?

Отсчет новой жизни начался 6 сентября 1990 года, когда на учредительной конференции акционерного общества «МОВЕН» был принят его устав, избраны Совет акционерного общества, его правление, президент и ревизионная комиссия. Сегодня у «МОВЕН» 306 акционеров и еще есть желающие стать ими.

РОССИЯ БЫ ВЗДОХНУЛА!

Алексей Александрович Савельев — один из тех самых трехсот шести. Кадровый рабочий завода. Когда мы подошли, он специальным инструментом, похожим на пилу, делал паз в ступице рабочего колеса. Он и токарь, и сверловщик, и сварщик, если понадобится,— все может.

— Какие заработки? — переспросил, ставя в шпиндель следующее колесо.— Тут за труд нам платят, как положено: 600—700 рублей. На работу идешь с душой, тут же и моего личного есть частица. Минуты бережешь. Жить стали лучше. Дети обеспечены. Понадобится сыну квартира — куплю на дивиденды. Начинал с пяти акций, теперь у меня 25 по тысяче каждая. К концу года будет 50 на счету. У всех набежало. У кого самое малое было — тысяча — стало уже две. Пенсионерам района помогаем, тем, у кого пенсия меньше 150 рублей. Потом и за детсад сполна заплатим. В дальнейшем, если так дело пойдет, своя база отдыха будет, и совхоз сможем взять в наше акционерное общество. Если кислород нам, конечно, не перекроют — все заимеем! А ведь в 1989-м, страшно вспомнить, завод наш хотели закрывать. Сидели на нуле, утонули в долгах. Директор не испугался, пошел ва-банк. И, представьте себе, за два года вышли в люди! Выиграли! Дай Бог всем так! Если хотя бы каждое десятое предприятие так же пошло — Россия вздохнула бы!

ЗАРАБАТЫВАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Савельев, один из девяти членов Совета акционерного общества, наделенного немалыми полномочиями, осуществляет контроль за деятельностью правления и стоит на страже интересов рядовых акционеров. Председателем Совета избран бригадир сборочного цеха Михаил Прошин. Совет заседает каждый вторник, и мимо него не проходит ни одно решение правления. Даже если оно касается, например, условий оплаты труда членов правления или создания филиала общества.

Главный технолог завода Александр Александрович Орлов, он же и член Совета, знакомя нас с производством, показывал испытательную лабораторию. Аэродинамические трубы, новенькое, недавно купленное импортное оборудование.

— Раньше разработку новых конструкций вентиляторов мы заказывали институтам,— начал Орлов,— теперь придумываем сами, сотрудничаем с ЦАГИ и МАИ. Для лаборатории строим отдельный корпус. И всячески поощряем инициативу. Хотите брать заказы со стороны? Не мешаем. Если общему делу не вредит — пожалуйста, зарабатывайте! Предоставили лаборатории, нашему дочернему малому предприятию, самостоятельность, статус юридического лица. И в то же время «ФЕНТЕСТ» — такое у нее имя — член нашего акционерного общества. Кроме лаборатории, у нас еще три малых предприятия. «Термостар» — по производству автоматических систем. «Вентел» занимается ремонтом и эксплуатацией наших вентиляторов, установленных в вузах и академиях. «Серп» изготавливает... мебельную фурнитуру. Спрашивается, с чего бы вдруг? Дело в том, что у нас на производстве немало металлических отходов. С ними было много мороки, собирали, отправляли в переплавку. «Серп» на наших же площадях наладил переработку отходов, которые покупает у нас.

Недавно стали выручать своего ближнего соседа — опытный электромеханический завод, расположенный в нашем микрорайоне. Завод был убыточным, погибал. Помогли ему оформиться как малому предприятию, предоставили им кредит на приобретение новых станков. Даем наши заказы. Выгода взаимная. Малые предприятия охотно идут к нам: ведь это великолепная школа предпринимательства.

Было бы, однако, заблуждением думать, что небо над «МОВЕНом» теперь безоблачно...

МОНОЛОГ ПРЕЗИДЕНТА

День только начинался, но на его лице печать страшной усталости, будто не отдыхал несколько суток.

— Плохо спал,— виновато, будто извиняясь, обронил Миронов.— Очень плохо с металлом. Проблема № 1. Нам нужен лист для корпуса и рабочего колеса вентилятора. Такой лист делают в Череповце. Госплан дал нам госзаказ и определил соответственно ресурсы — шесть тысяч тонн металла. А Госснаб не прикрепляет нас к Череповцу. Вроде того, что у Минчермета нет ресурсов. Кончился месяц — не получили ни грамма. А нам только для заводов надо сделать 18 тысяч вентиляторов. Живем за счет того, что меняем вентиляторы на металл. Каждый день гоняем машину то туда, то сюда, вместо того чтобы отправлять продукцию по железной дороге. Мы готовы покупать металл даже по договорной цене. Ездили с таким предложением в Череповец. Проблема ценообразования очень острая. Были бы свободные цены на металл,— мы могли бы покупать. Мы продаем свои вентиляторы в другие страны за валюту. Средства есть. Но металлургическим комбинатам не разрешают самим цены устанавливать. Дают им госзаказ, а они его не берут. Говорят, дайте бензин, дайте продукты. Они же, металлурги, монополисты сегодня. Нам приходится совершать тройной бартерный обмен. Продаем мельницам вентиляторы, они нам — муку, мы эту муку везем за металл. Кончится мука, начнем искать потребителей вентиляторов за бензин. Пошлем вице-президента по коммерческим вопросам. Все это происходит потому, что рубль не работает, обесценен. Вице-президенту приходится днями сидеть на телефоне: «Ребята, что вам надо?»

Я металлургов не виню. Не их вина. Кондитерская фабрика обратилась за вентиляторами. С удовольствием отдал бы за конфеты. Остаюсь без конфет, мне важнее металл. Разве это справедливо, что в нашей стране металл в десять раз дешевле, чем за рубежом? Почему не повышают на него цены? Ясно почему! Тогда Госплан и Госснаб останутся без дела, им нечего будет распределять. Новый премьер Павлов опять сохранил министерскую структуру «временно», на два года. Якобы без нее все развалится. Абалкин тоже оставлял «временно», на 15 месяцев. А годы летят. Пять лет

пролетело. Полный развал управления экономикой в стране. В таких условиях каждое предприятие само себе становится хозяином. Видимо, так и надо, пусть рынки командуют.

Я не прерывала Миронова. Было интересно следить за ходом его мысли.

— Что сделать, чтоб госаппарат стал на сторону демократических преобразований? Нужно обеспечить социальную защиту государственного аппарата и военно-промышленного комплекса. Но не самих структур, а людей, работающих в них. Тогда они не будут защищать систему. Тогда и деньги найдутся, и фонды. Те самые фонды стабилизации, о которых печется Павлов. Один из них — средства от выкупа предприятий самими коллективами. Средства пошли в госбюджет, для тех же министров. Тэтчер красиво ушла, ибо она социально защищена, не загнана в угол. У нас же загнан в угол любой, потому он бьется за сохранение системы, его обеспечивающей. Другого выбора нет. Значит, надо создать ему очень высокий уровень жизни. Пенсия. Дача. Машина.

— Что скажет народ? Он против таких привилегий.

— Я тоже против. Но эти

Пролетарии страны, обогащайтесь!

Бывший партийный работник, а ныне президент акционерного общества А. С. Миронов: «Наше поколение небезнадежно...»

привилегии — мизер по сравнению с ожидаемым от того эффектом. На привилегиях играют популисты, лжедемократы, действующие по принципу: «У меня дача сгорела, пусть сгорит и у него».

— Разве госаппарат не имеет «набора» благ?

— Имеет. Пусть оставит себе. В Кремле проходило совещание директоров госпредприятий. Я сидел в зале, смотрел на генеральных. Очень многим за 60 лет, под семьдесят. Они не могут уйти завтра и сесть на нищенскую пенсию, они держатся за кресла, чтоб внуки их имели все блага. Доводят экономику и себя до инфарктов и инсультов. Они не умеют иначе.

— А кто умеет?

— Молодежь командных структур. Сорокалетних можно переучивать. Мне сорок три. Я тоже представитель командно-административной системы. В Перове заведовал промышленно-транспортным отделом в райкоме партии. Как видите, наше поколение небезнадежно. Нужно помочь сотням, тысячам руководителей сделать выбор в пользу рыночной экономики, решиться на разрыв с командно-административной системой.

ВЫГОДНО ВСЕМ

— У вас же прекрасные, я слышала, первые итоги. Расскажите о них.

— Производство увеличилось почти вдвое. Общая чистая прибыль выросла в 6 раз и достигла 13 миллионов. А два года назад была всего 2,5 миллиона рублей. Зарплата рабочих увеличилась в два с лишним раза, потребители получили вентиляторов на четверть больше. В госбюджет было отчислено два года назад 1,5 миллиона рублей, в 1990 году — 4,5 миллиона, да еще 6,5 миллиона — за выкуп завода. Приватизация выгодна всем: и нам, и государству. В условиях приватизации происходят такие перемены, если хотите — перестройка экономической и политической культуры,— и такими темпами, что мы и не подозревали. Человек, купив акцию, стал владельцем личной собственности, и это задело его за живое, за самое сокровенное. Прикидывает, считает, сколько купить акций, куда вложить. Положить ли деньги на книжку или взять новый пакет акций. Дивиденды у нас очень высокие. И ни одной копейки человек наличными обычно не берет. Он капитализирует свои акции, покупает еще. На то у него свой практический расчет: если сумму снять, то ее обложат налогом, акция же такому действию не подлежит. Это во-первых. И, во-вторых, пойдут дивиденды с большей суммы. У него появляется возможность заняться предпринимательством. И мы это поощряем. Наши бухгалтеры разрабатывают пакет методик и продают их как товар. Технологи продают чертежи по оснастке, конструкторы — свои разработки. Все зарабатывают! Все ищут, что бы еще такое-этакое придумать и реализовать.

— А кредиты даете?

— Вовремя напомнили. Задумал человек построить себе дом. Продавать акции не хочет. Мы ему предлагаем кредит. Он сча-

учился в МВТУ имени Баумана. Затем окончил второй факультет, тоже вечерний — не хватало нужных мне знаний,— в институте имени Орджоникидзе. На партработу выдвинули в 1978 году, провел там семь лет. Потом восемь месяцев отработал в Минэнерго начальником производственного отдела. Не понравилось мне это. С декабря 1987 года — директор Московского вентиляторного завода. Нашему вице-президенту, моему заместителю Александру Михайловичу Дерипасову, тоже не понравилось работать в высших инстанциях. В Госплане Союза он был главным специалистом по труду и зарплате, кандидат экономических наук. Только здесь, в рыночной экономике, смог сполна реализовать себя.

— Завтра воскресенье. Как будете отдыхать?

— В первой половине дня встреча с гостьей из Дании. Дело в том, что мы ведем переговоры с датской фирмой «Новенко», из города Нествет, предложившей внести свой вклад в наш уставный капитал конвертируемой валютой. Еще Бунич, президент Союза арендаторов и предпринимателей СССР, предложил выступить у них на совещании. Есть чем заняться!

Новые акционеры начинают и выигрывают.

стлив. Прекрасно это? Прекрасно! Работник такими кредитами втягивается в фирму. В наше время житье в кредит куда как выгоднее: инфляция грядет!

— Картина, нарисованная вами, столь радужная, что, видимо, вам не приходится зазывать к себе рабочих и специалистов.

— Вакансий действительно нет. Есть конкурс. Самый высокий — на слесаря-сборщика. На сантехника — два на место.

— Много ли сейчас желающих стать акционерами?

— Есть, есть такие. К Михаилу Петровичу Прошину, председателю Совета, уже несколько человек обращалось.

— В газетах появились сообщения о создании акционерных обществ на таких гигантах, как КамАЗ и ВАЗ. Ваше мнение по этому поводу?

— Искажение самой сути акционерного общества, пародия на него. Там, где 50 процентов акций принадлежит государству, риск перекладывается на работников. Государство по-прежнему управляет деятельностью компании. Часть прибыли надо тратить на начисление дивидендов, в том числе и государству. У такого акционерного общества нет будущего. Это попытка аппарата приспособиться. Человек в таком акционерном обществе отделен от собственности. Контрольный пакет акций у государства, и оно диктует политику.

— Из партработника вы превратились в коммерсанта. Как это случилось?

— Во-первых, прежде чем стать партийным работником, я был инженером. Работая на «Компрессоре», по вечерам

Писатель *(не выдержав). Тут так: можно ругать, разнести вдребезги, автор переживет. Хуже всего, страшней — молчание.*
Вурм. *А за что тебя хвалить?*
Писатель. *Не понравилось?*
Вурм. *Не философский подход. Ты, что же, пишешь, чтобы понравилось? Или чтобы книга была полезной? Помогала в борьбе?*
Писатель. *Что не понравилось?*
Вурм. *Опять двадцать пять!*
(Из пьесы)

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Нина ЧУГУНОВА

ВУРМ, или ВЛЕЧЕНИЕ К ГАДУ

Загадочная судьба: некоторые вещи едва успевают быть написанными в самый канун рокового поворота вчера неизвестных обстоятельств, налагающего на эти вещи несомненный запрет. Тут вот что: как если бы рука и н о г о драматурга владела пишущей рукой и тот, иной, сам с любопытством присматривался к легко описываемым обстоятельствам, для нас пока совсем невинным, и к оборотам речи, для нас еще незловещим, и к лицам, вовсе, сказать правду, никаким, и к возможным при постановке сценическим находкам, а для нас это одна игра, и театр, и младенческие забавы, и стрельба из игрушечных пистолетиков, и даже без пистонов — одно пустое щелканье, один пустой шум и дым почти без смрада.

...Но тот, и н о й, внезапно вмешивается в сценарий, и пьеса, не теряя смысла, обретает еще и новый. И ставить ее неловко.

Так военный, бывало, сидит при секретном пакете, который требуется вскрыть в определенное свыше время; бесполезно гражданским лицам кричать на публике о существовании пакета и о возможном содержании: его ведь как бы и нет? А вскрыт — поздновато кричать, что был. Особенно о том, что знали...

Пьесу «Вурм» Петр Попогребский написал в двадцать девять лет двадцать пять лет назад. Это не была его первая пьеса.

«Вурма» он написал довольно быстро. Но к финалу работы жизнь подгадала процесс над Синявским и Даниэлем, и пьеса расшиблась на повороте, предложенном и н ы м драматургом. Расшиблась, но не умерла. И вот судьба сделала над пьесой полный виток, и пьеса поставлена в Москве. И опять на душе нехорошо.

Публика смотрит «Вурма» в театре «Сфера», известном как «Театр Еланской». Поставил пьесу молодой режиссер Александр Малов. Я посмотрела спектакль и вижу, что постановка была рассчитана на молодежь. Так, есть приписка под названием в афише: «Дураков просят не беспокоиться». Это привлекает молодежь. Но у сорокалетних эта приписка вызовет улыбку и воспоминание о молодости, когда сорокалетние нынешние были на побегушках у тех — у «шестидесятников»! Звучит музыка «Битлз». В начале спектакля в зале над круглой сценой распространяются легкий дым и смрад. Некоторые зрители, что пришли со спутницами, спрашивают, нет ли в обуревающем их дыме экологически вредных примесей. Им тихо отвечают, что нет. Спектакль начинается. Три актера. Костюмы бродячих акробатов. Кораблекрушение. Необитаемый остров. Но в одном месте все начинают видеть пародию на Верховный Совет, и тут женщина рядом со мною прямо закатилась от смеха. Но не было нашего Верховного Совета двадцать пять лет назад! Или был?

Наверное, зрителю во всем теперь грезится Верховный Совет, и многим это пока нравится. Но мне нравится, когда это все про меня. Нет, не про то, «что с нами со всеми сделали эти гады!». Просто.

И я смотрю. И ловлю себя на новых смутных чувствах, и я не хочу в них признаваться ни за что! Лучше уж мне сказать: это игра, театр, это все младенческая стрельба из пистолетиков. И на самом деле все по-прежнему чисто и ясно, и симпатии зрительского зала заведомо определены. Ведь мы все хорошие! И нам отсюда все более чем ясно. Трое героев. Нам нравится первый. Он победит третьего силой души и здравого смысла, а еще и силой таланта. Номер второй очнется от своего служебного задора и примкнет к номеру первому. Все просто, и мы пришли только снисходительно поглядеть, как это выглядит на сцене. Ведь этот третий всем нам ясен!!! Вурм его имя. Что значит: червь, гад ползучий. Он назван.

Но... Смутное чувство: влечение к Вурму. На душе гадко. А пришли вместе с драматургом, несомненно, разоблачать.

Вот как это происходит в данном конкретном случае.

Кораблекрушение. На берег вышвырнуты писатель в смокинге и инженер в пиджаке. А следом — полуголый некто, совсем ничтожный, сам сознающий свое ничтожество. И — пригрет. Пригрет, поскольку ничтожество и именно ничтожество вызывает странное чувство вины у писателя в первую очередь. «Люди, я нашел вас!» — это говорит полуголый. «Без них я никто», — вдруг замечает он. Фраза, на которую не обращают внимания. После он роняет: «Всего двое. Мало! Мало!» Для чего мало?

Писатель. *Мы на необитаемом острове, господа!*
Вурм *(вдруг). Хорошо.*
Инженер *(писателю). Тронулся.*
Писатель. *Просто переволновался.*

Друзья! Мы соратники по несчастью, жертвы случайности, нелепости судьбы, какая не поддается ни объяснению, ни предсказанию...

Через некоторое время после этой декларации о сплочении перед лицом опасности, через время малое (так в жизни, так на сцене) ничтожный, жалкий, всегда «самоуменьшающийся» и вызывающий чувство вины червь снимает с двух испытывающих легкое чувство вины товарищей по несчастью штаны и смокинг и начинает их руками строить на острове невиданный храм Возвышения и Очищения.

Это притча.

«Сама судьба дала нам шанс создать тут, на клочке суши, истинно человеческое общество, общество равных» — это говорит диктатор. Вурм. Червь. Гад ползучий.

Ахнув, тут мы и начинаем смотреть на сцену.

Как это произошло? С какого слова началось?

«Нет страшнее преступления, чем предательство дела народа. Вы подняли руку на народ!»

Это говорит Вурм. Народ — это двое слушающих пока в изумлении. Двое? Мало, слишком мало! Помните? Это говорил Вурм.

«Все ясно без голосования, господин, так сказать, писатель!

Передергивая факты, используя ложь, угрозы физической расправы, вы хотели стать во главе общества, чтобы свернуть его с пути, указанного судьбой. Не удалось! Лживой оказалась идейка... Из-под маски гуманиста глянуло звериное лицо карьериста...»

И это говорит Вурм.

Писатель. *Тогда не будет вам храма. Слышите? Не будет!*

Вурм. *Будет! И вы построите его вместе с нами! Народ великодушен. Он даст вам возможность перековать себя в труде.*

Призрак колючей проволоки здесь уже томит зал.

Вот как хорошо мы знаем себя.

Пьеса, написанная как надгробная речь над канувшими временами.

— *... Что там у вас на воле?*

— *Храм под кровлю подвели.*

— *Храм. Торчит. Ты гений. Чем же недоволен?*

— *Лесу не осталось. Зимой топить будет нечем.*

— *Придумаешь. Заказ получишь и придумаешь.*

— *Уже получил... Перпетуум-мобиле.*

— *Понял! Вечный двигатель нужен народу? Значит, он должен быть изобретен... Вот и выбрал ты его на свою шею.*

— *... Я пустой бюллетень опустил.*

— *И я — пустой.*

— *Так какого дьявола ты придумал эти выборы?*

— *Демократия, думал я... а на нищете демократии не бывает. Вурм превратил ее в подстилку.*

Так народ переговаривается через проволоку в пьесе.

Но в этот момент закатилась от веселого смеха женщина в зале. Смешно ей было и раньше. Смешно ей было, когда случилась заминка с избирательной урной. Ей и пригрезилось, что похоже на нашу жизнь.

Итак, вот еще одна возможность, говоря как бы о театре, подумать, чем привлекателен Вурм и что за примеси есть в одуряющем облачке легкого дыма и странного гула, сопровождающего его.

Ведь изумительно знакомые фразы о народе, о храме, о судьбою выбранном моменте бросаются на подготовленную почву. Иначе надо смириться с тем, что мы безумны или глухи и слепы. Чем берет Вурм? Какое душевное облегчение несет он нам, измученным?

Вурм несет с собой слова о порядке.

Это порядок не будущий. Не будущее спасение. Не жизнь. Но порядок первости примитивный, простой, мелкий, на него бы и не взглянули, когда б не кораблекрушение. Мимо него прошли бы, не взглянув!

«Пойду наберу хворосту», — говорит Вурм в тот момент, когда Писатель и Инженер, двое одетых и, следовательно, не готовившихся (как готовился Вурм) к кораблекрушению человека, рассуждают о путях спасения.

«Пойду лучше наберу хворосту».

Одной фразой он покупает всех. Хворосту! А мы тут разговариваем. Человек встает и идет за хворостом. Он знает главное. В нем здравый смысл. Так, значит, пусть он и будет нашим...

Вот оно, решающее мгновение трагедии, по кругу которой мы ходим как привязанные. Кем будет?

Пусть он будет нашим организатором! Диктатор приходит как спаситель?

Виток судьбы над пьесой совершился. На этот раз пьеса успела на сцену. Что-то сместилось во временах, и мы смотрим на происходящее на сцене — сами ее герои, сами актеры.

И мы знаем текст.

Я спросила драматурга: когда он увидел своего первого вурма?

— Своего первого вурма я увидел в детском саду, — отвечал Петр Попогребский. — Мне было четыре года, и была весна сорок первого года. В нашей группе был диктатор по имени Коля. Но его все звали Кылей. А я был новенький. Кыля не был самый сильный и самый умный. Я потом понял, что это не обязательно. Но он отбирал у всех что-то вкусное и делился лишь с клевретами. Воспитательницы страдали от его затей. Я никаких вкусностей не имел и в защиту себя бросался зажмурившись. Кыля не решался еще на расправу или раздумывал, что ко мне применить. Но однажды бабушка прислала нам посылку, в которой была коробочка с шоколадным ломом. Я принес коробочку в сад и делился даже и с клевретами. Тогда Кыля и попер на меня. Я толкнул его ладонью в грудь. А мы тогда все носили ежедневно сменяемые детсадовские слюнявчики. На слюнявчике Кыли отпечаталась моя пятерня.

В ту же секунду Кыля нашел способ уничтожить меня.

Грязнуля и ненавистник порядка, он с ужасом взглянул на свой слюнявчик и с гневом, с отчаянием закричал:

— Испортил казенное?

И тогда клевреты его остановились, очнулись от шоколада и завыли в один голос:

— КАЗЕННА-Е!!!

Понимаете, он обратился к порядку и к власти. Ну, а через много лет я написал пьесу, понес ее в театр, где приняли мой «День приема по личным вопросам»... Но уже все было ясно. Потом я показал пьесу в восемьдесят первом. Но еще ничего не было ясно.

Детство драматурга прошло в Литве. Он рассказывает мне, что мальчишки дразнили литовцев «лабасами». «Лабас» — добрый.

И теперь мы изредка перезваниваемся. Как на острове, что ли.

Вурм. *Э, да ты, видать, рассердился на меня за книгу! Ты посмотри на него, чудак! Я позволил себе покритиковать его книжку, так он мне простить не может. А я голову ломаю, что это с ним?!*

Писатель *(спокойно). Не выйдет. Что бы ни говорили вы, какие бы оскорбления ни изобретал ваш находчивый в этом ум, вам не удастся свести разговор к пустой перебранке. Теперь больше нельзя. Когда нам было трудно и все наши стремления были направлены на то, чтобы выжить, я прощал вам... Теперь вопрос о куске хлеба снят, есть крыша. Чего, казалось бы, еще? Свободы. Свободы и честности отношений. Над нами нависла угроза лишиться того и другого. Судя по тому, как вы ведете себя сейчас, второго мы уже лишились.*

Вурм. *... Продолжаем обсуждение вопроса о строительстве Дома Очищения и Возвышения!*

Писатель. *... Все понял. Ты не хочешь к людям. Это какая-то психопатология.*

Вурм. *Сама судьба дала нам шанс создать тут, на этом клочке суши...*

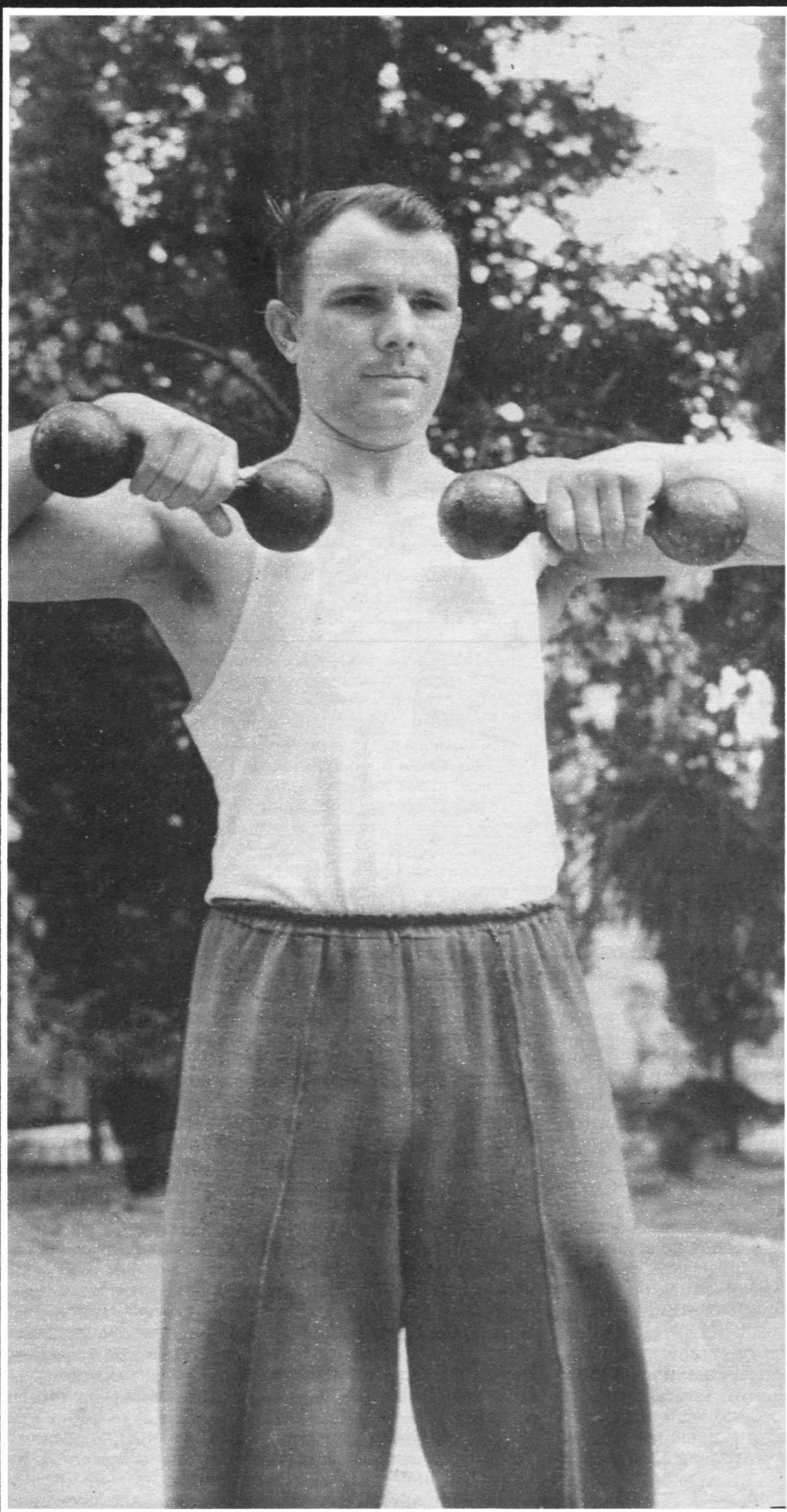
ЗАНАВЕС?

ПЕРВОЕ ЛИЦО

Сейчас, конечно, не до героев. Никому не хочется ликовать. И нет прежнего отблеска на лицах от апрельской даты календаря — тридцать лет назад поднялся в космос и вернулся на Землю Юрий Гагарин.

Но все же, как бы ни скрывали ошибки и взрывы, как бы ни были наивны и доверчивы радостные манифестации оттепели и какая бы безмерная пропасть ни разверзлась между временами теперь, все равно — Гагарин был первым.

Он был первым лицом, увидевшим Землю снаружи. Он был первым живым человеческим лицом нашей Отчизны, прорвавшимся через железный занавес к остальному миру, открывшемуся ему. Он был первым человеческим лицом, улыбнувшимся собственному народу после тяжкой зимы лихолетья и бед. Он был радостью, знамением надежды, гордостью воспрянувшей нации. Он так много обещал своим явлением. Дал такую высоту мечтам и планам.

И есть какая-то мучительная правда в ранней смерти героев. Трудно представить первого поэта тайным советником с десятком внуков и орденов. Жалко представить первого космонавта генерал-полковником, завсегдатаем президиумов, депутатом парламента от общественных организаций, погрязшего в обычных делах раскованного застойного бытия и теперь поливаемого газетной грязью. Но он ушел от нас чистым, светлым. И поэтому остался с нами.

И дорог как возможность еще воспрянуть, полетать, осуществиться. Как последний народный герой, которого хочется оживить хоть легендой. Как надежда, что Россия может дать миру не только гусеничные лязги и страшные катастрофы с толпами голодных беженцев, но еще тепло и улыбку человеческого лица.

Е. ДОЛЖЕНКОВА, Е. ФИЛАТОВА.

Фото Игоря СНЕГИРЕВА

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

Рыжий Жан-Поль и его приятель, специалист по автомобилям Беранже, получили инструкции в понедельник: группа собралась в пассаже Сен-Дени примерно тогда, когда Баум и Сейнак совершали свою странную прогулку по реке. Эти двое ушли с собрания группы порознь — Жан-Поль все в той же черной кожаной куртке, надетой прямо поверх майки, и в джинсах, и Беранже в помятом костюме, который сидел на нем свободно и позволял скрыть некоторую выпуклость — пистолет «беретта» в кобуре. Их обоих разозлило, что срок операции перенесен.

Они встретились снова в половине шестого в хозяйственном отделе большого магазина Бон Марше на улице Севр, где купили веревку, нож и кое-какие инструменты. Когда в шесть вечера магазин закрылся, Жан-Поль лежал за рулонами линолеума в отделе ковров, а Беранже прятался наверху в пустой комнате, примыкающей к бухгалтерии. Сразу после полуночи — к этому времени закончили свою работу уборщицы — приятели встретились на первом этаже. Когда двое сторожей совершали свой очередной обход, Жан-Поль и Беранже напали сзади из засады — их лица были скрыты масками из чулок. Один из сторожей оказал сопротивление и получил сокрушительный удар по затылку заранее купленным здесь же молотком. Второй поднял руки.

Сторожей, с кляпами во рту и связанных по рукам и ногам, оставили лежать за грудами коробок. Приятели направились в комнату охраны, расположенную возле служебного входа. Там они обнаружили третьего стража, который, глянув в дуло пистолета Беранже, мгновенно сообразил, что благоразумие — это та же доблесть. Его тоже связали — для того и была куплена веревка.

— Приступим к работе? — спросил Беранже. — Где тут что?

— Ступай за мной, я на прошлой неделе все разузнал...

Они вернулись в подвал, при тусклом свете фонариков отыскали дорогу к складу. Здесь громоздились товары для кухни: холодильники, плиты, серванты.

— Вот эта подойдет,— сказал Жан-Поль.

Они сняли с одного из холодильников картонную коробку и, стараясь ее не повредить, поднялись с нею на первый этаж, а оттуда вышли в крытый двор, где обычно разгружались товары. Здесь бок о бок стояло пять автомобилей, принадлежащих магазину.

— Ключи где?

— Висят в конторе, — Жан-Поль действительно все разузнал.

Беранже погрузил картонную коробку в кузов одной из машин, Жан-Поль ловко включил зажигание проволочкой, которую вынул из кармана куртки. Машина ожила, в ночи звук мотора казался опасно громким.

— Давай побыстрей!

Беранже отомкнул замок раздвижных ворот, машина медленно выехала на боковую улицу. Он закрыл и запер ворота, сунул ключи в карман, забрался в кабину, и они не спеша двинулись в сторону Менильмонтан.

— Порядок, без проблем, — одобрительно сказал Беранже.

— Говна пирога, — согласился Жан-Поль. — Только сторожей, мне сдается, надо было прикончить — просто ради безопасности. Завтра-то крупное дельце предстоит.

Они ехали по опустевшим улицам, углубляясь в лабиринт переулков одного из самых бедных кварталов Парижа, мимо обветшавших домов, магазинчиков и гаражей. За авеню Гамбетта и вовсе пошли пустыри, какие-то будки и лачуги. Наконец остановились. Беранже вышел, отомкнул висячий замок на дверях гаража и отступил в сторону, пока Жан-Поль заезжал внутрь.

В течение следующего часа приятели трудились, не покладая рук: меняли номерные знаки и закрашивали номера на дверцах кабины. С помощью подходящего трафарета Беранже нарисовал другие цифры. Жан-Поль отыскал в своей коллекции ключей подходящий, чтобы включать зажигание. Еще он проверил уровень воды и масла, состояние аккумулятора и покрышек.

В углу гаража был спрятан ящик с табличкой "Pomodori iscatoli Tomates en boites", на ней значилось еще название консервного завода в Висенца и адрес в пригороде Парижа. Ящик осторожно втащили в кузов и, соорудив себе освещение с помощью лампы на длинном гибком шнуре, принялись за дело: надо было переложить его содержимое, которое представляло собой отнюдь не консервированные помидоры, в картонную коробку, привезенную из Бон Марше.

Закончив, они заклеили коробку скочем. Потом протерли весь грузовик, чтобы уничтожить отпечатки пальцев, вышли из гаража, заперли его и отправились по домам. Это было в половине пятого утра. Светало, но Париж еще толком не проснулся.

В тот же понедельник в потайной комнате позади химчистки в пассаже Сен-Дени Ингрид целых полчаса выбирала номера из телефонной книги, а потом звонила по очереди каждому из жильцов дома № 88 на улице Фобур Сент-Оноре. И каждый раз делала вид, будто ошиблась номером. Из двенадцати четверо не ответили вообще, и по этим номерам она звонила в течение дня снова и снова до самого вечера, пока число неотвечающих не сократилось до двух. Имена этих жильцов она записала.

Днем она — в темном парике и темных очках — вышла вместе с Сержем. Автобусом добрались до улицы Фобур Сент-Оноре и зашагали мимо фешенебельных магазинов, пока не дошли до дома № 88, стоящего как раз напротив входа в президентский дворец. У Ингрид была с собой папка и пачка квитанций. Серж прошел мимо дома и свернул в первую же улицу.

Ингрид постучалась к консьержке.

— Я от газовой компании. Мне надо узнать, какие приборы используются чаще всего. Могу я опросить ваших жильцов?

— А что вы хотите узнать? — Консьержка была португалка. Ее инструктировали при приеме на работу, как отвечать на подобные вопросы. Но она еще плохо знала французский, и это помешало ей спросить у посетительницы удостоверение или даже просто не пустить ее в дом.

Ингрид прочитала список жильцов, спрашивая, какую квартиру кто из них занимает, и делая пометки в списке.

— Спасибо, — сказала она. — Я поднимусь и с некоторыми поговорю.

На каждом этаже было по две квартиры: одна окнами на улицу, другая — в закрытый со всех сторон двор. Поднимаясь с этажа на этаж, она проверяла фамилии тех, кто живет окнами на улицу. Квартиры, в которых хозяева, по ее мнению, отсутствовали, выходили окнами во двор. Ни в одну из них она не позвонила.

Спустившись снова на первый этаж, она проскользнула во двор и толкнула дверь черного хода. Здесь на последнем этаже, где находились только кладовки и комнаты для прислуги, она провела несколько минут, прикидывая, как отсюда попасть на крышу. Потом поспешила к выходу.

— Благодарю вас, — вежливо сказала она консьержке. — Я узнала все, что хотела.

За углом, на улице Дюра, они встретились: Серж вышел ей навстречу из подъезда многоквартирного дома, примыкающего к дому № 88. И парочка быстрым шагом удалилась, оживленно беседуя на ходу.

— Выглядит все о'кей, — высказался Серж. — Но вообще такие операции нельзя проводить в спешке, их надо как следует готовить.

— Феликс приказал операцию перенести на вторник, — возразила его дама.

— Почему? Что-нибудь произошло?

— Понятия не имею, да и тебе знать не надо.

В тот же понедельник около пяти Альфреду Бауму позвонили по прямому телефону.

— Насчет сегодняшнего разговора. — Это был голос Сейнака. — Мы готовы сотрудничать с вами.

— Рад слышать.

Наступила пауза, словно телефон внезапно отключили. Затем Баум услышал несколько искаженный, но хорошо различимый голос: «Расскажу вам одну странную историю. Вас, наверно, удивит, почему я решил вам довериться...» Это был его собственный голос и его слова, сказанные Сейнаку во время прогулки по Сене.

В трубке щелкнуло, вновь заговорил Сейнак:

— Вы, конечно, не ожидали, что я приму меры

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—15.

предосторожности. Но вы не хуже меня знаете — за секретными службами числится немало провокаций. Я удивился, что вы не спросили, нет ли у меня с собой магнитофона.

— А зачем? Чтобы вы насторожились? Если уж на то пошло, ваши коллеги не против того, чтобы вы приняли мое предложение?

— Жду конкретных распоряжений.

— К вам явятся двое наших сотрудников. Пусть один займет место в холле, рядом с дежурным, а второй потолкается среди тех, кто разносит корреспонденцию или ожидает разрешения подняться наверх. Снаружи тоже будут наши люди, но их вы и не заметите.

— Ладно. Скажите вашим людям, пусть обратятся к администратору, а я его предупрежу.

В тот же день после обеда префект полиции, предприняв меры, чтобы разговор не подслушали, позвонил тому, кого называли Феликсом.

— Наш приятель не смог сообщить последние новости о том, что они там делают в ОТО, — сказал префект. — Такая незадача: Вавр и его заместитель никому ничего не говорят.

— Надо постараться: должны же мы знать, какие меры приняты против террористов!

— Разумеется. А как насчет этого Баума? Пора что-то предпринять?

— Пока не надо, будет еще время. Теперь об этом деле с бумагами Комитета обороны. Я распорядился доставить конверт по адресу.

— Когда?

— Послезавтра в шесть. Вы получите конфиденциальную информацию, на которую, если понадобится, можете потом сослаться. Ее доставят открыто, за час до того, как будет передан конверт, и отдадут дежурному на вахте. А вы организуйте рейд в редакцию. Пошлите людей из бригады борьбы с коммунистами. Это по их части, они уж поусердствуют. Пошлите народу побольше, пусть обыск будет быстрым и тщательным. Ну, не мне вам объяснять...

— А как с прессой?

— Назначьте пресс-конференцию в префектуре, проведите ее лично. Выберите парочку особо щекотливых страниц для факсимильного воспроизведения в газетах. Максимум шума, ясно? Только поспешите, а то кто-нибудь из правительства захочет все дело прикрыть.

— Понял.

— Пусть газеты поднимут вой, заголовки покрупнее. «Юманите», конечно, завопит насчет провокации. Ну и пусть...

ГЛАВА IX

Адмирал Кент Брубек тридцать пять лет прослужил в военно-морских силах США, и ничего удивительного, что, имея за плечами такое прошлое, он относился к Генри Киссинджеру с некоторой неприязнью и весьма подозрительно. Ему решительно не нравилось, что самый обыкновенный университетский профессор, в речи которого звучит какой-то смутный акцент, ухитрился остаться ключевой фигурой внешней политики Соединенных Штатов, хотя и не занимает больше никаких постов. Адмирал был человек прямолинейный, все называл своими именами: лопату — лопатой, жопу — жопой, а западных коммунистов — русским охвостьем. Дураком он при этом отнюдь не был, ему были присущи незаурядная житейская ловкость и хитрость, которые он успешно скрывал, чему в немалой степени способствовало безудержное и громогласное хвастовство, свойственное его профессии.

В свое время он стал самым молодым адмиралом на флоте, а теперь президент именно ему предложил возглавить Центральное разведывательное управление — именно в тот момент, когда престиж этой организации был на нуле, руководство рассорилось с сенатом, и всем было известно, что результаты ее деятельности жалки до крайности. И эти факты его биографии объяснялись отнюдь не милостью Божьей и не расположением фортуны. Он сам намечал себе высшие посты и прокладывал к ним дорогу локтями и зубами. Киссинджер для него был еще одним, кому ради карьеры на многое пришлось пойти, он воплощал в глазах Брубека все, что было плохого в вашингтонских коридорах власти.

Тем не менее в брюссельском аэропорту, подойдя к «Боингу-707», предоставленному в их распоряжение руководством НАТО, он своей ручищей обнял Киссинджера и провозгласил сердечно:

— Привет, Генри, отличный ты малый!

На что доктор Киссинджер, ни в коей мере не введенный в заблуждение этим медвежьим, а потому опасным дружелюбием, ничего не ответил.

Самолет поднялся в воздух. Сидящим вдвоем в переднем салоне (двое охранников находились в другом отсеке, позади) доктору и адмиралу принесли две порции шотландского виски. Это была первая возможность поговорить наедине о том, что им предстояло делать в Париже.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

— Эти взрывы могут дестабилизировать структуру наших западных союзников, — высказался доктор Киссинджер. — Ведь можно предположить, что если на выборах коммунисты Франции получат значительную поддержку, то этому примеру последуют в Италии, а позднее — в Испании и Греции.

— Хемминг постоянно держит меня в курсе дел, — ответил адмирал. — Он считает, что как раз коммунисты и организовали эту кампанию террора.

— Сомневаюсь, — возразил Киссинджер. — Не их стиль. Откуда, кстати, Хемминг получает сведения?

— Источники информации мы держим в секрете, — коротко ответил адмирал.

— Наверняка сидит за столом и читает газеты, а потом ужинает с разными незначительными деятелями, у которых денег больше, чем здравого смысла. В подобных ситуациях у наших людей развивается болезненное воображение. За двадцать лет я не получил от ЦРУ ни одной мало-мальски толковой информации, все они и бумаги не стоили, на которой написаны. А бумага раньше была дешевая!

Доктор улыбнулся своей маленькой шутке.

— Когда вы поработаете подольше в этом ведомстве, Кент, — продолжал он, — вы сами убедитесь, что там врут все, абсолютно все. А начальство больше всех. Даллес имел обыкновение немедленно увольнять каждого, кто признается, что он чего-то там не знает или не может сделать. С тех пор эти ребята все силы кладут на то, чтобы угадать, что именно хотелось бы услышать руководству, и только это ему и сообщают. На факты всем наплевать...

Адмирал нахмурился. Может, все это и верно, но ему не нравилось слышать такое от Киссинджера.

— Так что будем делать? — задал он вопрос.

— Сначала попробуем воздействовать на французское правительство, чтобы оно хоть что-то делало. Это просто: мы им немного пригрозим. Они угроз терпеть не могут, сразу разобидятся и начнут бранить нас на свой манер, но при этом прислушаются. Никому в Европе наши деньги и власть не внушают такого трепета, как французам. Поэтому они и устроят вокруг нашего появления шум. Вот увидите.

— Ну, а если наши люди немножко поработают?

— Президент Соединенных Штатов и так в ужасе от мысли, что ваши люди могут вмешаться в чужие дела, Кент. Просто в ужасе!

— Отсюда можно сделать вывод, что у нас за президент.

— Отсюда можно сделать вывод, что он не доверяет ЦРУ, поэтому он вас туда и назначил.

Это недавнее назначение для Киссинджера оставалось загадкой, он считал адмирала Брубека вполне подходящим человеком, чтобы командовать авианосцами на Тихом океане, но весьма сомнительным приобретением в качестве руководителя ЦРУ.

До самого Парижа они продолжали пить виски и к тому времени, когда самолет приземлился на военном аэродроме в Виллакубле, проблема, стоявшая перед ними, с места не сдвинулась и симпатией друг к другу они не прониклись.

Чиновник, встречавший их возле самолета, был из аппарата премьер-министра, а не с набережной Орсей[1]. Присутствовал еще генерал из американского посольства. Они обменялись приветствиями и на посольской машине поспешно направились к великолепным чертогам отеля Мерис.

Там доктор Киссинджер переоделся в смокинг и через два часа был уже на пути в высшую военную школу — ему предстояло прочитать лекцию о роли дипломатии в разного рода противостояниях мировой политики.

Адмирал Брубек удалился в свою комнату, велел принести туда ужин и позвонил по телефону. Через полчаса он встретился с Рольфом Хеммингом. Они курили, пили виски со льдом, и Хемминг обстоятельно рассказывал о том, как идут дела. Адмирал говорил мало, задал только несколько вопросов. Он был из тех, кто слушает собеседника внимательно, но делает вид, будто не особенно ему верит. Это свойство нередко принимают за проницательность, но тут это была простая осторожность: променяв военно-морские силы, где он чувствовал себя как рыба в воде, на полный фантомов и миражей мир разведки, адмирал Брубек неважно разбирался в этом мире. Тут говорили вещи, которых он не понимал, ссылались на давние события, полагая, что он в курсе дел, а он был не в курсе. Кто, черт возьми, эти Сорель, Парето и Спенглер, которых Хемминг то и дело цитирует как идеологов террора? Бакунин — имя показалось лишь смутно знакомым... Что это за штука — «кодекс Наполеона»? Всего этого он не знал, но вовсе не имел желания обнаруживать свое невежество, задавая вопросы.

Постепенно Хемминг, продолжая свой длинный и дотошный отчет, перешел от дипломатических проблем к конкретным делам, и тут адмирал почувствовал себя в своей тарелке и обрел наконец уверенность. Несколько раз он кивнул и невнятно высказал одобрение по поводу того, о чем докладывал Хемминг.

Лекция доктора Киссинджера содержала отточенные формулировки, была убедительна и несколько сдобрена цинизмом, что очень понравилось слушателям, которые вообще были склонны восхищаться этим человеком, пришедшим из мира реальной политики, и его государственным умом. Была какая-то завораживающая логика в его утверждении, будто в определенных обстоятельствах и в некоторые исторические периоды цель оправдывает средства (хотя мысль эта была выражена весьма осторожно и элегантно).

В отличном расположении духа, довольный собой, доктор Киссинджер добрался до отеля Мерис и уже к полуночи был в постели. Ему хотелось бы поспать по возможности часов восемь. Назавтра в десять утра предстояла трудная встреча в Елисейском дворце. К счастью для него, сон его был крепок, и он не слышал двух взрывов, которые прогремели в полумиле от отеля где-то во втором часу ночи.

Вот хроника событий, предшествовавших взрывам.

В четыре часа пополудни фургон из магазина Бон Марше проехал по улице Фобур Сент-Оноре мимо расположенного на углу улицы Соссэ министерства внутренних дел, возле входа в Елисейский дворец сбавил скорость и остановился напротив дома № 88. Водитель остался за рулем. Из кабины вышли двое мужчин в белых куртках, открыли задние дверцы, вытащили большую картонную коробку и поставили на тротуар. Надпись на коробке гласила: «Холодильник». Когда эти двое подняли коробку и понесли в дом, фургон тронулся с места и остановился за углом. Дежурный полицейский у ворот дворца догадался, что водитель не хочет загораживать и без того узкую и перегруженную транспортом улицу Фобур Сент-Оноре. «Вот если бы все водители так поступали»,— подумал он.

Один из грузчиков постучался к консьержке.

— Мы доставили покупку для мадам Тьери, из магазина Бон Марше.

— Второй этаж, дверь прямо.

Они не спеша донесли коробку до второго этажа и прислонили к стене. Тут оба скинули белые куртки, под ними оказались форменные куртки служащих газовой компании. Один нажал кнопку звонка. Слабый, задыхающийся голос немолодой женщины ответил: «Сейчас!»

— Из газовой компании. В доме запах газа, мы посмотрим вашу плиту.

— Но у меня газом не пахнет.

— Нам надо самим убедиться. Такова инструкция в случае утечки.

Женщина все еще держала дверь чуть приоткрытой, глядя на пришедших с недоверием. Беранже улыбнулся ей, и это ее успокоило. Дверь распахнулась.

— Идите за мной.

Жан-Поль закрыл за собой дверь. Проходя позади хозяйки через холл, он приемом каратэ — ребром правой кисти — сильно ударил ее. Раздался слабый хруст, и женщина медленно осела на пол. Жан-Поль опустился рядом на колени, пальцами стиснул ей ноздри, а ладонью другой руки зажал рот. Так он держал руки около минуты, потом поднялся.

— Все в порядке. Можно устанавливать ружья.

Они вдвоем втащили контейнер из коридора, заперли входную дверь и, убедившись, что в квартире больше никого нет, занесли его в гостиную, из окон которой был прекрасно виден двор Елисейского дворца.

— Ну я пошел,— сказал Беранже.— Желаю удачи.

— Чего тут дел-то,— отозвался Жан-Поль.

Он проводил Беранже до входной двери, снова запер ее и вернулся в гостиную, к контейнеру. Беранже тем временем спустился по лестнице, на ходу бросил консьержке «спасибо» и, выйдя на улицу, сел в фургон, который тут же тронулся с места. В машине он снял накладные усы и парик. Вскоре фургон остановился на одной из боковых улиц в северной части города. Водитель позвонил из автомата на борт «Марии-Луизы» и сообщил, что покупка доставлена благополучно.

За это время Жан-Поль успел открыть картонную коробку и разложить ее содержимое на полу гостиной. Там были два противотанковых ружья марки «Армбраст-300», изготовленных в Италии по чертежам западногерманской фирмы «Мессершмитт-Болков-Бом». К ним были приложены два бронебойных снаряда, способных с расстояния трехсот метров пробить 30-миллиметровую стальную пластину. Оружие было выбрано толково: оно действовало без сильной отдачи, без пламени, вспышки, без шума и без дыма. Идеальное оружие, чтобы стрелять из закрытого помещения,— большинство ружей такого калибра в подобных условиях опасно для стреляющего.

У Жан-Поля был большой опыт: в считанные минуты оба ружья оказались собраны и готовы к бою.

Теперь надо было как-то убить время. Он перетащил тело мадам Тьери в спальню, стер отпечатки пальцев со входной двери и принялся искать телевизор. В квартире его не оказалось, и он выругался про себя. Зато в кухне нашлись остатки цыпленка и немного фруктов — пригодится на ужин. Правда, к его великому неудовольствию, из выпивки тут оказалась лишь бутылка сладкого слабого вина. Спиртное бы пригодилось — не принимать же всерьез запрещение пить во время операций.

Он расположился на диване в гостиной, выкурил три сигареты, аккуратно загасив каждую о полированную поверхность низенького столика, вытянул ноги и проспал до восьми вечера. Разбудил его телефонный звонок. Трубку он снимать не стал, и телефон вскоре затих. Тогда он перерезал провод взятым в кухне ножом, принес в гостиную вино и еду и с аппетитом поел. Никакие операции на его аппетит не влияли. «Нервы? А где они, мать их...» — Эту хвастливую фразу он любил повторять.

...Час ночи, настало время действовать. Он все проверил: не заперта ли дверь на черную лестницу, работает ли его карманный фонарик и хорошо ли завязаны шнурки ботинок. Детали — это важно. Потом осторожно открыл окно и выглянул. Двое полицейских дежурили у входа в Елисейский дворец. Уличные фонари и лампы во дворе смутно освещали фасад дворца, построенного в стиле неоклассицизма,— отсюда до него примерно сто пятьдесят метров, половина того расстояния, на которое бьет его оружие. Никаких проблем!

Встав коленями на подоконник, Жан-Поль поднял одно из ружей к плечу. Второе, тоже заряженное, лежало слева, у колена. Каждое предназначено на один-единственный выстрел, потому и понадобилось их два, так настоял штаб: случалось, такое оружие отказывало, давало осечку.

Жан-Поль снял предохранитель, взял на мушку ступени дворца и нажал курок. Толчок, свист снаряда — значит, ружье исправно. Мгновение спустя прогремел взрыв — снаряд разбил отделанную камнем стену над лестницей. Жан-Поль отбросил сработавшее ружье, схватил другое. Между двумя выстрелами — оба снаряда угодили в стену — прошло едва ли пять секунд. Полицейский бросился во двор, раздались свистки, из сторожевой будки выскочили еще охранники. До Жан-Поля, когда он с черного хода выбегал из квартиры, донесся звон разбитого стекла и грохот осыпающихся камней.

В потемках он поднялся по служебной лестнице, держа в памяти план, который нарисовала Ингрид, и, не зажигая фонарика, повернул на верхнем этаже в коридор, отыскал четвертую дверь слева и оказался в туалете как раз в тот момент, когда открылась одна из дверей дальше по коридору: видно, кого-то из прислуги разбудили взрывы.

Жан-Поль вылез через окно на карниз, который огибал все здание вплоть до того места, где оно примыкало к такому же жилому дому, стоящему на соседней улице. Скупо посветив фонариком, он обнаружил чуть дальше открытое окно и, дойдя до него, спрыгнул в чью-то спальню. Пока он, светя фонариком, искал дверь, раздался испуганный вскрик, но когда обитательница комнаты решилась зажечь свет, незваный гость уже был в коридоре. По лестнице он спустился благополучно, никто его не видел. Оказавшись на улице, торопливо зашагал прочь, подальше от Фобур Сент-Оноре. По пути в пассаж Сен-Дени ему тоже никто не встретился.

— Говна пирога! — похвастался он, появившись в мастерской, где его ждали Ингрид, Виктор и Беранже.

— Здорово! — похвалила Ингрид. Она даже улыбнулась ему. Жан-Поль только взглянул на нее: он еще докажет этой суке, что есть на свете настоящие мужики.

Заголовок в парижском выпуске «Интернэшнл геральд трибюн» был набран самым крупным шрифтом: **«ELYSEE PALACE SHELLED» —** «Обстрел Елисейского дворца...

Серьезный ущерб. Пострадавших нет.

Означает ли это правительственный кризис?»

Генри Киссинджер, завтракавший в своем номере, положив перед собой газету, улыбнулся. Может, это и случайность, что такое произошло как раз перед его встречей с французскими лидерами, но лучшего времени для диверсии он и сам бы назначить не мог. Теперь никто не решится утверждать, будто ситуация под контролем. Куда уж тут! Если президентский дворец обстреливают чуть ли не в упор!

Он допил апельсиновый сок и принялся за кофе.

— Помяните мои слова — это коммунисты! — произнес адмирал Брубек, как только они встретились.— Палить по президенту республики — это же надо! Наверняка чертовы коммунисты.

— Вовсе не обязательно,— не согласился Киссинджер.— Им-то это совершенно ни к чему.

Он уже не надеялся, что ему удастся хоть в чем-то убедить адмирала, и бросил эти попытки. Ничего хорошего подобное упрямство не предвещало ни ЦРУ и никому другому.

В 9.45 в гостинице появилась аскетическая фигура Вэллата.

— Небольшие изменения в организации встречи,— кисло сообщил он.— Президент и премьер-министр примут вас в министерстве морского флота на площади Конкорд.

— Что, дворец не в порядке?

— Не то чтобы не в порядке, но предстоит уборка. В министерстве будет удобнее.

Лицо Вэллата осталось безучастным: американцев он терпеть не мог.

В министерстве их провели в комнату для конференций, где высокий потолок был расписан в стиле рококо — нимфами, сатирами и купидонами. Под всем этим великолепием их уже ждали президент и премьер-министр. Присущее президенту чувство превосходства и самоуважения подсказывало ему, что не следует с готовностью принимать советы, даже если они исходят от президента Соединенных Штатов и если в качестве советчика выступает сам знаменитый доктор Генри Киссинджер. И тем более странно ему, президенту республики, принимать у себя руководителя ЦРУ. Уж газеты постараются эту встречу расписать. Да и сам он чувствует, что для Франции тут никаких выгод не будет. Он обменялся рукопожатием с американцами, не явив на своем лице ни малейшего подобия улыбки. Его примеру последовал и премьер-министр. Американцы, с самого начала взявшие неодобрительный и строгий тон, также не улыбнулись. Вэллат с мрачно-официальным видом исполнял обязанности секретаря.

Когда они уселись — Вэллат с приготовленным блокнотом и нацеленной в него шариковой ручкой,— президент выдавил из себя несколько невнятных приветственных слов и попросил доктора Киссинджера изложить свое дело.

— Мне поручено лично самим американским президентом,— начал Киссинджер,— передать вам на словах, а не в письменной форме...— Он чувствовал, что французский президент предпочтет именно эту форму.— Речь идет о стабильности обстановки во Франции, которая для него... и т. д. и т. п. Недавние взрывы вызвали в Вашингтоне серьезную тревогу. Наш президент хотел бы убедиться, что ситуация находится под контролем. Кроме того, под определенным углом зрения союзники Франции в Америке даже больше, чем сами французы, заинтересованы в результате предстоящих выборов. Победа левых

[1] На набережной Орсей в Париже находится министерство иностранных дел **(прим. переводчика).**

сил, это нетрудно понять, создала бы серьезные проблемы...

Гортанный голос доктора Киссинджера звучал монотонно. Президент республики устремил свой взгляд в пространство, то же самое волей-неволей пришлось сделать и премьер-министру. Когда говоривший наконец замолчал, президент откашлялся и произнес:

— Но это наши внутренние дела, доктор Киссинджер. Мы ведь не приезжаем в Вашингтон, когда у вас негры бунтуют.

— Если Францией завладеют коммунисты, это станет европейской проблемой, а стало быть, и мировой,— возразил Киссинджер.— Соединенные Штаты не могут остаться безучастными. Выборы в восемьдесят первом году, когда коммунисты вошли в правительство, вызвали, как вы знаете, отголоски и у нас. Недавние события увеличивают возможность того, что коммунисты и дальше продвинутся к власти. Повторяю: Соединенные Штаты не могут равнодушно взирать, как развиваются дела.

— Это что, угроза?

— Никоим образом, господин президент, но я уполномочен заявить, что Соединенные Штаты готовы сделать все возможное в пределах известной и принятой международной практики, чтобы помочь французскому правительству выйти из затруднительного положения.

— Мне не известно, чтобы французское правительство обращалось за такого рода помощью.

— Совершенно верно. Но мы полагаем, что ситуация может измениться.

— А если изменений не воспоследует?

— Тогда можно ожидать, что наше правительство предпримет определенные шаги — по крайней мере финансового и коммерческого характера.

Премьер-министр вмешался в разговор:

— Вы собираетесь атаковать франк?

Киссинджер пожал плечами.

— Наши банки хотят себя защитить. Казначейство США не может им воспрепятствовать, если они сочтут, что обстановка во Франции нестабильна. То же самое относительно крупных американских корпораций, чьи интересы связаны с Францией, и тех, что покупают французское оборудование и материалы,— что мы им скажем? Только одно: будьте осторожны!

Наступило молчание.

— Передайте вашему президенту,— заговорил французский президент,— что я ценю проявленный им интерес, однако вынужден отказаться от участия США в той деятельности, которую мы предприняли для устранения своих временных затруднений. Вы можете быть совершенно уверены в том, что мы с ними справимся. Что до предстоящих выборов, то они касаются французов и только французов.

— А почему это сегодняшняя встреча происходит не в президентском дворце? — Внезапный вопрос адмирала прозвучал так, как если бы он находился у себя на юте.

Президент твердо глянул в его по-детски голубые глаза.

— По той причине, адмирал, что в моем кабинете идет ремонт.

Адмирал сардонически хмыкнул, будто собирался засмеяться, но у него не получилось.

— Вас обстреляли,— заявил он.— Не понимаю, какого черта вы это терпите. Всем известно: это же коммунисты.

— Благодарю за совет,— ответил президент.— Он, безусловно, обнаруживает глубокое понимание нашей сложной политической ситуации.

Он встал:

— Господа, могу только добавить следующее. Мне представляется, что вы стремитесь подтолкнуть нас к административным — то бишь полицейским — мерам против коммунистов. Думаю, в субтропическом климате Вашингтона это могло бы выглядеть логичным. Именно этому, вероятно, я обязан высокой чести беседовать не с кем иным, как с руководителем ЦРУ. Но я должен заявить, что я решительно отказываюсь быть втянутым в какие-либо действия, способные привести к гражданской войне в нашей стране,— к войне, победу в которой я никоим образом не смог бы гарантировать.

Он устремил на адмирала холодный взгляд.

— Здесь вам не колония, адмирал. Не Ла-Пас, не Сантьяго и даже не Буэнос-Айрес. Это Париж. Не считаю возможным продолжать нашу беседу. Передайте, пожалуйста, мои наилучшие пожелания президенту США и желаю приятно провести время, пока вы еще у нас.

Они снова обменялись рукопожатиями. Отпуская руку премьер-министра, доктор Киссинджер заметил:

— Пожалуйста, не забудьте: правительство не в силах влиять на то, что могут предпринять наши банки. Как бы потом не пришлось пожалеть.

Он пожал плечами, тонко улыбнулся и удалился вслед за массивной фигурой адмирала.

— Давайте встретимся с этим вашим Хеммингом сегодня,— предложил он, когда они спускались по лестнице.

— Я это организую, Генри,— согласился адмирал и добавил: — Вот чертовы дураки!

Рольф Хемминг занимал дорогую квартиру в шестнадцатом округе, недалеко от Булонского леса. Она была полностью перестроена согласно его несколько своеобразным вкусам — Хемминг был гомосексуалистом. Светильники венецианского стекла в гостиной бросали нежный свет на двери, покрытые в несколько слоев лиловой краской. Обюссонские ковры были великолепны, а столовую украшали две прелестные головки Греза, повешенные слишком уж напоказ, будто в картинной галерее. Удобные, глубокие диваны и кресла были обиты плотной бледно-серой материей, на некоторых обивка была цвета кофе с молоком. Все это производило впечатление одновременно и некоторой вульгарности, и старомодной изысканности. Черный слуга, уроженец Сомали, с великолепной мускулатурой, был в белой национальной одежде с золотой вышивкой.

Доктор Киссинджер осторожно присел на один из диванов. Адмирал остался стоять спиной к открытому окну, откуда веяло угнетающей уличной жарой. Рольф Хемминг, такой же фатоватый, как его жилье, и такой же старомодный с виду, расположился в кресле. Было четыре часа пополудни. Им подали коктейль «кровавая Мэри».

— Мои осведомители,— начал Хемминг, речь его была изысканно-манерной,— говорят, будто это дело рук коммунистов, которые рассчитывают, что дестабилизация послужит им на пользу во время выборов. Население захочет ценой своих голосов купить мир и спокойствие...

— Чепуха,— возразил Киссинджер.— Даже французские коммунисты не такие идиоты, а уж они-то — одни из самых глупых в Европе.

— Мне не кажется это столь уж неумным, доктор Киссинджер,— не согласился Хемминг.— В этой стране люди всегда голосуют за тех, на чьей стороне, как им кажется, успех. Так они поступали в прошлом и, согласно прогнозам, точно так поведут себя и в данном случае.

— Кто этот ваш осведомитель?

Хемминг взглянул на адмирала, но ответил Киссинджеру:

— Вы задали трудный вопрос, сэр. Я не уверен, что имею право говорить о своих источниках информации.

— Не имеете! — резко сказал адмирал.— Я уже обсуждал эти дела с Хеммингом, Генри. Я доверяю этому источнику.

— Но это же чушь! — повторил Киссинджер.— И скажите мне такую вещь: почему они никого не арестовали? Уж не думаете ли вы, что их полиция вообще ни на что не способна?

— Отчасти действительно ни на что не способна, а отчасти коррумпирована.

— А мы-то действуем в этом направлении, Кент?

— Хотел бы я, чтобы это было так.— Адмирал пожал плечами.

— Есть у вас контакты с французской полицией или с контрразведкой?

Хемминг кивнул. Если Киссинджер рассчитывал на более подробный ответ, то его ждало разочарование.

— Может, вы знаете, насколько они продвинулись в распутывании этой проблемы?

— Знаю, доктор Киссинджер. Они очень далеки от того, чтобы ее решить.

— Все эти взрывы и нападения — действительно дело чисто внутреннее?

— Полагаю, что это так, но Москва их наверняка одобряет.

Киссинджер сделал нетерпеливый жест. Эти люди так же безнадежно увязли в своей школярской демонологии, как русские — в своей. Спорить с ними — просто время терять.

— Будь что будет,— сказал он.— Но мы должны придать этому делу интернациональный характер, чтобы получить возможность вмешаться на законных основаниях. Если оставить это французам, они все просрут. Сегодня утром мы их слегка обескуражили — надеюсь, они поняли насчет банков. Но надо искать и другие пути.

— Вы на самолет рассчитываете успеть, Генри? — неожиданно спросил адмирал.

Киссинджер глянул на часы:

— Да, пошли.

— Возьмите машину, нам с Рольфом надо еще немного потолковать. Скажите шоферу, чтобы вернулся за мной.

Когда Киссинджер вышел, Брубек повернулся к Рольфу Хеммингу:

— Ну, а теперь перейдем к делу. Вы говорите, что я могу встретиться с этим пидором Пеллереном — их министром обороны?

— Я договорился, что сегодня вечером вы встретитесь на квартире одного надежного человека — его сотрудника.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

Александр ГОРБУНОВ

У БОГАТЫХ СВОИ ПРИЧУДЫ

В недалеком будущем футбольные чемпионаты СССР могут превратиться в турниры совместных предприятий и фирм. При условии, разумеется, что в нынешнем географическом состоянии сохранится Советский Союз. Представьте только: в турнирной таблице вместо «Динамо», «Спартака», ЦСКА, «Локомотива» и прочих «Металлистов» и «Шахтеров» будут «Асмарал», «Пепсико», «Джиндо», «Алис» и для экзотики какой-нибудь уцелевший «Кривбасс». Между тем при всей парадоксальности этого прогноза первый шаг на пути к его реализации сделан в Москве год с небольшим назад, когда достаточно известная в футбольных кругах команда второй лиги «Красная Пресня» превратилась в клуб «Асмарал», который с места в карьер принялся исполнять желания своего нового — восточного — хозяина, президента советско-британской фирмы иракца Хусама Аль-Халиди.

Для тех читателей «Огонька», которые не следят за спортивной прессой, расшифрую вкратце суть дела. Жила-была «Красная Пресня», которую содержал (и не знал, как от нее избавиться) седьмой московский таксомоторный парк. И команда на его балансе, и стадион. Из «Красной Пресни», считавшейся одно время фармклубом московского «Спартака», вышли такие известные футболисты, как Сергей Родионов, Александр Мостовой, Василий Кульков... Да и нынешний тренер спартаковцев Олег Романцев начинал свою деятельность в «Пресне». Словом, крепкая команда второй лиги, претендовавшая даже одно время на переход в первую.

В последние сезоны, однако, когда футбол наш стал переходить на так называемый хозрасчет, «Красная Пресня», и без того убыточная, стала испытывать серьезные материальные затруднения. Таксопарк-кормилец тоже встал на путь хозрасчета, и на кой ляд ему в этом случае в нахлебники гоняющие мяч здоровые молодые люди. Команда с трудом находила деньги на билеты в другие города.

И тут появился «богатенький Буратино» из «Асмарала». Сколько он выложил таксистам за команду, неизвестно, но, наверное, сумма была никак не меньше той, которую в свое время на «Красную Пресню»

потратили. Откуда же он взялся, Хусам Аль-Халиди? И почему фирма, занимающаяся прежде всего строительством, гостиничным бизнесом и общепитом, решила доукомплектовать свой штат группой футболистов и тренеров?

Возникновение футбольного клуба «Асмарал» — чистый, на мой взгляд, случай. Родители Хусама долгое время работали в Москве. Он выучил русский язык и полюбил неземной любовью советский футбол, став верным поклонником московского «Динамо». Жизнь привела его к созданию собственной фирмы, которая в конце концов и стала основой совместного предприятия «Асмарал». Вполне возможно, что любовь к советскому футболу и заставила Аль-Халиди совершить такой подвиг, как создание в нашей стране советско-британского предприятия. Вполне возможно, ему просто хотелось регулярно смотреть матчи московского «Динамо», так сказать, «живьем», на трибуне стадиона, вот он и выбрал Москву. У богатых свои причуды.

Так или иначе, но иракскому бизнесмену вполне было по карману приобрести московское «Динамо». Правда, его вряд ли бы продали. А кроме того, Константин Иванович Бесков, которого Хусам Аль-Халиди боготворит с детства, посоветовал ему купить неизвестную команду, сделать из нее профессиональный клуб и довести его до высшей лиги.

Этот совет полностью отвечал устремлениям Аль-Халиди, и «Красная Пресня» превратилась в «Асмарал», который стал тренировать известный в прошлом советский футболист, сын Григория Ивановича Федотова и зять Константина Ивановича Бескова — Владимир Федотов. Бесков, кстати, консультировал «Асмарал», а с 1991 года взял «бразды правления» в свои руки: Федотов стал его помощником.

На примере Константина Ивановича Бескова можно читать лекцию на тему «Профессия тренера в футболе и сопровождающие ее сложности и несправедливости». В лекции этой могли быть два ключевых момента: изгнание Бескова с поста главного тренера национальной сборной в 1964 году после того, как команда в упорнейшей борьбе проиграла в финале розыгрыша Кубка Европы испанцам (1:2) на их поле, и конфликтная ситуация в московском «Спартаке» в конце 1988 года, когда команда, которую Бесков делал (и сделал!) в течение двенадцати лет, возродив ее доброе имя, отказалась от тренера и потребовала себе нового руководителя.

А сколько было «промежуточных вариантов», заставлявших Бескова уходить из одной команды, брать другую, возвращаться в прежнюю...

Можно, конечно, вспомнить, как Бесков выводил родное московское «Динамо» в финал Кубка обладателей кубков в 1972 году, как выигрывал с этой командой Кубок страны, как работал в «Торпедо» и ЦСКА, «Локомотиве» и луганской «Заре», как комментировал футбол по телевидению (был и такой эпизод в его футбольной жизни), но, полагаю, самыми плодотворными тренерскими годами коренного динамовца были годы в «Спартаке», куда его позвали, словно на пожар, «вытаскивать» рухнувший в первую лигу популярный клуб.

В каждой команде, в которую приходил Бесков, он начинал фактически с нуля. Так что «Асмарал» для 70-летнего тренера, перенесшего в 1990 году сложнейшую операцию и пролежавшего в больнице несколько месяцев,— идеальная «площадка» для претворения в жизнь давней мечты — довести малоизвестную команду с самого низа на самый верх.

«Бескова,— писал в своей книге «Центральный круг» нынешний тренер московского «Торпедо» Валентин Иванов,— вы легко выделите с первого взгляда в самой большой толпе, если прежде никогда его и не видывали. Так невольно замечаешь человека, который и одет, и выбрит, и причесан лучше всех. Уверен: никто и никогда не видел его иным. Среди спортсменов многие питают слабость к ярким, нарядным костюмам. Каждая мелочь в туалете Бескова тщательно продумана, абсолютно гармонирует со всем остальным и — ни одного яркого пятна. Так скорее одеваются дипломаты или крупные режиссеры».

В несахарном характере Бескова трудно, правда, обнаружить дипломатическую сдержанность, особенно тогда, когда дело касается футбола, но режиссер футбольный он — из крупнейших.

Требовательный и беспощадный тренер, Бесков всех, кто его окружает, заставляет каждодневно напряженно трудиться. Не всем это нравится, но он сам так трудится. С того самого дня, как в 1938 году появился в составе московской команды «Металлург».

«Сотрудники» футбольного «Асмарала» не станут для Бескова исключением, их ждет сумасшедшая работа, и для того чтобы посмотреть на результаты этой работы, москвичи, уверен, довольно скоро начнут захаживать на пресненский стадион.

В дни сделки с таксистами «Пресня» занимала девятнадцатое место в своей зоне второй лиги. Спустя год «Асмарал» стал первым и заработал право играть в так называемой буферной — переходной — зоне второй лиги. Аль-Халиди — максималист. Перед командой, которую содержат он и его фирма, поставлены вполне определенные задачи: первая лига, высшая, участие в европейском турнире (это возможно лишь при занятии высокого места в высшей лиге

Фото Анатолия БОЧИНИНА.

или же выигрыше Кубка СССР). Не сомневаюсь, что честолюбивые замыслы Аль-Халиди сбудутся, правда, в том только случае, если в ход событий не вмешаются обстоятельства, к футболу никакого отношения не имеющие.

Футбол и жизнь страны тесно переплетены. Указ Президента, например, о 40-процентном налоге на заработанную валюту затронул интересы ряда футбольных клубов высшей лиги, которые, вне всякого сомнения, сразу же стали искать всевозможные лазейки для того, чтобы «обыграть» этот Указ, и, не сомневаюсь, нашли их.

Сложнее с другим Указом, под действие которого напрямую подпадает «Асмарал», поскольку принадлежит совместному предприятию, подлежащему, как известно, в соответствии с распоряжением высшего руководства страны полной проверке. Кто, как и что будет проверять — только от этой чистейшей воды субъективной акции будет зависеть судьба совместных предприятий и предприятий, занимающихся внешнеэкономической деятельностью. И вряд ли кто может дать гарантии, что тот же «Асмарал» не «проверят» таким образом, что СП это появится в одном ряду со всеми уже «обнаруженными» АНТами и фирмами, «вывозящими» наличность страны (на макулатуру разве только) за рубеж.

Существует, между прочим, и иной способ отстранения «Асмарала» от футбольной жизни страны. Вполне возможно появление в положении о проведении чемпионата СССР лаконичного пунктика о том, что в нем не имеют права участвовать команды, принадлежащие либо совместным предприятиям, либо зарубежным фирмам. Антизаконно? Да, но не более, чем некоторые Указы, которые после их принятия вынужден разбирать по слогам Комитет конституционного надзора. И никто ведь не будет объяснять, почему «Макдональдс» имеет право продавать гамбургеры, а «Асмарал», положим, не имеет права продавать футбол.

Если когда-нибудь «Асмарал» попадет в высшую лигу и станет представлять советский футбол в европейских кубках, то Аль-Халиди займет место среди таких боссов, как Джанни Аньели (хозяин «Ювентуса»), Сильвио Берлускони («Милан») и Бернар Тапи («Олимпик», Марсель). Для этих миллионеров команды одновременно и любимые игрушки, и способ выгодно вложить средства, и реклама предприятий, которыми они владеют.

Для «Асмарала», малоизвестной сегодня в мировом бизнесе фирмы, выход собственной футбольной команды на международную арену станет сумасшедшей рекламой, способной в итоге значительно увеличить капиталы предприятия. Полагаю, Аль-Халиди стремится к этому в первую очередь.

Сегодняшний спорт, как ни кошмарно звучит это для ушей неисправимых романтиков, двигают вперед деньги, вернее даже, люди, деньгами этими владеющие. Только деньги позволили «Милану», к примеру, закупить трех голландских суперзвезд — Рууда Гуллита, Марко Ван Бастена и Франка Райкаарда и выиграть с их помощью Кубок чемпионов и Межконтинентальный кубок. Сами по себе эти призы стоят не больше, чем изготовленные для этих целей «вазы», но трибуны стадиона, на котором играет владелец этих призов, никогда не пустуют.

Другая миланская команда, «Интер», вложила огромные средства в покупку немецких суперзвезд — Лотара Маттеуса, Андреаса Бреме и Юргена Клинсмана, и они, представляя этот именитый клуб, стали в составе сборной ФРГ чемпионами мира, привлекли своим участием в матчах несметные полчища зрителей, и клуб давно уже окупил все затраты.

Для того чтобы уяснить, какую роль в современном футболе играют деньги, достаточно вспомнить историю с продажей на Запад Олега Протасова, Юрия Савичева и Игоря Добровольского. Советская Федерация футбола сказала поначалу «Нет!», опираясь при этом на придуманное «правило 28», согласно которому футболисты моложе 28 лет не могли быть проданными за рубеж. «Такого слова мы не знаем»,— сообщили в ответ владельцы греческого «Олимпиакоса» и итальянской «Генуи» и спустя короткое время добились того, что О. Протасов и Ю. Савичев стали собственностью афинского клуба, а Добровольский — «рабом» генуэзской команды, которая вначале хотела отдать его на «стажировку» в Португалию, а затем передумала и отправила на полгода в Испанию.

Хотел бы увидеть сказавшего «Нет!» тем, кто готов, по моим сведениям, выложить в ближайшее время по 10 миллионов долларов за 20-летнего московского торпедовца Юрия Тишкова и 22-летнего форварда киевского «Динамо» Сергея Юрана, ставших по итогам опроса журнала «Спортивные игры» лучшими новичками сезона-90.

В скором времени, полагаю, «Асмарал» будет комплектоваться по тому же принципу, что и ведущие европейские команды. Сейчас играющий на пресненском стадионе клуб сдерживает себя и не «запускает по локоть руку» в высшую лигу, ограничиваясь малоизвестными пока футболистами. Очередь же из желающих играть в «Асмарале» достаточно длинная. Во всяком случае, в ней уже можно заметить и тех, кто выступал и выступает за сборную страны.

Комплектование «Асмарала», судя по всему, идет по плану, который не форсируется, и высококлассные футболисты будут приглашаться на стадии первой лиги, в которой клуб намерен играть уже в будущем году.

Пока же, надо заметить, «Асмарал» пользуется услугами никому не известных ребят, большинство из которых — москвичи, и, вероятно, вряд ли они в ближайшее время добровольно покинут фирму, в которой служат.

Между прочим, это серьезная проблема — заставить способного футболиста (не говоря уже о суперзвезде) не думать о переходе в другую команду. Однажды я спросил великого в прошлом итальянского игрока Джачинто Факкетти, двадцать (!) лет выступавшего в составе миланского «Интера», проведшего 94 матча за сборную Италии: неужели не было попыток переманить его? «Вы знаете, не было,— ответил он.— Все понимали, что «Интер» никогда ни при каких условиях меня бы не отпустил. Да я и сам скорее закончил бы играть, чем ушел в другой клуб. Такие уж сложились у меня отношения с «Интером». Я ценю это: клуб давал мне все, я, в свою очередь, отдавал ему все силы».

Разумеется, подобные Факкетти-однолюбы — редкость и в его-то времена, а в наши тем более, но речь в данном случае о том, что профессиональный клуб — это не только денежные расчеты, но и воспитание клубного патриотизма. Похоже, что «Асмарал» решил заняться этим с самого начала своей деятельности. Под клубным патриотизмом следует, вероятно, понимать не только то, что игрок два десятилетия не меняет цвета своей футболки, но и то, почему он это делает. Почему, например, проданная в «Ювентус» немецкая звезда Томас Хэслер продолжает с восторгом говорить о клубе, который «делал» его в течение шести лет,— о «Кёльне»...

Что привлекает тех, кто стучится в двери «Асмарала»? Было бы, наверное, нелепым искать какие-либо иные причины, кроме материальных. Футболисты разных лиг постоянно общаются между собой и прекрасно знают конъюнктуру рынка, не публикуемую в печати. Им давно известны цифры, попавшие затем в прессу: в 1990 году игроки «Асмарала» (речь, напомню, идет о команде второй лиги) зарабатывали ежемесячно в среднем до четырех тысяч рублей, а ведущие футболисты — по шесть — восемь тысяч. У каждой команды собственная система премиальных, обычно она держится в секрете. «Асмарал» же не скрывает — твоя реклама,— что во второй лиге платил за каждый гол, каждую голевую передачу, каждый «ноль» в свои ворота по 250 рублей, а в буферной зоне увеличит этот вид премии на сотню. На манер западноевропейских команд клуб оценивает каждую следующую свою победу дороже предыдущей. По окончании сезона — дополнительные премии за выход в следующую лигу: деньги и автомобили лучшим игрокам.

По сведениям из «Асмарала», в 1990 году содержание «футбольного отдела» фирмы обошлось ей почти в миллион рублей и 60 тысяч долларов. Если учесть, что на валютном аукционе миллион можно получить за 50 тысяч долларов, то общая долларовая сумма не покажется большой для имеющего достаточно серьезный бизнес предприятия. Тем не менее оплата труда футболистов и тренеров «Асмарала» выше, нежели во многих клубах высшей лиги. Раздаются голоса, что она не адекватна вложенному труду, но, во-первых, никто не знает размера адекватности, а во-вторых, каждая фирма имеет, видимо, право оплачивать работу своих служащих так, как считает нужным,— в этом одно из отличий рынка (в том числе и рынка труда) от системы тотальной уравниловки, когда зарплата игроков футбольных команд определяется специальным постановлением Совета Министров СССР.

Бывший игрок московского «Спартака» и сборной страны Евгений Ловчев как-то заметил по поводу успехов днепропетровского «Днепра»: «В то, что, став первым нашим хозрасчетным клубом, «Днепр» играет за деньги, я не верю. Если руководствоваться одной материальной заинтересованностью, то некоторые наши команды второй лиги должны были бы давным-давно ее покинуть и ходить в победителях всех европейских кубков. Нет, в футболе побеждают потому, что умеют побеждать, а не оттого, сколько за это платят».

Мне представляется, что пропущено важное слово «только». Если его добавить, то можно согласиться с прославленным капитаном спартаковцев: я тоже не верю, что «Днепр», как, впрочем, и другие наши команды, играет только за деньги. Любой, наш ли, зарубежный ли, самый высокооплачиваемый футболист вам скажет, что в игре он думает только об игре. Но принцип материальной заинтересованности нельзя отбрасывать: это хороший принцип, который в сочетании с другими — высоким коллективизмом, желанием постоянно быть наверху, серьезной подготовкой резервов, сложившейся конкуренцией за место в составе — дает хорошие плоды.

Что же до команд второй лиги, некоторые из которых получают больше, чем в первой и высшей, то это, бесспорно, существующее явление — издержки всего нашего футбольного хозяйства: парадокс, но к вершине футбольной пирамиды не стремятся ни целые команды, ни отдельные талантливые молодые игроки, довольствующиеся тем, что они имеют при несравнимо меньших затратах сил, чем, предположим, в высшей лиге. Факт появления «Асмарала» потому и отраден, что он, как в свое время вильнюсский «Жальгирис», прошедший путь от второй лиги до участия в престижном европейском Кубке, стал исключением и может служить хорошим примером другим.

«Асмарал» — явление в нашем футболе по многим причинам. Понятно, не по уровню игры (пока), но по организации дела — точно.

Первый полностью профессиональный клуб второй лиги тщательно готовит себя на ведущие роли в лиге высшей. Для того чтобы не стать «калифом на час», он намерен полностью реконструировать краснопресненский стадион (трибуны его будут полностью защищены от непогоды, увеличится количество мест), создать детско-юношескую школу, подумывает о фармклубе, который начал бы со второй лиги. А чего стоит замысел Аль-Халиди провести летом 1991 года в Москве международный турнир с участием ведущих советских и западноевропейских клубов (понятно, и «Асмарала») с призовым фондом в 100 тысяч долларов (весьма приличная по европейским меркам сумма).

Пример «Асмарала», по-моему, заразителен. Некоторые наши команды буквально «валяются» на дороге и в изменившихся условиях финансирования протягивают руку (только что объявления о нужде в помощи не печатают) в надежде найти приличного спонсора, а еще лучше — хозяина, который не только давал бы время от времени деньги за рекламу своего торгового знака, но и на каких-то определенных условиях содержал команду.

Известно, что ленинградский «Зенит» завязал серьезные контакты с советско-канадским предприятием. Известно также, что компания «Пепси-кола», имеющая на территории страны 27 заводов, не прочь поучаствовать в футбольном бизнесе, в частности в Ташкенте.

Пока «Асмарал» только тратит на футбол, но вклады эти не филантропические, они затем с лихвой окупятся, и появятся новые средства для инвестиций в футбол. «Асмарал» совсем не похож на пирожковых кооператоров, которым бы сию секунду урвать побольше, а там хоть трава не расти. Нет, клуб крепок в своих замыслах, и если его не остановят волевыми решениями, то достаточно скоро он окажется на ведущих позициях в советском футболе. Планка поднята, и к ее уровню волей-неволей вынуждены будут стремиться все, особенно тогда, когда новый клуб попадет в высшую лигу.

Светская хроника

В гостях у Петлюры

...Большая полутемная комната в старинном доме. Разудалая музыка. У микрофона — солистка пани Броня, или Бронислава Анатольевна — бывшая жительница этого ныне выселенного московского дома, захваченного художниками. Они и приобщили пани Броню к искусству. Несмотря на почтенный возраст, она начала петь, танцевать, пробовать себя в живописи. Параллельно идет показ слайд-фильма. Над залом, где все это происходит, взлетает и падает фигура девушки в алых рейтузах и темных очках: это — чтоб вы знали — фигурное катание на качелях.

Все это экзотическое действо возглавляет человек с необычным псевдонимом Петлюра — один из лидеров движения «Белая река». Что это за движение, вряд ли смогут в деталях объяснить даже те, кто в его пределах движется, но выглядит все это необыкновенно, захватывающе и представляет альтернативу привычным для нас развлечениям.

Квартира самого Петлюры находится этажом выше, и в ней размещена коллекция всевозможных причудливых костюмов — «Дом моделей Петлюры». Кроме того, в квартире живут пес Бульвар Петрович, две кошки и белая крыса.

Вот они, будни советского андеграунда.

Садист — материалист

В издательстве «Интербук» в серии «Страницы мировой философии» вышло первое русское издание крупнейшего мучителя женщин эпохи Позднего просвещения Донатьена Альфонса Франсуа де Сада (в просторечии — маркиз де Сад). Согласно аннотации к сборнику включенные в него произведения «показывают нам маркиза де

Сада как верного продолжателя материалистических традиций выдающихся французских энциклопедистов XVIII века». По той же аннотации издание «адресовано в первую очередь специалистам-гуманитариям, но также и широкому кругу читателей, интересующихся развитием мировой философской мысли».

Вспоминают современники

Университетские друзья Михаила Сергеевича Горбачева впервые начали рассказывать о том, как он встретил и полюбил свою будущую жену Раису, да и то не в отечественной прессе, а в иностранной, помощью которой мы и воспользовались.

Владимир Либерман, как утверждает газета «Европиэн», близкий друг по университету, говорит, что Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна понравились друг другу сразу, как только познакомились, а познакомились они на уроке танцев. До этого, говорит Либерман, «Михаила мало интересовали девушки, но в тот день пламя вдруг разгорелось...». По отзывам общих знакомых, Михаил в то время был исключительно серьезным молодым человеком. Либерман рассказывает, что в то время многие студенты позволяли себе нецензурно выражаться, не пропускали ни одной более или менее симпатичной девушки, но Михаил таким не был. «Сначала мы считали его притворно щепетильным, потом поняли, что это в его характере и что он никому не подражает. У него было поразительное чувство собственного достоинства». В биографическом издании «Горбачев», которое скоро должно выйти в Великобритании в издательстве «Чаттоу энд Уиндус», автор Георг Рудж говорит, что до встречи с Раисой Титаренко известен лишь

один роман Михаила Горбачева с женщиной, которая работает сейчас в Москве адвокатом.

Одна из старых знакомых Горбачева, не желающая упоминания своей фамилии, вспоминает: «Для нас, московских снобов, он был просто деревенским парнем...»

По рассказам друзей и знакомых, Михаил Сергеевич в браке был «мужчиной нового типа» — практически не пил, даже на свадьбе, часто ходил в библиотеку, читал наизусть стихи и помогал жене мыть посуду.

Что касается Раисы Максимовны, вспоминают, что она всегда отказывалась фотографироваться — говорила, что не фотогенична.

...Предпочитают советское шампанское

...Уютная, нестандартная квартира, мягкая мебель, приятный ворс ковров под ногами и одиннадцать женщин, попивая апельсиновый сок, ведут легкую светскую беседу. О прическах, нарядах, путешествиях. Никаких сплетен, интриг, проблем — это не принято.

Потом все дружно встают и идут на кухню. Нет, не есть — до этого дело еще не дошло. Гостеприимная хозяйка рассказывает о своем любимом блюде и тут же демонстрирует его приготовление. Остальные усердно записывают рецепты в красивые блокнотики. Потом кто-нибудь из гостей показывает, как делается ее любимое блюдо, и снова внимательные взгляды и блокнотики. И только после всего этого — накрытый стол.

Сегодня у членов Международного женского клуба, состоящего из жен иностранных дипломатов, работающих в СССР, — день индийской кухни. Такие маленькие гастрономические праздники у дипломатических жен — хорошая, крепкая традиция.

Когда дело доходит до десертного вина и шампанского, разговор достигает высшей степени легкости. Кто-то упоминает место, где можно купить советское шампанское, и сразу раздается несколько голосов: «Где??!» Обладатель информации подробно объясняет, а все остальные снова записывают в те же блокнотики. В «Березке» и посольских гастрономах свободно стоит французское и итальянское — нескольких сортов, но жены дипломатических работников предпочитают советское шампанское.

Написали оперу...

Из вполне достоверных источников нам сообщили, что композитор Микаэл Таривердиев закончил партитуру новой оперы. Причем оперы комической. Называется она «Женитьба Фигаренко» и рассказывает о похождениях молодого дамского мастера Коли Фигаренко, который со своей невестой, мужским мастером Сюзоновой решил у себя в городе открыть парикмахерский салон на семейном подряде. А зампред исполкома Альмавивов вставляет палки в колеса этому начинанию, что не мешает ему назначить Сюзоновой тайное свидание у себя на даче... Кроме Бомарше, Моцарта, Россини и Таривердиева, над оперой работали писатель-юморист Михаил Казовский (автор идеи) и поэт-иронист Федор Филиппов (автор текстов). По сведениям, полученным из тех же источников, оперой заинтересовался Московский камерный театр. Во всяком случае, первая встреча Микаэла Таривердиева и Бориса Покровского по поводу ее постановки прошла в теплой, дружеской атмосфере и обещала иметь плодотворное продолжение.

БУТЕРБРОД И БЛАГОРОДНЫЕ ДЕВИЦЫ

Опальный художник Михаил Сморчевский-Бутерброд (добавка к фамилии произошла от его манеры демонстрировать свои картины, вешая их на спину и на грудь) после скандала с его картиной «Корова и Горбачев» был вынужден покинуть родину. Правда, с советским гражданством он расстаться не захотел, и позднее стало ясно, почему. Заработав денег, он вернулся в Россию, одержимый светлой идеей: возродить Александро-Мариинский институт благородных девиц, где содержались и воспитывались дочери офицеров. Это не случайность — последний управляющий институтом был родственником Сморчевского.

Обучать в возрожденном институте предполагается дочерей офицеров, погибших в Афганистане. Программа будет максимально приближена к традициям институтов благородных девиц, некогда существовавших: от математики и естествознания до Закона Божьего, рукоделие, кулинария, четыре иностранных языка. Для преподавателей будет объявлен конкурс. Диплом института будет действителен во всем мире.

И никаких скидок для дочерей генералов и военной номенклатуры. «Офицер — центральная фигура в армии», — считает Сморчевский. «Вот только жаль, — говорит он, — что у Министерства обороны категорически не нашлось на это денег».

Создан Всероссийский совет учредителей Института благородных девиц. Открыт благотворительный счет. Сам Сморчевский для начала пожертвовал на девиц сто тысяч долларов, а всего нужно для осуществления проекта, как подсчитано, около 100 миллионов рублей. Поскольку трагедия семей погибших офицеров интернациональна, Сморчевский обратился к послу Кувейта в СССР с предложением открыть в Эль-Кувейте аналогичный институт для дочерей офицеров и встретил понимание.

Как ни странно, Сморчевский-Бутерброд считает Советский Союз самой перспективной страной и полагает, что, вкладывая деньги в Россию, он вкладывает их в собственное будущее.

ПРИМЕТЫ РЕВОЛЮЦИИ

Это очень странно, но первые талоны появились отнюдь не в нашей стране, а во Франции, в Париже, во время буржуазной революции 1793 года. Но парижанам карточки не понравились, как и всему населению Европы. Первые карточки в России были введены в 1916 году. Благодаря всем последующим событиям талонов и карточек впоследствии было столько, что кому-то пришла в голову невеселая мысль сделать небольшую выставку, для которой любезно предоставил свое собрание карточек, талонов и купонов один московский коллекционер.

Выставка была открыта в холле бассейна «Чайка» — просто скромный, застекленный стенд. Реакция публики — самая разная. Молодежь, например, очень веселит то, что в таком-то году норма нижнего и верхнего белья была три штуки на год. Те, кто постарше, веселятся меньше, видимо, понимая, что времена меняются, а талоны и карточки в нашей жизни — вещь неуходящая...

РЕПЕТИТОР ВЫШЕЛ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

В подмосковном городе Троицке, где выдаются талоны на пачку маргарина, пачку «Геркулеса» и двести граммов сыра на человека в месяц, открылся частный лицей.

Его владельцем и директором одновременно стал Виктор Кузьмич Жульев, учитель троицкой средней школы. По его словам, мысль о частном учебном заведении появилась у него давно, в пору подпольных занятий репетиторством. Открытие лицея обошлось недорого: поначалу занятия шли у Жульева дома, потом — дома у преподавателей, которые присоединились к Виктору Кузьмичу, потом нашлось помещение в Троицке, а в данный момент работают уже два филиала в Москве.

Поскольку всем сейчас уже понятно, что не бывает одновременно бесплатно и хорошо, обучение платное. И даже очень — около 250 рублей в месяц. Видимо, будет еще больше — дорого стоит аренда помещений, довольно хорошо оплачивается работа преподавателей, в основном научных работников.

Директор лицея утверждает, что лицейское образование — это сочетание среднего образования с высшим. На вопрос, а как в лицее дело обстоит с модным нынче Законом Божьим, Жульев ответил, что его с успехом заменяет им самим разработанный курс этики, который базируется на библейских заповедях, изложенных в доступной форме.

По расчетам директора, на полную реализацию его проекта уйдет несколько лет и много сил. Ну, а совсем настоящий лицей — с собственным зданием, парком, бассейном, библиотекой и конюшней,— видимо, в наших условиях мечта несбыточная.

ЕСЛИ БЫ ТОЛЬКО ДЕНЬГАМИ...

Сообщение о том, как поклонники осыпали купюрами популярную певицу Азизу в цирке Владикавказа, и о том, как она в связи с этим прервала выступление, промелькнуло в периодике, вызвав соответствующую реакцию у читающей публики. Народ недоумевал: то ли купюры были оскорбительного достоинства, то ли достоинство певицы было оскорблено этим... Это, видимо, так и останется тайной.

Другое дело — меломаны в Усть-Каменогорске! Они так «затащились» от «музона» Ирины Аллегровой, что стали бросать на сцену все, что под руку попалось. К сожалению, денег не попадалось. А попался, в частности, железный шар, который, в свою очередь, попал в область ключицы звезды поп-музыки. К чести последней надо сказать, что Аллегрова допела песню до конца, а упала уже в гримерной, откуда и была доставлена в больницу.

В Наталью Гулькину, помните: «музыка нас, а-а, связала»? — запустили зажженным бенгальским огнем, чем изрядно попортили ей прическу.

Так что можно смело сказать: Азиза легко отделалась.

НАШ ПАРОВОЗ

Интерес к нашим святыням в западном мире пока еще велик. И, как истинные акулы капитализма, представители Запада так и норовят что-нибудь купить, нет чтобы просто посмотреть и отойти...

В настоящее время лакомым кусочком для богатых западных коллекционеров является... паровоз, доставивший в Москву тело вождя нашей революции. Так называемый «Траурный поезд В. И. Ленина» выставлен в специальном павильоне, выстроенном из мрамора и гранита. Все возведено с учетом лучших ленинско-мавзолейных традиций. Для установки поезда на «вечную стоянку» была сооружена специальная ветка. Впрочем, владельцы железнодорожно-транспортных коллекций цинично заявляют, что их интересует в паровозе не то, что вез он тело Ленина, а то, что это единственный в мире сохранившийся экземпляр серии У-127, собранной на знаменитом Путиловском заводе. Предложения продать паровоз за большие деньги в валюте поступали неоднократно, но директор музея категорически отклоняет сделки, ссылаясь на колоссальную коллекционную ценность экспоната.

Остается добавить, что паровоз раз в год проходит техосмотр и полностью на ходу.

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Евгений Андросов, Вероника Боде, Илья Воронов, Александр Чернушкин, Михаил Расташанский. Рисунки Александра Шахгелдяна. Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону: 212-23-07.

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

Рубрику ведет
Григорий ОСТЕР

Рисунок
Валерия ДМИТРЮКА

Борис ЗАХОДЕР

«Винни-Пух и Все-Все-Все», «Алиса в Стране Чудес», «Мэри Поппинс», «Питер Пэн» — вот далеко не полный перечень того, что перевел для нас, а вернее, пересказал, а еще точнее — заново написал на русском языке Борис Владимирович Заходер. Одного этого списка достаточно, чтоб считаться классиком, а если добавить и его собственные: прозу, стихи для детей и взрослых, пьесы, мультфильмы... Причем речь идет о популярных произведениях, известных уже нескольким поколениям в буквальном смысле наизусть.

Не так давно Борис Владимирович более чем скромно отметил свое семидесятилетие. За те пятьдесят лет, что Заходер существует в литературе, он ни разу не написал и не сделал ничего такого, что позволило бы Нашим Руководителям дать ему какую-нибудь премию, пригласить в какой-либо президиум.

Борис Владимирович, разрешите поздравить Вас с этим неполучением государственных премий, незанимание никаких должностей, постов и неучастием в длинном ряду громких событий общественно-литературной жизни последних пятидесяти лет текущего века.

ХОР ПЕРВОБЫТНЫХ ЗВЕРЕЙ

Из мультфильма «ФАНТИК»

Времена у нас
Любопытные —
Примитивные,
Первобытные.

Мы и сами все
Первобытные —
Неуклюжие,
Невоспитанные —
Неотесанные,
(То есть грубые);
— Мозоленогие!
— Неполнозубые!
— Толстокожие!
— Парнокопытные!
Эх, примитивные!
Ох, первобытные!

Только тот у нас
И спасается,
— Кто царапается!!
— Кто кусается!
— Кто лягается!
— Кто бодается!
— Или кто улизнуть
Догадается!

— Эх, кто бодается!
— Кто лягается!
— А жалеть — никого
Не полагается...

— Мы первобытные!
— Мы примитивные!
— Но — любопытные
И перспективные!..

ЧАЙКИ

Чайки в порту!
Чайки, чайки и чайки!
Всюду мелькают
Белые стайки.
Чайки — молчайки,
Чайки — кричайки —
Чайки в порту,
Несомненно,
Хозяйки!

Глупую мысль
Навевают мне чайки —
Эти бесспорно
Умные птички:
— Да неужели они,
Негодяйки,
Ловят рыбешку
В мутной водичке?!

* * *

Плачет Киска
в коридоре.

У нее
Большое горе:
Злые люди
Бедной Киске
Не дают
Украсть
Сосиски!

НУ И МЫШОНОК!

— Мам! — сказал Мышонок,—
Дай-ка мне вина.
— ЧТО-О? — сказала Мышка,—
Вот тебе и на!

— Ну,— сказал Мышонок,—
Дай хотя бы пива!
— Фу,— сказала Мышка,—
— Фу, как некрасиво!

— Пить-то мне охота,
Ма-моч-ка!
— На тебе, Мышонок,
Молочка.

ПОЭТ О КОРОВЕ

— Корова,—
Сказал он сурово,—
Не стоит доброго слова:
Она,
За охапку сена,—
(И как она только
решилась?!)
Всего,
Что действительно ценно,
На вечные веки лишилась...

Лишилась она свободы,
И впала в духовную спячку
И долгие, долгие годы *
Жует ту же самую жвачку...

А тот,
Кто ее не стоит,
Теперь ее доит и доит...

— Подумать,
Что эта дура —
Потомок
Буйного тура!

* По последним сведениям — более десяти тысяч лет.

ГИМНАСТИКА ДЛЯ ГОЛОВАСТИКА

(отрывок из книги)

1

Что случилось в нашей луже?
Драка — или что похуже?
Отчего, как никогда,
Взбаламучена вода?

Это разные козявки и букашки
Пристают
К Головастику, к бедняжке.
Налетает мелюзга
На него, как на врага.
Хохот, крики, град насмешек!

— Дядя Пуд!
— Пузырь!
— Орешек!
— Жирный пончик!
— Маслотрест!..
Как им всем не надоест!

2

Что бы это означало?
Вдруг — такой переворот...
Ведь хвалил его сначала
Мелкий прудовой народ.

Ведь вчера — еще вчера! —
Распевала мошкара:
— Слава, слава
Головастику!
— Ура, ура, ура!

3

Да когда он в пруду
Появился —
Весь народ прудовой
Оживился.

— Головастый! — сказал усатый
Рак.—
Сразу видно — парень не дурак.
Наша жизнь —
Она сплошная муть.
А вот он, глядишь, отыщет суть...

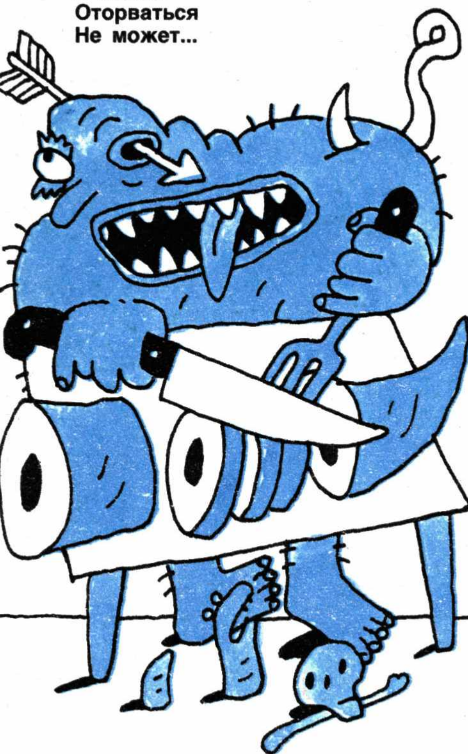
А уж как ликовали мальки!
— Мы тут прямо пропадаем
От тоски.
Мы ведь варимся
В собственном соку.
Как мы рады
Такому новичку!

Хорошо, что ты решил
Здесь поселиться!
Будем вместе
Играть и веселиться!

4

Только наш новичок —
Молчок...
Прицепился
К травинке подводной
И вцепился в нее,
Как голодный.
То сосет,
То глотает,
То гложет —
И никак
Оторваться
Не может...

КОТЫ

Не тяни кота за хвост и не бей его по пузу мокрым полотенцем
(Народная мудрость)

Живут на земле
Существа неземной красоты.
Я думаю —
Ты догадался, читатель,
Что это — КОТЫ.
(Да, «кошки» —
Хорошее слово, научное слово,
Но ты,
Читатель,
Забудь это слово
И помни лишь слово
КОТЫ!)

КОТЫ грациозны,—
Какая гимнастка
Сравнится с котом?
Взгляни, например,
Как он лижет себя
под хвостом!
КОТЫ музыкальны —
Не верь, о читатель,
Пустым разговорам,
Что будто
Кошачий концерт
Не сравнится
С ангельским хором...

А впрочем,
КОТЫ
Не боятся людской клеветы.
КОТЫ —
Они выше мирской суеты.
Поверь,
Словно светоч среди темноты
Нам посланы свыше
КОТЫ!..

Но тот, кто не хочет
(А ты ведь не хочешь?)
С КОТАМИ расстаться,—
Тот должен серьезно
(Да, очень серьезно!)
С КОТАМИ считаться.

Наука открыла:
Природа не может
терпеть пустоты.
Добавлю:
Особенно —
лучшая часть
этой самой
природы —
КОТЫ.

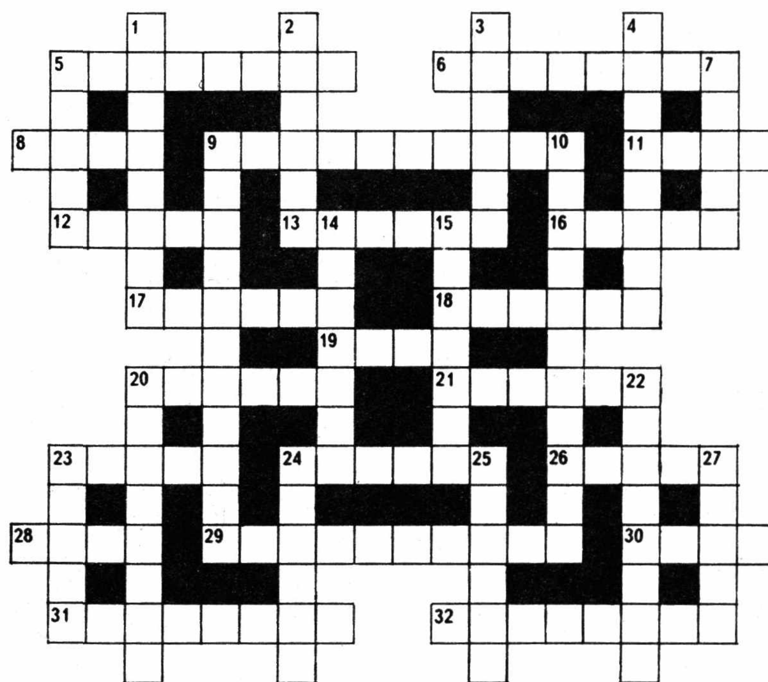

Держать на голодном пайке?
Говорят,
Можно так обращаться с людьми...
Но если уж держишь КОТОВ —
То корми
И корми,
Корми!

КОТЫ в нашем доме
Покой и уют создают,—
Но сами КОТЫ
Тоже любят покой и уют!
И если, допустим,
Внезапно захочешь
Ударить в тамтам,—
Сначала подумай,
Приятно ли это КОТАМ!

А главное —
Даже не пробуй
К КОТАМ обращаться «на ты»,
Поскольку любой,
Самый маленький кот —
Это тоже КОТЫ!
Разумнее не забывать,
Что КОТЫ —
Несомненные родичи Тигров,
И помнить народную мудрость
(Ее я вынес в эпиграф...).

Осталось добавить,
Что тех,
Кто не хочет
Серьезно считаться с КОТАМИ,—
КОТЫ
(И вполне справедливо!)
Считают
Скотами!

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Действующее лицо в художественном произведении. 6. Балет Л. Ф. Минкуса. 8. Композитор, автор оперы «Армида». 9. Устройство для жаренья кулинарных и кондитерских изделий в горячем жире. 11. Вертикальная или наклонная подземная горная выработка. 12. Часть огнестрельного оружия. 13. Залив Тихого океана у берегов Северной Америки. 16. Снасть для укрепления мачты. 17. Минерал, разновидностями которого являются рубин, топаз, сапфир. 18. Традиционная одежда японцев. 19. Рассказ И. С. Тургенева. 20. Приток Амура. 21. Город в Курганской области. 23. Вулканический остров в Тихом океане. 24. Река на острове Калимантан, в Индонезии. 26. Фигура пилотажа. 28. Сорт яблок. 29. Неоднократная чемпионка СССР и мира по конькобежному спорту. 30. Курс судна относительно ветра. 31. Предмет на местности, помогающий определить направление движения. 32. Озеро в Центральных Андах, на границе Перу и Боливии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Бальный танец. 2. Оперетта И. Кальмана. 3. Спортивное оружие. 4. Русский живописец, передвижник. 5. Двусторонний ковер без ворса. 7. Главная артерия кровеносной системы. 9. Коллекционирование значков. 10. Город в Донецкой области. 14. Баллада В. А. Жуковского. 15. Лесная перелетная птица. 20. Основоположник научной педагогики в России. 22. Устройство для распыления жидкой краски. 23. Бальный танец. 24. Остров в Финском заливе. 25. Украинский писатель, Герой Социалистического Труда. 27. Крупная лесная птица семейства дятлов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Испания. 6. Чусовая. 9. Гайдн. 11. Флора. 12. Ошава. 16. Церера. 17. Ирасек. 18. Масштаб. 20. Транзит. 22. Чикаго. 23. Таллий. 24. Пульт. 26. Щусев. 28. «Адели». 29. Нахимов. 30. Почтамт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Барон. 2. Жираф. 3. Румба. 4. Сорго. 5. Изразец. 7. Яковлев. 8. Промышленность. 10. «Двенадцать». 13. Шварцвальд. 14. Гамзатов. 15. Либретто. 19. Микулин. 21. Диалект. 25. Тушин. 26. Щугор. 27. Ворот. 28. Амати.

1 руб. Индекс 70663